

ЧЕСТЬ

ОТВАГА

Юрий Перов

...Дорога заметно сузилась. Подозрительная старушка перешла на левую сторону и заняла место Рудакова. Он отошел назад. Дорога превратилась в тропинку. Теперь на ней еле умещались двое. Старушка шла вплотную, и Кузьма чувствовал ее высохший острый локоть. Внезапно она резко двинулась. Ее рука распрямилась и ударила с неожиданной силой Кузьму в плечо. Кузьма еле удержался на ногах. Сохраняя равновесие, он нелепо взмахнул руками. Его свеча описала полукруг, погасла и канула в обрыв.

Старушка замахнулась для второго удара, но тут Кузьма поймал ее руку. Ему стало не по себе. Он почувствовал в своей руке крепкое, ширококостное, мужское запястье...

ИПЦ

МУЖЕСТВО

Юрий Перов

И П Ц

Приключенческая повесть

**ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ВЛКСМ
«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»
1969**

Кузьма пришел на станцию рано утром. Дежурный матрос только что поднял флаг спасательной службы и курил с дневной сменой. У всех были заспанные лица.

Кузьма сидел в стороне и с любопытством оглядывался. На него никто даже не посмотрел: посторонний человек на спасательной станции дело обычное. Наконец Кузьма встал и подошел к матросам.

— Ребята, — сказал он, — мне нужен начальник станции.

— А зачем? — спросил Геша, старшина катеров.

— Хочу поработать на станции, — сказал Кузьма.

Ребята замолчали и посмотрели на него с интересом.

— А что ты умеешь? — спросил Геша и с сомнением оглядел Кузьму. Его бледную шею, тонкие в запястьях руки с музыкальными пальцами и аккуратными ногтями, квадратные узкие плечи, острые ключицы, виднеющиеся под расстегнутым воротом рубашки. —

Ведь за тебя никто не будет вкалывать, — назидательно произнес старшина...

— Мерещится мне, — ласково продолжал старшина, — что твоя мамка обидится, когда увидит тебя бледным и нездоровым после нашей ужасной деятельности. — Он ехидно замолчал и выплюнул окурок «Беломора» в Черное море.

Матросы с сочувствием посмотрели на Кузьму. Тот подошел вплотную к старшине и ответил ему:

— Ведешь ты себя так, словно я собираюсь отбить у тебя твой нелегкий кусок хлеба.

Сказав это, Кузьма отошел и снова сел на киль перевернутой для просушки старой шлюпки.

На станции стало тихо. Спасатели смотрели на новичка, и в их глазах светилось по-детски чистое любопытство. А обветренные на курортном ветру носы их с наслаждением вдыхали запах потасовки. Но Геша не высказал своих намерений. А незнакомец обратился к матросам с негромкой речью.

— Меня зовут Кузьмой, — сказал он, — и, если кто-нибудь интересуется, я могу рассказать о роли конкуренции в развитии капитализма.

— Ни к чему нам это, — с неожиданным радужием возразил Геша и протянул Кузьме свою руку. — Меня зовут Геша.

— Тогда все в порядке.

— А я думал, что ты пижон, — сказал старшина.

— А я думал, что ты куркуль, — сказал Кузьма. И они с удовольствием пожали друг другу руки.

Начальнику станции Морозову люди были нужны. Он задал Кузьме несколько наводящих вопросов. Тот выложил ему студенческий билет института физкультуры. Рассказал, что приехал на каникулы из Москвы, что на одну стипендию не проживешь. А когда перед начальником оказалось удостоверение спортсмена-подводника, он сразу обмяк и разговорился.

— А может быть, ты и в радиотехнике разбираешься? — неуверенно спросил Морозов.

Кузьма скромно пожал плечами.

— Немного, — сказал он и застеснялся.

— А ты не раздумываешь у меня работать? — насторожился Морозов.

— Не раздумую.

Геша лично вручил Кузьме шлюпку типа «Тузик».

— Вон, видишь, водные велосипеды? Нужно, чтобы они не заходили за буйки. А то еще покалечат кого-нибудь из купающихся. С тобой пойдет Игорь Рудаков. Он все тебе объяснит. А вечером погуляем. С нами не соскучишься.

— Слушаюсь, старшина.

Кузьма с наслаждением врезал весла в теплую воду. Рудаков развалился на корме. Он курил. Сиреневый дым лениво выползал из-под ковбойской шляпы и поднимался к сияющему солнцу. Велосипеды кучно плавали в узком загоне. Курортницы томились на их мокрых деревянных скамейках, похожих на парковые. Они подставляли щедрому солнцу обнаженные животы и ноги. Солнце нежно ласкало их

кожу. Рудаков снисходительно поглядывал на наездниц. Он делал вид, что ему на них начихать. Он и не подозревал, что нельзя чихать на прекрасный пол.

— Ты посмотри на этих полных идиотов, — сказал Игорь и показал на велосипед № 8. На нем торжественно восседали два парня. Они были в кожаных шортах и в ослепительных силовых рубашках. На запястьях у них сверкали браслеты. Через плечо у одного висел транзисторный японский магнитофон. На другом парне висел тяжелый фотоаппарат. Они с довольными ухмылками гонялись за девушками. Лопasti их велосипеда хлюпали по воде и поднимали тучи брызг. Магнитофон орал дурным голосом. Девушки боязливо оглядывались и старались ускользнуть от преследователей.

Рудаков поднес к губам мегафон.

— Граждане, вы промочите свои штанишки.

Граждане посмотрели в сторону спасателей с совершенным презрением. Тогда Игорь надвинул шляпу на свои голубые глаза и набрал в легкие воздуха.

— Эгей! — крикнул он, и в его голосе прозвучал металл. — Эгей! Казаки! Кончай базар. А то будете слушать свою музыку на станции.

— «Не плачь, дитя, не плачь напрасно...» — с беспредельным нахальством ответили «казаки». Рудаков значительно взглянул на Кузьму. «Тузик» вздрогнул. Круто взял вправо. Вода за кормой вскипела, и легкий полуденный зыб застучал по обшивке. «Казаки» попробовали было улизнуть от шлюпки. Они стали неожиданно разворачиваться на месте. Равновесие было потеряно. Неуклюжий велосипед начал одним боком зарываться в воду. Потом над водой показа-

лось его ржавое брюхо, и с громким чмоканьем он опрокинулся. Пассажиры с криком прыгнули в разные стороны.

— Я это предвидел, — хладнокровно заметил Рудаков, когда из воды выглянули две испуганные физиономии.

— Ну что, казаки? — оживленно спросил Игорь. — Допрыгались? Ну, давайте вещички в шлюпку...

Один из парней протянул Игорю магнитофон. Из него вылилась тонкая струйка воды. Все остальное, по-видимому, осталось на дне морском.

— Плавать-то умеете, казаки? Давайте агрегат к берегу. Своим ходом. А я барахло ваше ловить буду.

Он приладил маску, натянул ласты и спиной прыгнул в воду. Судорожно ухватившись за перевернутый велосипед, парни о чем-то шептались. Кузьма с жалостью смотрел на них. Наконец вынырнул Рудаков. Он передал Кузьме фотоаппарат, модный башмак и кожаный бумажник. Затем выловил блестящий браслет. Потом и сам залез в шлюпку.

— За вещами зайдете на станцию, — неподкупным голосом бросил парням Рудаков. — Давай, Кузьма...

Один из потерпевших крушение уцепился за корму.

— Ребята, отдайте, пожалуйста. Будьте людьми. Если штраф, то мы прямо вам заплатим. Не обидим, не думайте...

— Может быть, отдадим? Ну их к лешему, жалкие они очень. — Кузьма вопросительно посмотрел на Рудакова.

— Давай на станцию, Кузьма. Особенно не торопись. Поговорить надо. Давай-ка выгребь мористее.

Когда они оказались на достаточном расстоянии от велопастибища, Игорь развернул бумажник. Кузьма присвистнул. В бумажнике оказалась слипшаяся пачка денег. Рудаков разлепил бумажки. Это были доллары.

— Что будем делать? — спросил Игорь.

— Что ты предлагаешь?

— По-моему, сообщать об этом на станцию не стоит, — сказал Рудаков. — Это дело не спасателей, а милиции. А заявить можно и завтра. Можно их самих спросить, как и что. Ты согласен?

— Не знаю... — Кузьма пожал плечами. — Может быть, в милиции лучше с этим справятся?

— Неопытный ты человек, Кузьма, — снисходительно произнес Рудаков. — Милиция — дело серьезное. А мы по-товарищески, корыстно интересуемся. Мол, не будьте жмотами, поделитесь опытом, мол, нам тоже пижонами стать охота, а?..

— Прав ты! — с восхищением произнес Кузьма. — У тебя аналитический склад ума. А как ты думаешь, они расскажут?

— Посмотрим... — с достоинством ответил опытный спасатель.

Пижоны уже поджидали их на станции. Рудаков выдать вещи отказался. Он велел им прийти вечером, после работы.

— Может быть, и договоримся.

— Спасибо, друг, в обиде не останешься, — про-

никновенно заверили его парни. И потом долго трясли правую руку Рудакова

Первый рабочий день на станции кончился. Кузьма был в восторге от новой работы, от новых друзей. К вечеру он был настолько переполнен впечатлениями, что совсем забыл о двух пижонах-неудачниках. Напомнил о них сам Рудаков.

— Ну, ты как? — спросил он. — Подождешь со мной потерпевших?

— Могу, — Кузьма пожал плечами, — только пользы от меня не много будет. Не умею я с такими. У меня от них это... зубы начинают болеть.

— Так ты, значит, устранишься? — разочарованно спросил Игорь.

— Да уж не знаю, как быть... Если очень нужно, то, конечно, могу.

— Тогда давай ждать, — обрадовался Рудаков, — а потом, если хочешь, на старушек посмотрим. Это доставит тебе удовольствие.

— А что это за старушки, на которых можно посмотреть? — заинтересовался Кузьма.

— Завтра день поминовения усопших, — начал Рудаков, — и вот сегодня божьи старушки собираются у церкви. Когда их набирается около батальона, они начинают митинговать. После митинга они достают огромные свечи и зажигают их от какого-то угодника. Потом строятся поротно и идут на кладбище. Там они ставят свечи на могилы и расходятся, но уже не организованно. А так как кладбище находится на крутом берегу, то зрелище это очень внушительное и заманчивое. — Рудаков умолк и затянулся сигаретой.

— Не понимаю, чего ты остришь? Обычай очень красивый.

— Религия — опиум для народа, — безапелляционно заявил Игорь.

— Ну, уж к богу это не имеет никакого отношения. — Кузьма улыбнулся. — Просто дань памяти усопших.

— Да ладно тебе, — Рудаков отчаянно махнул рукой, — шибко ты правильный. Пусть будет по-твоему, согласен...

— Однако пижоны не спешат.

— Пижон — всегда пижон, — изрек Рудаков и посмотрел на часы.

Шел уже десятый час вечера. Солнце только что скрылось за морем. Воздух загустел и стал прозрачным. Здания санаториев и пионерских лагерей проступили отчетливее и ближе. Их белые стены собирали из воздуха остатки солнечного света и дышали серебряным маревом. Сверху, с набережной, до спасательной доносился загадочный женский смех. На всех курортах мира по вечерам, в сиреневых или зеленых сумерках женщины смеются загадочно и маняще...

Рудаков начал томиться. Его уши трепетали и ловили женские голоса. Глаза стали тоскливыми. Уже пришел ночной дежурный — боцман Гарри Васильевич. Уже он познакомился с Кузьмой и предложил ему партию в шахматы. В молодости боцман был чемпионом Черноморского флота по боксу в тяжелом весе. Чемпионом по шахматам он никогда не был, но это не мешало ему выиграть на десятом ходу. Кузьма обозлился и в следующей партии поставил мат на

пятом ходу. Оба остались чрезвычайно довольны друг другом.

А Рудаков томился.

— А не пора ли нам? — со свойственным ему глубокомыслием заявил он.

Кузьма развел руками. В это время на станцию пришла женщина. Рудаков преобразился. Он даже посвежел с лица. У женщины были воспаленные веки и покрасневший нос. Она прижимала к лицу мокрый платочек. Кузьма предложил женщине сесть, а она громко зарыдала. Кузьма смутился и отошел в сторону. К рыдающей женщине подошел Гарри Васильевич и ласково спросил:

— Вы, может быть, что-нибудь потеряли? Вы успокойтесь и расскажите нам все, а мы вас утешим по мере наших сил. — И боцман расправил свои могучие, слегка оплывшие плечи.

Женщина зарыдала еще безутешнее, но все же заговорила:

— Я уже не знаю, что и делать... Я совсем с ног сбилась. Его нигде нет. Я и в милицию заявляла. Я всех знакомых расспросила. Нигде, нигде его нет. Бедный ребенок...

— А когда его видели в последний раз? — сочувственно спросил боцман.

— Вчера, — всхлипывая, ответила женщина, — вчера его видела на пляже наша соседка. Он, говорит, сидел на песке со своими дружками и играл в карты. Возле него стоял какой-то заграничный приемник и играл на весь берег. Какой приемник, я и сама не знаю. Никакого приемника я ему не покупала.

— А сколько лет вашему ребенку? — спросил Кузьма.

— Восемнадцать, — ответила женщина и зарыдала с новой силой. — Он только и успел школу закончить...

— Какие штаны на нем были? — без обиняков спросил Рудаков.

Женщина утерлась платочком.

— Я ему три дня назад шортики сшила. Такие красивые, из японского кожаменителя. Вот он в них и пошел. Еще на нем рубашечка была белая силовая...

— Не расстраивайтесь, — сказал Рудаков. — Ваш ребенок не пропал, не утонул. Просто загуляло дите.

— Ага! — радостно подтвердил Кузьма. — Дите пошло на волю, в пампасы. Мы его сегодня видели.

Женщина не донесла платочка до носа.

— Неужели он?! Светленький такой, с проборчиком...

— Он и есть, — заверил ее Рудаков, — только пробора уже нет. Смылся пробор. Он сегодня с приятелем на водном велосипеде перевернулся. Со всей радиотехникой.

— Когда это было? — внезапно успокоившись, спросила женщина.

— Да часа примерно в два...

Женщина совершенно преобразилась. Она спрятала платок, посидела некоторое время в глубокой задумчивости и неожиданно разразилась бранью:

— Ах, он мерзавец! Мать здесь с ума сходит, по милициям бегает, а он с друзьями на велосипедах разъезжает. Развлекается, видите ли. Ну, пусть он,

подлец, только заявится домой!.. Я ему покажу! Я ему покажу и как с дружками шляться, и как дома не ночевать, и как на велосипедах кувыряться. Я ему все покажу...

Она долго извинялась. Потом ушла. На станции некоторое время пахло ее духами и слезами.

— Ничего себе ребеночек... — только и сказал Рудаков. — Пойдем, Кузьма, ужинать, а потом к старушкам. Ждать уже бесполезно. — Он протянул боцману руку. — Спокойной ночи, Гарри Васильевич. Если меня будет спрашивать какой-нибудь ребенок в коротеньких штанишках, скажи, пусть приходит завтра.

— А куда ты дел ихний скарб? — спросил по дороге Кузьма.

— Их барахлишко я в водолазке в ящик под кислородные баллоны запихнул. Место надежное. А бумажник с собой. Тоже как в сберкассе...

— Откуда мы старушек будем наблюдать? — поинтересовался Кузьма.

— Пристроимся где-нибудь в сторонке. Хорошо бы вместе с ними на кладбище сходить.

— И не думай, — решительно возразил Кузьма. — Будет скандал. Большой скандал может получиться.

— Да брось ты... В темноте все равно не видно. Возьмем в руки по свечке и тихим шагом... В толпе никто не разберется!

* * *

Всю дорогу Кузьму мучили всевозможные предчувствия:

— Лженерон, Лжедмитрий и две лжестарушки.

— Ты что, трусишь? — подначивал его Рудаков. — Старушек испугался?

— Не испугался, но все же испытываю некоторые ощущения в коленках.

Они шли и переговаривались вполголоса. В руках они торжественно держали по здоровой восемнадцатикопеечной свече. Редкий свет уличных фонарей тускло отражался на жирных боках свеч. Ночь была безлунная. В городе тихо, только где-то захлебывалась собака. Возле церкви безмолвно суетились согбенные старушки. Ребята вошли на церковный двор и смешались с толпой.

Наконец старушки перестали суетиться и сгруппировались у паперти. Двери распахнулись. Весь в золоте и сиянии свеч появился рослый, красивый священник. Он что-то сказал старушкам, и они хором выдохнули: «Аминь».

Ребята вместе со всеми вошли в церковь и зажгли свои свечи от лампы под иконой Николая Угодника.

...Дорога на кладбище проходила по самому краю обрыва. По левую сторону чернел и пугал своей мертвой чернотой пустырь. По правую сторону был тридцатиметровый обрыв. Снизу доносился глухой ропот моря и костяной перестук. Это волны перегоняли с места на место прибрежную гальку. Мигал красный глаз маяка. Через равные промежутки времени он окрашивал причудливые линии обрыва красным светом, словно обливал кровью. Старушки испуганно оглядывались и мелко крестились. Свечи, открытые свежему дыханию моря, начали трепетать. Перекрестившись, старушки снова заслоняли огонь рукой. Свечи успо-

каивались. Их неровный свет выхватывал из глухой тьмы белые пятна старушечьих лиц. Все остальное было укрыто непроницаемо черной одеждой и сливалось с ночью. Кузьма зябко поеживался.

— А не уйти ли нам? — горячо прошептал он в самое ухо Рудакову.

— Самое интересное еще не началось. Впереди кладбище и почетный караул привидений, — злоевещим шепотом ответил Рудаков.

Кузьма вздрогнул.

— А ты знаешь, в эту ночь даже цикады никогда не поют, — сказал Рудаков.

Кузьма прислушался. И действительно, цикады молчали. Лишь тишину раздирало шарканье старушечьих ног. Временами из-под неуверенной ноги срывался камень. Он долго падал и звонко цокал по глыбам до самой воды, словно кто-то стучал зубами от холода. Спасатели тоже усердно шаркали ногами и прятали лица от пламени свечей. Кузьма заметил, что одна из старушек стала часто поворачивать голову в их сторону.

— Держись левее, — прошептал Рудаков. — Сейчас будет самое узкое место дороги. А то загремишь вниз, я и костей не соберу. Придется посылать тебя в Москву заказной бандеролью. — Рудаков шутил, но голос его дрожал и прерывался.

...Дорога заметно сузилась. Подозрительная старушка перешла на левую сторону и заняла место Рудакова. Он отошел назад: Дорога превратилась в тропинку. Теперь на ней еле умещались двое. Старушка шла вплотную, и Кузьма чувствовал ее высохший острый локоть. Внезапно она резко двинулась. Ее ру-

ка распрямилась и ударила с неожиданной силой Кузьму в плечо. Кузьма еле удержался на ногах. Сохраняя равновесие, он нелепо взмахнул руками. Его свеча описала полукруг, погасла и канула в обрыв. Старушка замахнулась для второго удара, но тут Кузьма поймал ее за руку. Ему стало не по себе. Он почувствовал в своей руке крепкое, ширококостное мужское запястье...

Глава вторая

Гарри Васильевич не любил ночную вахту. Человек он был общительный, и ночное одиночество угнетало его. Хорошо, если кто-нибудь из ребят, проводив свою девчонку, на пути к дому заглянет на станцию. Тогда можно поговорить или сыграть партию в шахматы. На худой конец, можно забить рыбацкого козла на четыре конца.

Чтобы хоть как-нибудь убить время, боцман начал сухую приборку. Обычно ночные вахтенные делают ее по утрам. Он сдвинул стулья в кабинете начальника, открыл водолазку, свернул в плотные кули ковровую дорожку из коридора. Освещение на станции было тусклое. По ночам здесь, кроме одного дежурного, никого не оставалось, и начальник — человек без предрассудков — экономил электроэнергию. Молодым спасателям это не нравилось. Они норовили запереться в светлой дежурке и не выходить из нее всю ночь. А самые молодые обвешивали на ночь себя ракетни-

цами и длинными водолазными ножами. А коль ложились прикорнуть, то устраивались на жестких стульях. Что-то мешало им пользоваться удобными санитарными носилками, на которых переносились утопшие.

Гарри Васильевич аккуратно, растянув насколько возможно удовольствие, подмел всю станцию, даже залез на наблюдательную вышку и вымел оттуда все окурки, оставленные дневными дежурными. Он собрал мусор в железный совок и закурил. Потом облокотился о резные деревянные перила и стал смотреть на бухту, опоясанную цепочкой золотистых береговых огней. Огни сверкали и отражались в море. А самые дальние, еле различимые огоньки смешивались со звездами. Словно глаз притаившегося хищника, вспыхивал и затухал зеленый огонек бакена. В порту призрачно белело большое и ладное тело теплохода. Он весело мигал ходовыми огнями. Из открытых иллюминаторов слышалось похрипывание транзисторов и довольный мужской смех. Гарри Васильевичу стало грустно, и он спустился в дежурку. Принес из коридора брезентовые санитарные носилки. Они были старые. По всему брезенту проступали неизвестного происхождения пятна. Ржавые петли раскрывались туго и противно скрипели. Боцман свернул под голову потертый бушлат с позеленевшими пуговицами и прилег. Брезент затрещал и просел чуть не до полу...

...Гарри Васильевич очнулся от дремоты с ощущением, что кто-то на него смотрит. Он огляделся. Вокруг никого не было. Он резко повернулся и посмотрел в окно. Одна его половина была открыта. За ок-

ном виднелась слабо освещенная веранда станции. Там тоже никого не было. Боцман снова прикрыл глаза и с хрустом в костях потянулся всем телом. «Зашел бы кто-нибудь... — подумал он. — Когда другой дежурный, так полна станция народу. Все «корешки» собираются. Сейчас приемник на окно — и пошли кормой вертеть. И сколько им ни говори, что нельзя на окно, что ругают за это... Да, а ведь я окна-то не открывал вроде...»

Боцман приподнял голову. «Точно, не открывал», — вспомнил он. От неожиданности он даже присел на носилках.

Открытое окно тихонько поскрипывало на ветру. Боцман не утерпел и вышел на веранду. На дворе было свежо и пустынно. Внизу под пандусом шевелилась вода. Боцман спустился по дощатому трапу к воде и умылся. Потом вернулся в дежурку, закрыл окно и снова задремал. Проснулся он на этот раз от сильного стука. За стеной что-то упало. Боцман прислушался. В коридоре за дверью раздались шаги.

— Кто там?! — крикнул боцман.

Звук шагов стих, но заскрипела дверь, и раздался характерный скрежет ключа. Боцман выскочил в коридор. Там никого не было. В воздухе явно чувствовалось присутствие человека. Казалось, еще проносятся ветерок и медленно оседает пыль, поднятая чьими-то быстрыми шагами. Гарри Васильевич бросился к водолазке. В том, что скрипнула именно ее дверь, он не сомневался. Боцман приник ухом к замочной скважине. За дверью он услышал какой-то шорох. Гарри Васильевич рванул дверь, но она оказалась запертой. Он нагнулся и заглянул в замочную

скважину. В ней торчал ключ, вставленный изнутри.

— Кто там? — крикнул боцман и прислонился ухом к двери. — Эй! Кто там? Открой, хуже будет. — Боцман грохнул своим огромным кулаком в дверь. По пустынному помещению пронеслось гулкое эхо. За дверью завозились. Боцман пошарил по карманам и вспомнил, что связку ключей от всей станции он оставил в ящике стола в дежурке. Бросился туда. Когда вернулся, ключа в замочной скважине уже не было. Хрястнул своим ключом и распахнул дверь.

В комнатке было пусто. Висели на вешалке огромные резиновые водолазные костюмы. Поблескивали свежевыкрашенные акваланги. Боцман растерянно огляделся. Окна плотно прикрыты и заперты на щеколду. Он посмотрел на вешалку. И там никого не было. Гарри Васильевич почувствовал, как большая капля пота скатывается ему на нос. «Ну, хорошо, — подумал он, — допустим, что шаги мне могли и померещиться со сна, но ключ-то я видел точно. Значит, здесь кто-то был. Так куда же он делся?»

Боцман тщательно запер водолазку и в глубоком раздумье вернулся в дежурку. На улице затихли все звуки. Было уже два часа ночи. Он закурил. Но посидеть спокойно ему не удалось. В стороне водолазки вновь послышался шум. Боцман бросился туда. Он был почему-то уверен, что это свои же, спасатели, разыгрывают его.

Дверь в водолазку была по-прежнему заперта. Он открыл ее и замер в изумлении. Лишь пять минут тому назад он заходил сюда и здесь было все в порядке. Сейчас же перед глазами боцмана предстала кар-

тина полного разгрома. Легкие водолазные скафандры были брошены на пол. Ящик с запасными баллонами от аквалангов открыт, и баллоны беспорядочно разбросаны по полу. Окно, не открывавшееся годами, распахнуто настежь. И открыть его могли лишь изнутри. В этом нет никакого сомнения. Ведь пять минут назад боцман собственноручно проверил все запоры. Боцман поднял скафандр и подошел к вешалке. Но тут его внимание привлекло небольшое мокрое пятно на внутренней стенке скафандра. В помещении было абсолютно сухо.

«Надышал кто-то», — подумал боцман.

Все прояснилось. Тот, кто был в водолажке, спрятался в скафандр, когда Гарри Васильевич заходил сюда в первый раз. Потом он спокойно вышел в окно и даже не осторожничал. Можно было и тише вылезти... А откуда у него ключ? Заходил-то он через дверь... А если это свой, то почему он не открылся? И что он здесь искал?..

Боцман внимательно проверил оборудование. Из водолажки ничего не пропало. Боцман привел все в надлежащий вид и вышел на улицу. Дважды обошел вокруг станции. Тщательно осмотрел землю под окном водолажки. Ничего подозрительного не обнаружил. Когда возвращался, заметил на занавешенном и ярко освещенном окне дежурки четкую человеческую тень.

* * *

Кузьма резким движением вывернул руку «старушки» и подтянул кисть как можно выше к затылку. Послышалось ругательство, сказанное сдавленным

голосом. Оставаться долго в такой позе было невозможно. Сзади напирали старушки, и, по всей вероятности, настоящие. Кузьма подтолкнул человека в спину и прошептал:

— Иди вперед.

Позади раздался тревожный шепот Рудакова:

— Что случилось, Кузьма?

— Это не старуха, — ответил Кузьма.

Впереди появились кресты, подсвеченные блеклым светом свечей. Старухи, дойдя до ворот, рассыпались по всему кладбищу к могилам своих родственников.

Кузьма позвал Рудакова.

— Ну-ка, посвети.

Рудаков поднес свечу к самому лицу незнакомца, но тот неожиданно задул огонек. Ребята успели рассмотреть лишь густую щетину на щеках незнакомца и блестящие, глубоко посаженные глаза. Неожиданно пленник выбросил ногу и с большой силой оттолкнулся от массивного мраморного надгробья. Он навалился на Кузьму спиной и подмял его под себя. Кузьма стукнулся лопаткой об осколок могильной плиты, вскрикнул и выпустил руку. Незнакомец вскочил, прыгнул в сторону и через мгновение слился с темнотой. Рудаков, подминая кусты, тяжело дыша, бросился за ним.

Когда он вернулся, Кузьма был уже на ногах.

— Нигде нет, — сказал Рудаков, — наверное, спрятался. А ты как?

— Да вроде ничего... — смущенно ответил Кузьма. — Чуть позвоночник не сломал. Здоровенный, черт! Аж треснуло что-то под лопаткой. В нем килограмм девяносто, не меньше...

— Здоровый мужчина, — согласился Рудаков. — Только не понимаю, как ты догадался, что это мужик?

— Он пытался столкнуть меня с обрыва... Не знаю, думал ли он, что я старуха... Наверное, он был в этом уверен. Первый удар был довольно слабый. Таким ударом мужчину не свалишь. А второй удар я успел предупредить. Если б он знал, что я не старуха, быть бы мне в обрыве.

— А зачем ему старушку гробить? — спросил Рудаков. — Это совсем непонятно. Взять — и ни с того ни с сего убить старушку...

— Да, это по меньшей мере странно... — задумчиво произнес Кузьма.

— Не пойти ли нам домой, — предложил Рудаков и зябко поежился.

Над могилами бесшумно плавали белые пятна старушечьих платков. Около свечей кружились тучи ночных мотыльков. Приторно пахли могильные цветы.

— Пойдем, — согласился Кузьма. — Тут больше делать нечего. — Рудаков осветил надгробие из ноздреватого песчаника, увенчанное жестяной звездой, и прочел:

«Гвардии капитан Войскунов П. И. Геройски погиб в боях за Родину. 14 июня 1943 г.».

Рудаков бережно укрепил свечу у основания надгробия, и ребята вышли с кладбища. Они отправились той же дорогой, по краю обрыва. Проходя самое узкое место, Кузьма зажег спичку. На земле отчетливо был виден след ноги, соскользнувшей в сторону обрыва. Рудаков отыскал камень и бросил его

вниз. Через несколько секунд послышался резкий стук, а затем всплеск.

— Зайдем на станцию, — предложил Кузьма. — А то у меня душа неспокойна. Как бы не утянули наши вещички.

— Там же боцман, — возразил Рудаков, — не похож он на человека, у которого можно что-то утянуть.

— Предчувствие у меня есть, — сказал Кузьма. — И когда сюда шли, предчувствие было. И не только предчувствие... Только давай не трепаться. А то засмеют...

Ребята вошли в дежурку. Гарри Васильевича на месте не было. Потом послышались его грузные торопливые шаги. Дверь с шумом распахнулась, и на пороге появился запыхавшийся боцман.

— Это вы? — подозрительно спросил он и повел свирепым глазом по углам комнаты.

— А ты думал, пара утопленничков пришла навещать тебя? — неудачно сострил Рудаков. После всех приключений к нему еще не вернулось обычное чувство юмора. Боцман покосился на шутника и, не ответив, стал расставлять шахматные фигуры.

— Хорошо тебе здесь, спокойно...

Гарри Васильевич расставил фигуры и пригласил Кузьму на партию. Сделал ход и спросил, вроде невзначай:

— Вы не заходили на станцию полчаса назад?

— Нет, — ответил Кузьма и изучающе посмотрел на боцмана. — Что-нибудь случилось?

— А точно не заходили?

— Чтоб мне умереть на этом полу, — заверил его Рудаков. — В чем дело, Гарри Васильевич?

— Да так... — И боцман надолго замолчал.

Большая ночная бабочка с настойчивостью автомата била крылышками о стекло. Отлетала назад и снова шлепалась, оставляя на окне серебристую пыльцу. Потрескивали на стенах пересошие досаафовские плакаты с инструкциями для спасателей. На плакатах утопающие с деревянными лицами цеплялись за своих спасателей, а те отработанными движениями пытались от них избавиться и вытолкнуть на поверхность вод.

Боцман объявил Кузьме шах и только тогда заговорил:

— Какой-то стервец забрался в водолазку. Откуда у него ключ? До сих пор не пойму...

Рудаков подпрыгнул на своем стуле.

— Что взяли?

— В том-то и дело, что ничего. Поэтому я вначале и подумал, что надо мной решили подшутить. Взять-то ничего не взяли, но все расшвыряли, вроде бы что-то искали...

— Пойду посмотрю, — как можно спокойнее заявил Рудаков.

Кузьма встретился с ним глазами. Взгляд Рудакова словно говорил: «Я так и знал». Когда он вернулся, по его лицу можно было понять, что вещи исчезли. Кузьма быстро сдался боцману и положил своего короля; они с Рудаковым вышли на улицу. Сперва молчали. Потом Кузьма сказал:

— Мне уже поздно идти к своей хозяйке. Придет-

ся тебе где-нибудь устроить меня спать. Договорились?

Город спал. Густые кроны акаций накрывали сверху уличные фонари. Мостовые и тротуары разрисованы пятнистыми фантастическими фигурами и были похожи на полотна импрессионистов.

Рудаков беспрерывно курил.

— Кто же мог знать? — спросил он.

— Я как чувствовал, — сказал Кузьма.

— А я ни черта не чувствовал, потому что у нас на станции сроду ничего не пропадало. Все было, но воровства... Правда, однажды пропал целый легководолазный комплект, но это кто-то чужой добрался.

— А почему чужой?

— Во-первых, свой не мог... А во-вторых, зачем ему комплект и куда он его денет? — убежденно сказал Рудаков.

— Ну, положим, деть-то денет. Покупателя найти не трудно. И деньги хорошие.

Рудаков подозрительно посмотрел на Кузьму.

— Интересно ты рассуждаешь, — сказал он. — Откуда ты такой взялся? Скажи спасибо, что ребята тебя не слышат, а то не работать тебе на нашей станции. У нас не любят такие разговоры. У нас морской порядок.

— А все-таки никто чужой не мог стянуть наши вещи, — сказал Кузьма. — Чужой их просто не нашел бы...

Рудаков обиделся и ожесточенно курил, только искоса, с неприязнью поглядывая на Кузьму.

Он постелил ему на застекленной веранде, а сам ушел спать в беседку.

...На следующее утро ребята поднялись рано. Спать им пришлось всего часа три, но усталости они не чувствовали. О ночных событиях ребята не вспоминали. Они долго плескались у колонки под жгучей струей воды. Вернулась с базара мать Рудакова и тут же начала приготавливать салат для завтрака. Ее крупные руки двигались плавно и быстро. Нарезанные овощи ложились свежей и живописной горкой на стол. Работая, мать не переставала говорить. Вместе с овощами она принесла с рынка столько новостей, что, не высказись дома, пришлось бы бежать к соседке.

— Сегодня ночью, говорят, на колокольне черта видели. Сам, говорят, весь черный, а голова без кожи. Ну, точно мертвец. Череп такой, как на столбах рисуют. И светится весь, как гнилушка. А изо рта у него огонь дьявольский, ну так и брызжет, так и вьется. Он хотел, говорят, колокол утащить, да, говорят, бог не выдал. — Она понизила голос до шепота, словно сообщала страшную тайну. — Колокол-то овященный. Вот и не по зубам нечистому. А видать, он отгрызал его. Утром пономарь полез туда, а там следы от клыков его нечистых. А на крутом берегу, когда женщины на кладбище шли, двоих он же уволок. Как подхватил и понес, только и видели, как свеча у одной из рук прямо в воздухе вывалилась. Одну нашли внизу на камнях. Говорят, что черт сначала поизмывался, а потом душу забрал и бросил старушку. Она отсюда в двух кварталах жила. Что там делается... Я проходила, так там народу тьма, и поп самолично пришел. Отпевать, видно, будет. В народе ходят разговоры, что бог отвернул свое лицо от

нашей церкви. — Она перестала резать овощи, грубо и тревожно вздохнула, затем широким взмахом смела нарезанную зелень в миску. Щедро плеснула туда густого подсолнечного масла.

— Это среди какого народа ходят разговоры? — спросил Рудаков. — Рыночные спекулянты, по-твоему, народ?

Мать сердито посмотрела на него. Кузьма ел молча, не поднимая головы.

Когда мать ушла, ребята переглянулись.

— Ты что-нибудь понимаешь? — спросил Игорь.

Кузьма пожал плечами.

— Я пойду, пожалуй, мне надо к хозяйке показаться, а то она поселит кого-нибудь в мою каморку.

— Пойдем вместе, — предложил Рудаков, — а потом на пляж.

— Ты извини меня, — Кузьма замаялся, — но хозяйка у меня очень строгая и не любит, когда кто-нибудь ко мне приходит. Она прямо так и сказала: «Сдаю комнату одному, и живи один. И чтоб никаких сборищ не было». Она в прошлом году студентам сдавала...

Рудаков молчал и смотрел в сторону.

— Ты что, обиделся? — спросил Кузьма.

— Ничего. На пляж-то придешь?

Ровно месяц тому назад в кабинете начальника отдела краевого уголовного розыска полковника Филиппа Степановича Меньшикова раздался телефонный звонок. Меньшиков поднял трубку. Докладывал капитан Монастырев из районного отделения:

— Тридцатого мая на спасательной станции ДОСААФ была обнаружена пропажа легкового комплекта: скафандр, акваланг, кое-что из запасных частей к аквалангу. Расследование проводила милиция. Результатов никаких. Не удалось выяснить даже точное время кражи. Случай на станции беспрецедентный, и поэтому хватились, вероятно, слишком поздно. Неделю спустя, в ночь с шестого на седьмое июня, из городского порта был уведен катер спасательной службы. Его нашли пограничники в пяти километрах от берега. Хорошо, что это случилось во время дежурства машиниста Курбацкого. Они работают посменно, а Курбацкий имеет привычку от-

ключать зажигание, прежде чем уйдет с катера. При чем делает он это в таком месте, что догадаться практически невозможно. У него там своя система. Преступник, вероятно, не знал об этом. Судно было выведено из акватории порта на весле, которое мы обнаружили на катере. Это произошло примерно в два три часа ночи. Дежурный матрос заметил пропажу в половине пятого. Совершенно случайно вопреки станционным традициям он не спал в это время. Дальше он позвонил на погранзаставу, и через полчаса катер был найден пустым в пяти километрах от берега. Преступник так и не смог завести мотора. Ему пришлось покинуть катер, пока его не отнесло от берега на такое расстояние, что вряд ли бы он сумел вплавь вернуться назад. Расследование опять ничего не дало. В ту ночь на станции дежурил матрос-спасатель Рудаков. Он ничего подозрительного не заметил. Если б он был соучастником преступления, то наверняка не стал бы сам поднимать тревогу. Тем более что дежурный матрос не несет никакой ответственности за суда, находящиеся на акватории порта. За сохранностью всех имеющихся там плавсредств смотрит пограничный пост. И к тому же, по признанию самого Рудакова, он знал, в каком месте отключена система зажигания, так как сам неоднократно в отсутствие Курбацкого катал на катере девочек... Преступник не оставил никаких следов. Якорный конец был перерезан, очевидно, острым ножом с двух или трех ударов.

— И что же вы предприняли?

— Мы провели обследование катера, расспросили вахтенных с рыбацких сейнеров, стоявших в ту ночь

в порту. Их там было три: «Ольгинка», «Смелый» и «Нина». Вахтенные ничего не видели, вероятно, оттого что спали. Совершенно никаких следов. Никто ничего не видел, не слышал, не знает. Просто удивительно.

— Ваши выводы? — спросил Меньшиков.

— Надо предупредить пограничников. Акваланги ладно — можно продать, а вот катер... Это не простая кража...

— Что собираетесь делать дальше?

— Думаю, расследование нужно начинать со станции. Но тут одно затруднение. Вы знаете, что городок у нас маленький, все живем как на ладони. А начинать следствие официально, на виду у всего города, не хотелось бы. Ведь если преступник вовсе не имеет к станции никакого отношения, то подобные действия его могут спугнуть. Поэтому я хочу попросить у вас людей. Неизвестному в нашем городе человеку будет легче работать.

— Хорошо, человека пришлю. Вы его, наверное, знаете. Лейтенант Лялин, Кузьма. И сам, наверное, приеду. Что-то не нравятся мне ваши происшествия...

* * *

Когда Кузьма рассказал о событиях минувшего дня и ночи, Меньшиков придвинул к себе телефон и набрал номер.

— Монастырев, справьтесь насчет старушки. Только подробнее. — Затем повернулся к Кузьме. — А что Рудаков? Подружились?

— Еще не понял. Однако в милицию пока не собирается заявлять насчет валюты. Хочет сам выяс-

нить. Может, не желает подводить ребят... Кто его знает? Случай на кладбище его здорово заел. Он подзревает кого-то, думает, что ошиблись, хотели его столкнуть из-за девушки. Была у него одна любовная история с соперником, как в романе. Вроде ничего парень, а так до конца не понял. По-моему, в деле с katerом он не замешан...

— Поживем — увидим. А ты дружи с ним, и вообще ты должен стать на станции своим человеком. Вживайся... И все-таки никак не могу представить, как ты попал на крутой берег? Как это Рудаков уломал тебя, а?

— А как же! Я от него ни на шаг, — улыбнулся Кузьма.

— Как ты думаешь, все вчерашние события связаны между собой?

— Сомневаюсь, — сказал Кузьма. — Одно по-прежнему верно: кто-то из них на станции. В этом мы не ошиблись. А остальное...

— Давай снова посчитаем, Кузьма. Первое, — сказал он и загнул один палец, — эти, как ты их называешь?..

— Фарцовщики.

— Первое — фарцовщики. Откуда у них столько валюты? Если б там была мелочь, то возможно, что это два спекулянта-любителя... Второе — посещение станции.

— Притом в дежурство боцмана. Преступник или не знал, на что идет, или надеялся на безнаказанность, даже если бы его заметили. К тому же у преступника был ключ. Боцман ясно видел его в замочной скважине. Он не мог ошибиться. Значит, ночной

посетитель или работает на станции, или имеет к ней отношение через кого-то из спасателей.

— И третье, — сказал Меньшиков. — События на крутом берегу. Ты сам пошел туда?

— Меня пригласил Рудаков.

— И ты согласился?

— Он настаивал. Я подумал, что лучше пойти.

— Странно...

— Вы думаете, что Рудаков и этот неизвестный?..

— Не знаю, не знаю... Но почему именно тебя?

Может быть, ты все-таки привлек к себе внимание? Мне кажется, не успел. Тем более, что ты еще ничем не проявил себя. А потом этот волосатый дядя весьма квалифицированно убегает от тебя. Потом эти слухи на базаре... Сперва они выглядят как бабушкины сказки, но вдруг оказывается, что старушка действительно разбилась. Вообще-то она могла случайно разбиться, и все это прекрасно понимают. Не надо много «нечистой» силы, чтобы старый человек ночью упал с обрыва. Споткнулась и упала. Это первое, что приходит в голову. Но на базаре говорят о двух старушках и о черте. Если в бога сейчас некоторые еще верят, то о черте наверняка уже забыли. И вдруг ни с того ни с сего — черт. Выходит, что эти слухи кто-то направляет. Кто-то их придумывает. Трудно предположить, что этот «кто-то» придумывает для милиции. Он не может рассчитывать, что милиция поверит в «нечистую силу» и не станет расследовать дело. Испугается черта. Значит, слухи для тех же старушек. Зачем?

— И четвертое, — добавил Кузьма, — тот, кто похитил акваланг и скафандр, тоже имел ключ. По-

хоже, что здесь замешано одно лицо. Это нужно срочно выяснить...

— Для чего ты там и находишься.

Меньшиков поднялся. Зазвонил телефон.

— Да... Хорошо... Спасибо. — И, обращаясь к Кузьме: — Звонил Монастырев. Обследование ничего не дало. В общем все очень странно, но лучше уж так. Когда много фактов, даже самых незначительных и неправдоподобных, то в конце концов хоть часть этих фактов, да заработает. Это лучше, чем ничего.

— Вы не справлялись, что за народ работает на станции? — поинтересовался Кузьма.

— Да вчера весь вечер сидели с Монастыревым. Ничего особенного. Обыкновенный народ. Послали несколько запросов, но думаю, это ничего не даст. Вся надежда на тебя. Вживайся. Постарайся выяснить связь между событиями на кладбище и на станции. Посмотри, не дружит ли кто из спасателей с фарцовщиками. Сам познакомься с ними поближе. Валюту можешь вернуть. Никуда они с ней не денутся. Монастырев присмотрит. Кстати, зайти в церковь, полюбопытствуй, насколько правдивы базарные разговоры. Рудакова не отпускай. Если он и ни при чем — используй как прикрытия. Мол, ходим с приятелем. Пока задача номер один: найти связи фарцовщиков со станцией. Здесь тебе Рудаков может помочь. Все. Иди. Будь осторожен!

Рудакова Кузьма нашел сразу. Он сидел и рассматривал девушек.

— Насилу ушел от своей хозяйки, чуть до смерти

не заговорила, — сказал он и стал раздеваться. — Ты не хочешь прогуляться в церковь, посмотреть, какие там черти колокол грызли?

— Сейчас?

— Сколько у нас времени осталось до смены?

— Часа три.

— Если тебе не хочется, то я не настаиваю. Схожу один, — сказал Кузьма.

— Пойдем, — согласился Рудаков.

Они зашли в прохладное здание церкви. Со вчерашнего дня здесь мало что изменилось. Лишь было пусто и тихо. Настолько тихо, что осторожные шаги ребят шуршали где-то под высоким голубым потолком. Маленькая старушка — служительница — зло и враждебно посмотрела на ребят.

— Думаю, что она не только не пустит нас на колокольню, но и отсюда выпрет за милую душу.

— Простите нас, гражданочка, нам бы ваше начальство повидать, — сказал Рудаков.

Старушка посмотрела на него и презрительно поджала губы. Кузьма выступил вперед и заслонил собою Рудакова.

— Скажите, пожалуйста, батюшка дома?

— А где же ему быть... — недовольно прошипела старуха и вдруг заговорила быстро и злобно: — Ступайте, богохульники! Ступайте вон, пока людей не позвала. Вы думаете, я не знаю? Я все знаю. — И старуха подняла к потолку свой костлявый пророческий палец. — У, ироды несчастные, погибли на вас нет. У, лоцманы окайнные, прости господи мою душу грешную. Ступайте, кому я сказала!

— А почему лоцманы? — спросил Кузьма, когда они, еле сдерживая смех, выскочили на улицу.

— У местных старух это почему-то самое страшное ругательство.

— Ну что ж, придется идти к попу.

— Может, не стоит? — спросил Рудаков. — Может, к черту всех нечистых? Что нам, больше всех надо?..

— Как хочешь, — сказал Кузьма, — а мне интересно, кто это хотел меня спихнуть с обрыва. — Он усмехнулся. — С чисто познавательной точки зрения.

* * *

Домик попа примыкал к церковной ограде. Старинные липы на церковном дворе накрыли его своими тяжелыми ветвями. Поп оказался дома один. Он был в байковой клетчатой рубашке и в летних брюках. В руках он держал рубанок и гладко обструганную дощечку. Кругом пенились белоснежные, курчавые стружки. Длинные волосы священника были прихвачены тонким ремешком. От этого батюшка выглядел смешно, симпатично и был больше похож на мастерового или на первопечатника Ивана Федорова, чем на попа. Ребятам настолько он показался необычным после вчерашнего, что они застыли в молчании на пороге. Поп, видимо, тоже удивился неожиданным гостям. Он так и остался стоять с рубанком в руках. В его густой бороде светились веселые светлые стружки.

— Ну, что же вы стоите? Милости прошу. Присаживайтесь, пожалуйста, — наконец произнес поп густым и теплым басом. — Гости вы, прямо сказать,

неожиданные, но столь же приятные. Не часто меня навещают молодые люди, совсем не часто...

— Здравствуйте, — сказал Кузьма, — извините нас, пожалуйста. Мы не решились бы побеспокоить вас, ежели б не острая необходимость.

— Прежде всего не откажите со мною чаю выпить, а потом уж и о деле. Сейчас мало кто соблюдает законы русского радушия и гостеприимства... Ведь как положено на святой Руси: сначала в баньку сводить, потом напоить-накормить, а уж затем и о деле спросить.

Поп отправился хлопотать на кухню. Вскоре на столе появился электрический самовар, варенье в заводских банках, конфеты, печенье.

— Вот сладости держу лишь для внучки. Однако как хорошо пригodiлось.

Ребята сидели совершенно обалдевшие. К тому же им было неудобно, что из-за них у попа вышло так много хлопот.

— Может быть, не стоит, — робко сказал Рудаков, — мы на минутку.

— Ну, так скоро я вас не выпущу, — оживленно заверил их поп. — Человек я здесь новый, гости у меня редки, а гостям я всегда рад несказанно.

— Тогда давайте знакомиться, — предложил Кузьма. — Его зовут Игорь, а меня — Кузьма.

Поп несколько смутился от предложения Кузьмы и, пожав плечами, величественно пробасил:

— Зовут меня отец Федор...

— Понимаете, мы к вам не по служебным делам, то есть не по церковным, так что по имени-отчеству нам было бы привычнее, — попросил Рудаков.

Отец Федор воровато оглянулся.

— До семинарии меня звали Федор Макарович...
Ежели вам так удобнее, то пожалуйста...

Зашумел электрический самовар. За столом стало уютно. Поповский бас рокотал дружелюбно, словно весенний ласковый гром. Расчувствовавшись, отец Федор угостил ребят розовым ликером собственного приготовления. Сам он еле пригубил, зато любовно рассказал секрет приготовления.

— А делается сей напиток таким образом. Утром я выхожу в сад и смотрю, обветрилась ли роса с цветов. Как только солнышко росу слизнет, начинаю я обрывать розовые лепестки. Притом, прошу заметить, есть тут малая хитрость. Лепестки годны лишь те, что сами сей же день непременно отпадут. Потом лепестки эти я кладу в стеклянный сосуд, обильно сдабривая сахаром. И в таком состоянии вывешиваю сосуд на солнце. Потом через месяц в перебродившие лепестки я добавляю известного зелия.

— Прекрасный ликер, — похвалил напиток Кузьма и отставил рюмку. — Теперь, Федор Макарович, разрешите и о деле. А то у нас мало времени. Вы, конечно, слышали странные слухи о том, что якобы черт унес двух женщин и пытался утащить колокол и что его вчера ночью видели на колокольне? Одну из женщин действительно нашли под обрывом. Она разбилась насмерть. Это была его тетка, — Кузьма кивнул на Рудакова.

— Да. Я слышал и мало в это верил. Но меня эти разговоры обеспокоили. Народ в слухи верит. Они не укрепляют веру, а, напротив, отворачивают лицо от церкви.

— А не могли бы мы подняться на колокольню и посмотреть на следы зубов, которые оставил там нечистый? Может быть, это имеет какое-нибудь отношение к гибели его тетки.

— Я не против, — согласился поп, — мне утром звонарь говорил об этом. Я, признаться, подумал, что померещилось звонарю с похмелья. Но для того мне надо переодеться.

— Мы подождем.

На колокольню батюшка поднялся первым. Карабкаясь по лестнице вслед за ним, ребята слышали его удивленное побряхтывание. Отец Федор сидел верхом на балке и внимательно разглядывал огромное медное ухо колокола.

— Очень загадочно... — сказал он и, охая, спустился по приставной лесенке вниз. — Если поп позволяет себе пользоваться электрическим самоваром, так он только поп. Только человек, да притом вдовец. Но я не могу представить, чтобы черт пользовался ножовкой. Я этот инструмент в руках держал неоднократно, и сомнений у меня нет. Можете посмотреть сами.

Кузьма буквально взлетел по лестнице и тут же спустился назад.

— Да... — сказал он. — Это ножовка. И пилил он с полчаса, если это сделано за один раз. Скажите, отец Федор, а как он мог сюда попасть?

— Попасть не мудрено... Двери наверх открыты, но проходить надо или через алтарь, или через другой вход, который всегда заперт.

Они спустились на землю и снова зашли в дом к отцу Федору. Рудаков уже озабоченно поглядел на

часы, а затем на Кузьму с немим укором. Потом прошептал одними губами:

— На дежурство... Я не могу больше...

Кузьма сделал вид, что не понял. Тогда Рудаков поднялся и, сколько мог, вежливо откланялся.

Отец Федор и Кузьма остались вдвоем. Поп снова налил чаю. Придвинул банки с вареньем.

— Да... — сказал Кузьма. — В городе происходят очень непонятные вещи... Кстати, что случилось с вашим предшественником? Я слышал о какой-то загадочной истории, но таким слухам трудно верить...

Отец Федор прошелся по комнате. Снял со лба тонкий ремешок, придерживавший волосы, и они рассыпались, так и не придав отцу церковного вида.

— Отец Михаил наложил на себя руки. Это печать большого, несмываемого греха на весь приход!

В голосе священника зазвучали сердитые и даже официальные нотки. Кузьме сразу представилось, что он присутствует на собрании профкома местного хлебозавода.

— Что же побудило его? — спросил Кузьма.

— Обстоятельства темные и страшные. Произошло это в прошлом году таким же летом. Покойного, прости, господи, ему грех его и воздай, господи, суровым и бессердечным людям, что подвели его к самому краю пропасти и толкнули его на это грехопадение, покойного в тот день видели в этом саду, — он показал рукой на окно, — за стрижкой плодоносящих кустов.

...Было в тот день воскресенье, и он, отслужив заутреню, занимался в саду. Потом, как говорят соседи и церковная женщина, что постоянно убирает в собо-

ре, к нему зашел некто и оставался там до позднего вечера. Как стемнело, покойный вышел из дому, в обнимку с этим человеком. Одет отец Михаил был в летний костюм. Волосы он упрятал под шляпу, как делал обычно, направляясь в город по различным делам. А потом начинается непонятное. Покойный, человек глубокой трезвости и смирения, якобы напился вина и, влезши в окно к одной почтенной даме, стал укладываться к ней в постель, называя при этом даму именем своей супруги. Дама была хладнокровна и большого крику не подняла. Она решила выпроводить его спокойно, тем более что покойный не проявлял никаких планов надругания над ее честью и вел себя покладисто и покорно. Но тут подоспели люди и, назвав себя дружинниками, взяли покойного под мышки. Потом, как оказалось, они обрили покойного наголо и наутро поставили подметать мостовую перед церковью. Почтенная дама, которая сопровождала покойного до места, рассказывала, что своими глазами видела вывеску дружины на доме, в который его завели. Утром оказалось, что приводили ее в штаб дружины рыбоколхоза. Но по ночам там никого не бывает. Среди всех дружинников она так и не признала тех, кто приходил ночью. Вот такая история, — закончил отец Федор.

Кузьма посмотрел на часы.

— Ну, вот и мне пора.

— Заходите ко мне, Кузьма, заходите со своим другом.

— Спасибо, — сказал Кузьма и вышел.

Долгий летний день словно и не думал кончаться. Солнце уже заметно склонилось к горизонту, те-

ни сделались длиннее и гуще, но жара не спадала. И оттого, что к вечеру все совершенно сомлели от жары, солнце казалось еще горячее и беспощаднее. Пекло и сверху и снизу. Над мягким, раскисшим асфальтом стояло радужное от нефтяных испарений морево.

Кузьму немного разморило. Он шел с бессмысленным взглядом, пытаясь сосредоточить вялые и беспомощные мысли на чем-то очень главном. Он чувствовал, что нужно собраться, осмыслить, поймать какие-то ускользающие догадки и уловить что-то главное. Он понимал, что за всеми событиями последних дней стоит большая, организованная и недобрая сила.

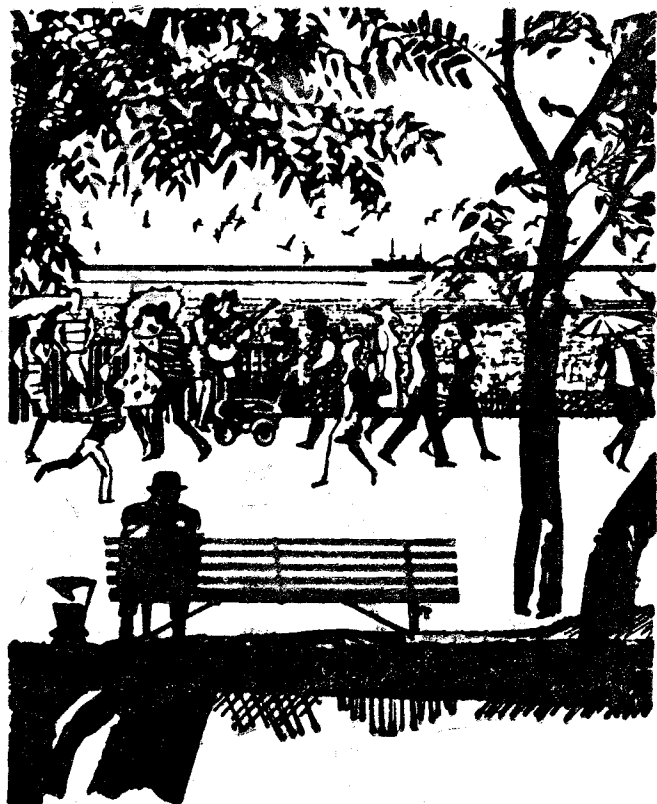
Какая сила?

В номере было душно. Занавески на окнах шевелились, но вместо прохладного ветерка в номер вливался зной. Меньшиков посмотрел на часы. До прохлады оставалось еще два часа. Через два часа можно было выйти на улицу, а там в киоске на Черноморской попросить у девушки холодной «Семигорской». Он откинулся на спинку кресла и закрыл глаза...

...Проснулся Меньшиков, когда стемнело. В висках ложило. Он вышел на улицу. По липовой аллее, по набережной, усыпанной битым ракушечником, бесконечно и лениво двигалась толпа отдыхающих. Ракушечник аппетитно хрустел под ногами и был похож на кукурузные хлопья.

Меньшиков выпил минеральной воды и подумал, что пиво было бы лучше. Но вряд ли его можно где-нибудь достать. В ларьке он видел чешское, но после «Жигулевского» оно ему всегда казалось слишком плотным и горьким.

Потом он совершенно по-

стариковски присел на лавочку и стал смотреть на море. Еле заметный в редких сумерках, искрился зеленый глаз бакена. Сквозь аляповатую бетонную балюстраду виднелась голубая крыша спасательной станции. Там Кузьма. Меньшиков сидел и придумывал себе, как было бы, если бы Кузьма был его сын. «Вероятно, было бы неплохо», — решил он.

Мимо скамейки шли молодые ребята и красивые девушки. На девушках открытые, легкие сарафаны. Когда они проходили совсем близко, Меньшиков чувствовал запах горячего от солнца тела.

Он сидел, согнувшись по-стариковски, курил свой извечный «Прибой» и выбирал себе детей. «Вот этот парень. Нет. Слишком самодоволен. Но здоров зато... А если этот очкарик? Но что он может? Уж лучше вон тот, в тельняшке... Сплевывать через плечо он, пожалуй, скоро бы разучился. Нет уж, лучше Кузьма или тот парнишка, что давеча с ним был, Рудаков. А если девчонка?»

— Сейчас вот смотрю, так редко кто «Прибой» употребляет. Я его по духу узнаю, издалека.

Рядом с Меньшиковым присел высокий худой старик. Поставил между ног кирзовую довоенную хозяйственную сумку и с нежностью посмотрел на папироску Меньшикова.

— Пожалуйста, очень рад. — Меньшиков вынул из кармана помятую пачку. — Только сыроваты. Воздух здесь влажный. Море. Круглые сутки мокрый, как мышь. Даже пиджак мокрый.

Старик посмотрел на его рыхлое, в оспинках, лицо, на потный лоб:

— Да, с такой комплекцией здесь трудновато. —

Старик нагнулся и поправил сумку. Стоило ему пошевелить ее, как внутри что-то затрепетало сильно и отчаянно. — Ты еще не заснула? — он передернул ручки сумки и заглянул внутрь. Красновагим жемчугом засеребрилась рыба, и запахло остро и свежо.

— Ты смотри, какая красавица, где же вы ее?

— Вон у той вежи, — сказал старик неопределенно, — у меня здесь лодчонка, так я каждый день торчу.

— Вот хороша, так хороша, — Меньшиков взял на ладонь тупоносую, плотную «султанку» и подбрасывал ее, переворачивая. — Ну и хороша. Взяли бы меня с собой на рыбалку, уж я бы не помешал.

— Да, вижу, придется. И отчего же не взять спокойного человека. Вот приходите как-нибудь к рыбацкому причалу, я там почти каждый день. А то уговориться можно...

Меньшиков с сожалением опустил рыбешку в сумку, и она словно канула в чан с расплавленным серебром.

— Может, пойдемте сейчас, пива где-нибудь раздобудем по кружке?

Они встали и смешались с толпой, из которой Меньшиков совсем недавно выбирал себе детей.

* * *

— Понимаешь, — говорил Рудаков, — мне в последнее время что-то кажется. Могу объяснить. Идешь ты по какому-то чужому городу,ходишь в незнакомое здание и видишь там приборы, рычажки, всякие выключатели — все проводами опутано... Ну, вот ты ходишь и боишься что-либо задеть, а оказывается, на

самом деле ты давно уже что-то задел. И вот весь этот механизм, весь дом начинает потихоньку гудеть и потрескивать и потом как трахнет... И вот у меня такое чувство, что вокруг нас с тобой что-то происходит. Что именно — непонятно. Понимаешь, какое-то движение, что ли... Вот точно, как в этом доме, все потихоньку ворочается, гудит, и не знаешь, чего ждать. А потом как посыплется, не поймешь откуда. Будто мы с тобой что-то задели. А вот что? — он пожал плечами.

— Ну, это ерунда, — сказал Кузьма и подумал, что Рудаков прав. Кузьма и сам понимал, что вокруг что-то происходит, но беспокоило его совсем не это. Значит, привлек внимание. Не важно чем. Плохой ли работой, случайностью, не важно. Беда в том, что кто-то внимательно и тайно наблюдает за ним. Он все время чувствует на себе этот неотступный взгляд и не может определить, откуда он. Он вдруг оказался в самом невыгодном положении. Его заметили первым.

— Ерунда, говоришь? — Рудаков посмотрел на Кузьму, как на ребенка. — А если и в самом деле трахнет. Народ у нас решительный. Позавчера на танцах одного парня порезали. Говорят, кому-то на ногу наступил. Какой-то хлюпик подошел к нему и говорит: «У меня к тебе дело, друг. Отойдем в сторонку». Парень-то был приезжий, не знал, чем такие дела кончаются, и пошел за ним, как теленок на веревочке. Стали они пробираться сквозь толпу к выходу, да замешкались. Потом мальчонка вышел один, а парень в толпе вроде застрял. Толпа расступилась, а он стоит и за левый бок держится. Потом упал. Говорят, тот ему пять сантиметров до сердца не достал, наверное.

оттого, что маленький. Только парню от этого не легче... Хотел и я тебя на танцы сегодня позвать, а не позову.

Рудаков поглядел на него с отеческой снисходительностью.

— А я бы и сам не пошел, — ответил Кузьма и зевнул. — Устал я сегодня, не до танцев.

— Странный ты все-таки, — сказал Рудаков и закурил, — трудно мне с тобой. Какой-то ты дохлый. Вроде умный парень, начитанный, спортсмен, а не какая-нибудь баба, а все равно дохлый. Тобой здесь одна девушка интересуется. Уж ладно, думаю, для друга ничего не жалко. Говорю ему, намекаю, мол, тобою плотно заинтересованы, ищут мягкой швартовки, а он краснеет, как вареный краб, и говорит: «Ну и что?» Да еще плечами жмет, вроде он тут ни при чем. Вообще-то правильно, на них нужно меньше внимания обращать, а то они засасывают. Сперва не замечаешь, а потом, как заметишь, уже поздно.

— Да перестань ты... — отмахнулся Кузьма.

— И одного я тебя не отпущу никуда, так и буду, как девчонку, провожать до дому.

Они сидели на веранде спасалки. Был безветренный мягкий вечер. Смена кончалась через полчаса. Сверху, с набережной, слышались музыка и оживленный говор. И все это наводило Рудакова на тоскливые размышления. Но Кузьма знал, что стоит Игорю сдать дежурство и смешаться с толпой, как меланхолия его рассеется и он снова повеселеет и начнет крутить головой, поворачивая ее вслед каждой девушке, рискуя вывихнуть себе шею.

Рудаков стрельнул докуренной сигаретой в море и вдруг вскочил с лавки.

— Слушай, Кузьма, а что мы будем с этим делать?

Он вынул из кармана бумажник и похлопал им по ладони. Кузьма пожал плечами.

— Еще хоть один раз пожмешь своими рахитичными плечами, и я, ей-богу, дам тебе по шее. Что у тебя, мозгов совсем нет, нет никакого мнения, да?

— Ну, я не знаю. Вот привязался тоже... Могу я не знать? Ты ведь и сам не знаешь, а к другим пристаешь. А может, еще и сами придут. Тогда посмотрим. А то отнеси в милицию. Там разберутся. И тебе забот меньше...

— Так я и понес, жди... Может, ребята тут ни при чем, может, они его просто нашли. А за это, знаешь, что им будет?..

Незаметно смена подошла к концу. Пришел ночной дежурный Толя Музыкантов. Игорь передал ему ключи от станции и подмигнул Кузьме. Когда они вдвоем вышли на набережную, то наткнулись на девчонку. Она стояла на дорожке, ведущей в ангар.

— Вот что они делают с человеком. Его невеста, москвичка. Каждый день встречает и провожает. Ты погуляй, а я к одной знакомой заскочу. Она вон в том доме живет. Только ты никуда не уходи, стой вот здесь на свету...

Кузьма еле дождался, пока Рудаков скроется за голубой калиткой дома. Он быстро огляделся и, найдя телефонную будку, побежал к ней через дорогу, чуть не налетев на экскурсионный автобус.

Телефонная будка была, конечно, занята. Огром-

ный парень облокотился об аппарат и, казалось, приготовился к ночевке. Кузьма строил страшные рожи, стучал себя по часам, проводил ребром ладони по горлу. Парень в ответ на его пантомиму удивленно поднимал брови. Наконец он отнял трубку от уха и, поймав, не спеша повесил ее на рычаг. Вышел.

Кузьма набрал номер Меньшикова. Трубку долго не брали. Потом незнакомый мужской голос ответил: «Его сейчас нет, но если это звонят со спасательной станции, то мне поручили передать, чтобы вы позвонили позже, от двадцати двух часов».

Кузьма с раздражением бросил трубку на рычаг. С ненавистью посмотрел на аппарат, вышел из кабинки и столкнулся нос к носу с Рудаковым.

— Кому звонил? — ревниво спросил тот.

— Да своей хозяйке... — соврал Кузьма первое, что пришло в голову.

— А-а, — протянул Рудаков и удовлетворенно кивнул головой. Он вспомнил, что телефоны в их городе есть только на предприятиях, в учреждениях и у ответственных работников.

— Молодые люди, не найдется ли огонька?

Кузьма вздрогнул от неожиданности и кивнул на Рудакова. Тот достал спички и протянул их просившему. Мужчине довольно крепкого телосложения с крупным симпатичным лицом. Мужчина прикурил, возвращая спички, внимательно посмотрел на Игоря.

— Если не ошибаюсь, вы — Рудаков. Матрос-спасатель Рудаков. А вы, — он повернулся к Кузьме, — Кузьма Лялин — студент и временно спасатель?

— Так точно, — сказал Рудаков, радуясь своей популярности.

Мужчина протянул ему руку:

— Прохоров, из краевого уголовного розыска.

Улыбка медленно сползла с лица Рудакова. Он беспомощно посмотрел на Кузьму. Тот пожал плечами: мол, я же тебя предупреждал, что эта история добром не кончится.

— Ну, что же вы, друзья... — начал Прохоров.

* * *

Шашлычная, или таверна «Рванные паруса», располагалась на крутом берегу, неподалеку от маяка, по дороге, ведущей к кладбищу. Название свое она получила года три назад, когда старый тент, укрывавший от дождя и солнца рядами поставленные столики, был заменен парусиновым. Ткань была полосатой расцветки, и стоило лишь подуть свежему морскому ветру, как она надувалась, взбухала и становилась похожа на циклопический матрас. Но вскоре солнце и ветер превратили новенький тент в бесцветную, выцветшую и рваную тряпку. Она болталась на металлических ребрах, жалкая, словно нищенское рубище старого калеки-пирата. Потом кто-то заметил, что рваное полотнище похоже на паруса догнивающей на корабельном кладбище шхуны. Сюда-то и привел Меньшикова его новый знакомый — старик с величественной осанкой и благородной сединой.

Чтобы не тащить с собой рыбу, он продал ее по дороге какой-то знакомой женщине. И теперь, располагая средствами и настроением посидеть и потянуть пива, он основательно расположился за столиком, перед тем внимательно оглядев хрупкий на вид алюминиевый стул.

— Ну, стало быть, нам с вами и познакомиться теперь не грех.

Старик протянул Меньшикову узкую крепкую руку.

— Зовут меня Владимир Михайлович Донской. В прошлом — учитель словесности, теперь, как видите, член добровольного общества рыбаков и охотников. Коренной сибиряк, а теперь бегаю за своим здоровьем. Видите, куда забежал. Только все напрасно... В наши годы его уже не догонишь.

— Меньшиков Филипп Степанович. Членом добровольных обществ не состою, хотя может и случиться, как выйду на пенсию. Пока служу бухгалтером на заводе. С девяти до пяти, как все. Вот приехал отдохнуть, да, как видно, не туда. Жарко у вас здесь.

— Да, не холодно, — согласился Владимир Михайлович. — Но ничего, вот станете ходить со мной на рыбалку, полегче вам будет. Море, оно дышит, там и воздух совсем другой и прохладнее. И развлечение не из последних.

Наконец подошла официантка. Она с почтением поздоровалась с Донским и долго извинялась, что сразу не заметила. Потом она убежала и быстро вернулась с подносом, уставленным запотевшими кружками с золотистым пивом. Оглядевшись по сторонам, она запустила руку за передник и извлекла оттуда две очищенные воблы.

— Вот, для дорогих гостей держим...

Меньшиков развел руками.

— Рыбалка — это прекрасно, только я не знаю, как и быть. Я ведь по путевке приехал, в санаторий, а врачи, сами знаете, какой народ... На процедуры являюсь, как на дежурство.

— Ну, с врачами можно договориться. Они почти все мои одноклубники, рыболовы. В каком санатории вас истязают? — спросил Донской.

— Не беспокойтесь, с врачами уж сам справлюсь, — поспешил заверить его Филипп Степанович. — А где вы в Сибири жили? — спросил Меньшиков,водя разговор в безопасную колею.

— Неподалеку от Байкала. Неподалеку — это по-нашему, по-сибирски, а на самом деле километрах в пятистах. Небольшое районное село, школа трехэтажная, рубленая, вот уже сколько лет каждую весну плачет смолой, и запах от этого... — Он с шумом потянул в себя воздух и закрыл глаза. — И вот приехал сюда. Словно на другую планету попал. Только в море и отдыхаю, оно чем-то на тайгу похоже. Своей бескрайностью, что ли, а то характером могучим.

Меньшиков склонился над кружкой, загрузтил...

— Вот так мечешься всю жизнь, летаешь, ловишь свою синюю птицу, а потом оглянешься и поймешь, что лучшие свои годы уже прожил, что ждать уже нечего и осталось только тебе времени, чтобы успеть кое-как исправлять ошибки, наделанные молодостью. Доделать дело, начатое в ту счастливую пору, когда жил, ждал, искал, да так и не понял, что лучше этого времени уже не будет никогда.

— Суетимся много, — заметил Владимир Михайлович и с ожесточением допил кружку пива. — Сидел бы я в своей школе, обучал бы белобрыхых сибирят словесности, так нет же, потащила меня нелегкая на юг. — Он опечалился больше Меньшикова.

— Тянет в тайгу? — спросил Меньшиков.

Донской долго глядел в море, расстилающееся от

самого обрыва до горизонта. Оно было чуть светлее сумерек и окрашено в червонное золото солнца, опустившегося в него час назад.

— Должно быть, к смерти, — ответил он и попросил у Меньшикова папироску. — Как дикий зверь уходит умирать в то место, где родился, так и я. Земля сибирская меня родила, она-то и назад тянет. Своего не отдает. Крепкая она, вроде щедрая, а все равно не отпустит. Мучается человек, на ней родившийся, коль умирать приходится вдалеке от нее. Сглупил я, когда уехал...

Они посидели еще немного в грустной задумчивости, допили пиво и долго прощались.

* * *

— Ну, что же вы, друзья... — укоризненно сказал Прохоров. — Мы вас ждем, а вы и не думаете являться. В чем дело, товарищ Рудаков? — Он строго посмотрел на Игоря. — Да-а, нехорошо.

Рудаков беспомощно молчал.

— Ну, а вы что скажете, товарищ Лялин? — Прохоров перевел свой строгий взгляд с Рудакова на Кузьму.

— Вы о чем? — с неподдельной заинтересованностью спросил Кузьма.

— Давайте не будем играть в прятки, — предложил работник угрозыска.

— Давайте, — живо согласился Кузьма, — тем более что нам некогда.

— Собственно, дело не так уж и важное, я имею в виду Олега Куликова и Геннадия Евсикова. Нам просто показалось странным, почему вы первые к нам

не пришли... Кстати, похищенные из водолазки вещи уже нашлись, похититель задержан, так что можете не беспокоиться.

— Кто же это? — воскликнул Кузьма.

— Как мы и думали, это их дружок...

— Чей дружок?

— Евсикова и Куликова, — Прохоров рассердился его непонятливости.

— А кто это такие? — наконец спросил Кузьма.

Прохоров опешил от этого вопроса. Он долго прищурившись смотрел на Кузьму, словно решая про себя, здоров ли тот психически.

— Значит, вы не знаете, кто они такие? — злое шепотом спросил Прохоров. — Вы что, в пряталки сыграть со мной желаете? Я вас предупреждал, что играть со мной не нужно... Мы все знаем. Знаем, что вы незаконно конфисковали у них вещи. Вы должны были прийти к нам на следующий день, но прошла почти неделя, а вы не являетесь. Мы приходим к вам, а вы начинаете играть с нами в пряталки. Видать, вы сами из таких... С вами нельзя по-хорошему. Придется вам явиться завтра. Там мы с вами по-другому будем разговаривать. Поняли?

— Поняли, — грустно ответил Кузьма.

— Понятно и ежу, — пожал плечами Рудаков.

Прохоров стал прощаться.

— Да, кстати, чуть не забыл, — Прохоров вернулся. — Бумажник у вас с собой?

— С собой, — быстро ответил Кузьма и полез в карман. Протянул Прохорову свой бумажник. — Только зачем он вам?

— Для следствия! — значительно ответил Прохо-

ров и раскрыл бумажник. Повернувшись к свету, он извлек из шикарного, но тощего бумажника документы Кузьмы, две помятые трешницы.

— А где валюта? — свирепо спросил Прохоров.

— Вот и все, что есть, — заверил его Кузьма. — Как-нибудь дотяну до получки.

— Ну, смотрите...

Прохоров протянул Кузьме бумажник. Снова попросил спички. Прикурил и, не сказав больше ни слова, ушел.

— Ну вот, — удовлетворенно произнес Рудаков, — вот и свершилось. Теперь придется завтра идти и убеждать, что мы пошутили, растерялись и так далее. А в общем мы хорошие, мы с добрыми намерениями, мы не хотели, простите нас, пожалуйста, дядя, мы больше никогда не будем.

Рудаков задумался и долго молчал. Потом хлопнул себя ладонью по лбу.

— Где же я его видел? Ладно, видать, не вспомню. Когда в милицию пойдем, Кузьма?

— Думаю, что никогда. Подумай, кто мог им сообщить? Сами ребята? Ты? Я?

— Действительно... Тогда откуда он знает? Выходит, что он такой же милиционер, как и я?

— Выходит, так...

— Ну, а ты был хорош, — сказал Рудаков с восхищением. — Я уж было полез за бумажником... Здорово ты его насчет получки.

— Это все ерунда, — скромно сказал Кузьма, — меня очень интересует, кто он, и откуда он все узнал, и какое он имеет отношение ко всей этой истории. А ведь имеет...

Кузьма замолчал и уставился на Рудакова, что-то соображая про себя.

— Пойдем, — сказал Кузьма.

— Я думаю, что он один из них, — сказал Рудаков и заглянул Кузьме в глаза. Сцена с бумажником произвела на него сильное впечатление, и Кузьма значительно вырос в его глазах.

— И я так думаю, — задумчиво ответил Кузьма. — Только как он мог узнать. Определенно это он утянул барахлишко из водолазки. Если не он, так его приятель. Откуда у них ключи? И как он узнал, что мы именно в водолазке все спрятали?

На одной из улочек Кузьма заметил Меньшикова. Тот шел рядом с высоким стариком. Кузьма заметил, что старик держится неестественно прямо для своего возраста. Меньшиков, встретившись глазами с Кузьмой, незаметно покачал головой. Словно пожурил его: «Ай-яй-яй».

— А еще говорит, что у него в городе нет знакомых, — обиделся Рудаков.

— Это сосед по квартире, — ответил Кузьма.

— Врешь ты все. И звонил ты не хозяйке. У нее и телефона-то нет. Врешь и врешь... Загадочная ты личность, товарищ Лялин.

— Все мы загадочные... Мне, пожалуй, домой пора, а то хозяйка опять скандал устроит, — сказал Кузьма и протянул Рудакову руку.

Рудаков, широко размахнувшись, шлепнул по ней своей мозолистой, шершавой лапой.

Сделав несколько шагов, Кузьма вернулся и предложил Игорю:

— Давай поменяемся бумажниками. Пусть он се-

годня будет у меня. Завтра отдам. Не нравится мне этот Лжепрохоров.

— Лжестарушки, Лжепрохоров, я не удивлюсь, если завтра появится еще дюжина всевозможных лже, — пробурчал Рудаков и спросил Кузьму: — Может, ты скажешь мне адрес, на всякий случай?

— Сабурова, 49, — ответил Кузьма и зашагал.

Рудаков пошел домой. Было уже поздно. В городском саду на танцверанде оркестр играл грустный вальс. Чтобы сократить себе путь, Рудаков решил пройти через парк. На правой стороне аллеи, по которой проходил Рудаков, призрачно белели ароматные пятаки клумб. Слева, на фоне тусклых редких фонарей, виднелся черный скелет качелей. Ветер чуть шевелил раскаленные за день и пахнувшие ржавой окапиной лодки. Их, видимо, забыли поставить на тормоза, и они плавно в такт раскачивались. При этом раздавался тоненький скучный скрип. Тихо, как огромный ком папиросной бумаги, шелестела дикая маслинка. Из загадочной темноты кустов до Рудакова доносился то сдавленный шепот, то нервный смех, то недовольное мужское ворчанье. А наутро по обеим сторонам аллеи служители парка будут находить забытые платки, смятые газеты, семсчную шелуху и конфетные фантики.

Рудаков остановился, чтобы прикурить. Доставая сигареты, он краем глаза заметил, что из кустов, сзади, вынырнули две темные тени и двинулись по направлению к нему. «Влюбленные...» — подумал Рудаков, зажег спичку, прикурил и стрельнул ею в мону-ментальную бетонную урну. Шаги приближались. «Не

за мной ли идут?» — снова подумал Рудаков. Чья-то рука легла на его плечо.

Он оглянулся. В одном узнал Генку Евсикова. Того самого, что тонул на водном велосипеде. Второй стоял в тени. Видно было только его бледное расплывчатое лицо. Рудаков спросил спокойно:

— В чем дело?

— Ты не помнишь? — прошептал Евсиков.

— Помню, но все-таки в чем дело? Вы с приятелем бегаєте за мной специально, чтобы напомнить о себе?

— Не будем ссориться, — сказал Евсиков. — А ты не валяй дурака. Нам нужен бумажник. Он не твой, и говорить на эту тему больше нечего.

— А если я его отнес в милицию? — спросил Рудаков. — А остальные вещички вас не интересуют?

— Нас интересует бумажник, — повторил Евсиков.

— У вас, и кроме бумажника, там были симпатичные предметы. Ох, и счастливый кто-то из вас, что не встретился тогда ночью с боцманом. Просто в рубашке кто-то из вас родился, точно... Попадись он Гарри Васильевичу под левую руку... В общем близкие родственники и друзья стали бы узнавать его только через две недели.

Тот, кто пришел с Евсиковым, продолжал стоять в тени. Незнакомый курил, и периодически его лицо освещалось горячим красным светом. И лицо это казалось Рудакову удивительно знакомым. Рудаков украдкой косился на неизвестного и соображал, что если ситуация внезапно осложнится, а к этому все и шло, то, сбив с ног Евсикова, он, пожалуй, успеет удрать. «Только бы второй оставался на своем месте». Евсиков протянул руку к карману Рудакова.

— Ладно, давай бумажник и иди.

— Я же говорю, что он в милиции. Я же не виноват, что тобою интересуются в краевом уголовном розыске. Сегодня ко мне подошел товарищ, сообщил, что он из милиции, пожурил слегка за то, что сам я раньше не пришел, и забрал ваш бумажник. Сказал, что вызовет еще раз. А я, понимаешь, как-то не хочу гореть за чужое добро. И если тебя интересует твоя валюта, обращайся в милицию. Там, по-моему, тебя терпеливо ждут.

Незнакомец, стоявший в тени, тихо засмеялся, а потом сказал:

— Хватит трепаться. Возьми у него бумажник, и пойдем.

Рудаков узнал голос Прохорова.

— А-а! И милиция тут...

Евсиков похлопал Рудакова по карману, в котором лежал бумажник Кузьмы. Рудаков перехватил его руку и слегка приподнял, а свободной правой стукнул Евсикова в солнечное сплетение. Генка согнулся пополам, а Рудаков, не произнеся ни слова, бросился в кусты.

Он был кадровым сердцеедом, Рудаков, и поэтому знал парк, как родную ладонь. Он мог передвигаться по нему с завязанными глазами. Впрочем, он ни разу не пробовал это делать.

Некоторое время он слышал за собой тяжелые шаги и тихую ядреную ругань. Потом все смолкло. Рудаков остановился и, спугнув влюбленных, присел на лавочку, спрятавшуюся в буйном кусте жасмина. Там он отдышался и закурил. Вокруг лавочки кругами ходили потревоженные пары.

«Однако Кузьма был прав, — думал Рудаков. — И Прохоров оказался Лжепрохоровым. Еще радость — он с ними. Он имеет отношение и к деньгам, и к случаю на станции, и, возможно, к событиям на крутом берегу. А все-таки где я его раньше видел? Рожа у него знакомая больно. Вот, черт, в этом несчастном городе кажется, что всех знаешь, всех уже где-то видел». Рудаков закрыл глаза и попытался представить его лицо. Оно вставало перед спасателем или мертвенно зеленым в свете уличных ртутных фонарей, или пламенно красным в свете спички. И внезапно всплыло другое лицо, с теми же неровными резкими тенями от нижнего освещения. Лицо, колеблющееся в пугливом пламени свечи.

Рудаков вскочил с места. «Это он! Чтоб мне не сойти с этого места, это он! Лжепрохоров и лжестарушка — одно лицо. Это надо же... Интересно, где сейчас Кузьма? Как бы они его не пристукнули. Народ по всему серьезный, решительный». Он представил узкоплечего, аккуратненького Кузьму рядом с этим коренастым, широким и мрачным Прохоровым. Рудаков почувствовал то, что люди взрослые и семейные называют отцовской или материнской тревогой. Поднялся с лавочки и быстро зашагал. «Только бы успеть раньше них. А вдвоем-то мы отмахнемся». Так Рудаков утешал себя.

...Нашел он Кузьму не дома, а в самом центре города, около гостиницы. Что там делал Кузьма и отчего не шел домой, оставалось для Игоря непонятным.

— Мне нужно с тобой поговорить, — сказал Рудаков и только тогда облегченно вздохнул.

А в то время, когда Рудаков объяснялся с Кузьмой, по темной аллее парка шли двое. Один, коренастый и мрачный, не переставая ни на минуту, ругался. Другой, высокий и расхлябанный, молчал и только изредка произносил скучным голосом: «Ну, ладно... Я же не нарочно...» Тогда коренастый останавливался и говорил:

— Виноват! Ты во всем виноват! Твое счастье, что дальше спасателей это дело не пошло пока, но, если дело дойдет до милиции, я не посмотрю на то, что ты мне помогал. И вот мой тебе совет. Как хочешь, мне хоть ты наизнанку вывернись, а бумажник достань. Пока он в чужих руках, лучше на глаза не попадайся. Убью! Пойми ты, идиот, не денег жалко. Ты даже можешь предложить им выкуп. Деньги на днях будут. Ты представляешь, что случится, если эту шпану со спасалки накроет милиция? «Где взяли?» Те, не задумываясь, покажут на тебя. А за тебя я тоже не стал бы ручаться своей головой.

— А за себя ты поручился бы? — спросил Евсиков.

В ответ он получил лишь новый тычок в спину.

— А может, через станцию попробовать?

— Ни в коем случае. После ваших дурацких игрушек они и так на всех смотрят подозрительно. Спасалка нам нужна. И заваливать ее по твоей милости я не хочу. Сам заварил — сам и расхлебывай.

Таинственная пара вышла из парка. Оказавшись на свету под большим фонарем, они разошлись, не пожимая друг другу рук и не прощаясь вообще.

* * *

Гостиница готовилась ко сну. По мягким ковровым дорожкам бесшумно и величественно скользили дамы в волнующихся халатах и с полотенцами через плечо. А в это время из их номеров горничные во главе с дежурной выводили засидевшихся поклонников. Аппетитно треща новенькой колодой и заглядывая в каждую дверь, прошел преферансист. Его тоскующий взгляд загорался пламенным огнем надежды при виде каждого мужчины. Но потом глаза его притухали, и он, развернувшись на месте, шел в обратную сторону.

Меньшиков распахнул все окна в своем номере и тоже приготовился ко сну. Но лечь ему не пришлось. Позвонил Кузьма. Меньшиков велел ему сейчас же зайти, и Кузьма уже через десять минут сидел у него в номере на диване.

— Сегодня кое-что прояснилось, — сказал Кузьма.

— Интересно?..

— Сегодня объявилась лжестарушка. Ничего из себя... Такая крепкая.

Кузьма пересказал Меньшикову события сегодняшнего дня. Выслушав его, Филипп Степанович переспросил фамилию.

— Он назвался Прохоровым. Фамилия явно чужая, поэтому какая разница — Прохоров или Петров.

— Да разница есть, — неопределенно сказал Меньшиков. — Только очень мне не нравится, что не мы их, а они нас находят. Может, это и к лучшему. Может, тут есть какая-то логика. Правда, я ее пока не вижу.

Меньшиков курил и настойчиво угощал Кузьму «Семигорской» минеральной водой. Тот пил, и морщился, и не понимал, как люди могут находить ее вкусной. Полковник ходил по номеру, курил свой неизменный «Прибой», одну папиросу за другой. Кузьма томился предчувствиями. Наконец Меньшиков остановился и сказал:

— Все нехорошо. Все отвратительно. То, что произошло, — произошло без нашего с тобой непосредственного участия. Почему мы сюда приехали? Может, ты думаешь, что местные товарищи сами не умеют работать? Пришел рапорт. На спасательной станции пропала шлюпка. Через неделю пропал комплект легководолазного снаряжения вместе со скафандром. А еще через неделю был уведен ночью спасательный катер. На третий день пограничники обнаружили его в нейтральных водах. И никаких улик. Никакого намека на улики. А ведь шлюпка не иголка. Спрятать ее не так-то просто. Еще труднее увести. По-моему, есть серьезные основания для беспокойства, для тщательного и, главное, быстрого расследования. И вот мы приехали. И кроме того, что

вокруг тебя происходят невероятные приключения и ты сам в них не можешь разобраться, у нас ничего нет.

Меньшиков сел на диван, закурил новую папиросу.

— А знаешь, Кузьма, — сказал он, немного успокоившись, — и со мной сегодня приключилась целая история. В этом городе, наверное, воздух такой особенный, каждый день события одно другого загадочнее...

— Что же с вами случилось? — спросил Кузьма.

— Ну, это нужно по порядку, издалека... Да ты никак зеваешь? — озабоченно спросил Меньшиков. — Если хочешь спать, то ступай. А то мы, старики, народ эгоистичный. Можем заговорить до утра. Нам лишь бы слушатель был.

— Ничего, Филипп Степанович, это я так... Пригрелся.

— Ну, если ничего, тогда я тебе сейчас расскажу одну интереснейшую историю, которая произошла со мной в двадцать четвертом году в Сибири. Я тебе ее, случайно, уже не рассказывал?

— Да вроде нет. Не успели...

— Тогда слушай. В то время я работал заместителем начальника угрозыска. Вызывает меня однажды мой дорогой начальник, а был я тогда еще моложе тебя, и говорит, что поступили к нему слухи от местного, коренного, населения, что по тайге бродит группа неизвестных лиц и неопределенного поведения. Ступай, говорит он мне, Филипп, со своими орлами в тайгу и найди мне этих подозрительных людей. А если что, то сам знаешь, как с ними надо поступить.

Если окажут вооруженное или какое еще сопротивление, то поступай с ними сообразно революционным законам и законам своей совести... Любил тогда мой начальник пространно излагать. Он в молодости окончил духовную семинарию. Даже три дня был протодьяконом, пока у него с попом что-то не вышло.

Выехало нас трое, да потом прихватили двух охотников — проводников. Оба бывшие красные партизаны. Оба Колчака добивали. Тайгу знают — лучше некуда. Мышь не пробежит, чтобы они не знали уже, куда, откуда и зачем серая прошмыгнула. Они-то и сообщили в ЧК о подозрительной публике в тайге. Говорили, что вроде бы их трое. На банду не похоже. Никого не грабят, не убивают. Баб не трогают. Однако непонятно, зачем скрываются. Ходят от заимки к заимке — где муки украдут, где соли. Видно, долго в тайге находятся, раз уж у них даже соль вышла. Охотник соль припасает в первую голову.

Едем мы по деревням — дело было в январе — и никак не можем их догнать. Куда бы ни приехали — везде одно и то же. По всему видно, что недавно были и снова ушли в тайгу. Только мы на лыжи и за ними, как, словно назло, выпадет снег, и опять мы с носом. Просто неуловимая какая-то публика. Однажды совсем чуть было не настигли. Зашли от пурги в сторожку, а там еще печь не остыла. Бросились в тайгу, так сами чуть не заплутали. Хорошо, что с нами собака была. Она нас назад на сторожку вывела.

Целый месяц мы за ними гонялись таким образом. Только в середине февраля довелось встретиться. Случилось так: поднялись мы однажды с ночевки

(спали прямо на снегу, на ельнике, потому что очень далеко отошли от жилья человеческого), прошли версты три и видим странный след. Как будто кто-то здоровый мешок по снегу волок. Потом охотники разглядели под этим следом еще два человеческих.

И следы самые свежие. Не больше часу тому назад прошли. Мы сначала подумали, что это охотники хозяина завалили и волокут к займке. Но какой же охотник будет целого медведя волочить. Он освежает его, в мешки увяжет и на спине понесет, а не волоком. Да и крови на снегу не было. Побежали мы тогда по этому следу, вскоре догнали. Это были они. Те, кого мы искали. Вид у них был страшный. Бороды до пояса, тощие, грязные, оборванные. Руки распухшие — обмороженные. Двое идут, а третьего волокут на носилках. Сложили несколько еловых веток, связали их ремнями, положили на них своего больного. Разозлились мы тогда страшно. Как это два с половиной человека, слабых, изголодавшихся, дурачили нас в течение месяца с лишним. Окружили мы их и идем рядом — момент выжидаем. Они нас пока не видят. У каждого из них за плечами винтовка. Даже больной лежит с ней в обнимку. Тут дорога в гору пошла. Взобрались они на эту маленькую сопку — и дух вон. Присели отдохнуть. Вот тут-то мы, молодцы, и выскочили.

«Руки вверх!» Они на нас посмотрели и только отвернулись. А один склонился над больным и тихо ему говорит: «Не беспокойтесь, господин капитан, — это они». Потом один из них попросил у меня закурить. А мы стоим, винтовками в них устались...

«Неужели так трудно дать нам табак?» — опять спросил он. Ну, я свернул ему. Протянул спички, а сам чувствую, что товарищи осуждают меня. Молодой был, чувствительный. Разоружили мы их. Привезли мы их в угрозыск. Капитану ногу вправили и гипс наложили. Привели его ко мне на допрос. Остались мы с ним вдвоем.

Меньшиков налил себе «Семигорской». Кузьма соображал, зачем это ему рассказывают.

— Слушай дальше, — сказал Меньшиков. — Сидит он передо мной — высокий, красивый, подтянутый. Лицо какое-то одухотворенное. Когда он побриться и вымыться успел, я до сих пор не знаю. Вся грудь в крестах. Глаза на меня не то что с испугом, а вроде с сожалением смотрят. Как на больного, которому уже ничем нельзя помочь. Я даже как-то растерялся. Потом достал бумагу, и допрос пошел своим заведенным ранее чередом:

— Фамилия?

— Казаков.

— Имя-отчество?

— Михаил Николаевич.

— Воинское звание?

— Штабс-капитан.

— Где служили?

— В генштабе Верховного правителя адмирала Колчака.

«Ого, — думаю. — Крупная птица». А сам спрашиваю:

— Чем занимались после разгрома белогвардейской контрреволюционной армии Колчака?

— Выживал...

Тут он на меня посмотрел с легкой усмешкой и добавил:

— Пытался уйти за границу. Как видите, не вышло... Часть государственной казны (золото и драгоценности), которую мне было поручено переправить за границу, я, к величайшему моему стыду, утопил в реке.

— И много там было? — спросил я. И прозвучало это с таким детским любопытством, что до сих пор стыдно.

Он посмотрел на меня с нескрываемым презрением и сказал небрежно, словно речь шла о пригоршне гороха.

— Что-то около двух миллионов...

— В каком месте они затонули?

— Неужели вы думаете, юноша, что, если б эти деньги можно было достать, я бы сейчас беседовал с вами в этом уютном заведении...

— Это не заведение! Это губернский уголовный розыск! — закричал я. — И попрошу уважать!..

— Ах! Простите... Честь мундира. Я понимаю. — И, видя, что я аж с лица спал, добавил с достоинством: — Я вполне серьезно. Прошу меня извинить. — Произнес он это, подлец, прямо по-рыцарски.

Я успокоился, а он показал на карте речку, в которую канули драгоценности. Тут, действительно, ничего не поделаешь. Речка горная, и отволокла она уже этот чемоданчик верст на пять, если не дальше.

— За что кресты имеете? — спросил я. — За штабные подвиги?

Тут он оскорбился.

— В штабе я по состоянию здоровья, а кресты

еще с германской, в которую я три года вшей кормил, пока вы, господа большевики, вместо того чтобы спасти обескровленное отечество наше, продавали его евреям и интеллигентам... — Дальше он что-то шибко красивое завернул. Уж что, точно не помню. Только я тоже не растерялся, и пошел у нас разговор очень разноцветный, но вполне содержательный. Опомнился я, когда уткнул ему наган в подбородок и приподнял на левой руке за гимнастерку. Сила у меня в ту пору была невероятная. А он улыбається мне в глаза.

— Великолепно! Браво! Еще секунда, и одним врагом революции будет меньше. Уверяю вас, что в свое время я именно так и поступил бы. Притом я считал бы, что выполняю свой долг перед отечеством, перед своей драгоценной родиной.

Я отпустил и посадил его. Застегнул кобуру. Гляжу на него — на лице ни кровинки, но спокоен необыкновенно и красив в своем величавом спокойствии, как бог, как герой. Даже завидно стало. А он продолжает философским голосом:

— И ведь что любопытно: убейте вы сейчас меня, вы тоже считали бы, что выполнили свой долг перед родиной. Мы воевали за отечество и на германской и на гражданской — и вы тоже за отечество. Да вы, кажется, еще и за правду?

— И за правду, — сказал я, — и за Отечество. И вы это сами хорошо знаете. Только за другое Отечество и за другую правду.

— Вот тоже любопытно. У нас была правда, и у вас была правда. Значит, выходит, что их две?

— Выходит, что так, — разозлился я.

— А почему вы не думаете, что объявится новый пророк и скажет: «Давайте начинать все сначала. Я нашел третью правду»?

Тут я его точно чуть не пристукнул. Не знаю, как удержался. Потом выяснилось, что он не знал о кончине нашего Ленина. О нашем непомерном, вечном горе и утрате. Только это и спасло ему жизнь. Он опять извинился и сказал, что «ушел еще один великий человек».

Потом я его и спрашиваю:

— А почему вы не присоединились к одной из многочисленных банд?

— Я с мирным населением, с женщинами и детьми не воюю. Я не бандит и не убийца, я — солдат. Я видел смерть и готов ее принять, но только от руки противника, достойного меня.

— А считаете ли вы меня достойным противником? — съязвил я.

Он спокойно посмотрел на меня. Попросил закурить. Потом, не опуская глаз, ответил мне:

— Человек не всегда может располагать своей жизнью и смертью. Можно быть запоротым дикой свиньей.

«Вот ведь наглец», — подумал я, но сдержался, а он продолжил:

— Не надо меня пугать, юноша. Меня давно уже не мучает вопрос: «Быть или не быть?» Добьетесь вы только того, что мы потеряем друг в друге забавных собеседников. Я просто перестану отвечать на ваши вопросы, и многочисленные тайники «вражеской» души для вас так и останутся темными.

— Это я из любопытства, — сказал я. — А пугать вас никто не собирается.

— Благодарю вас.

— А почему же вы не пришли к нам, раз уж вы закончили воевать? Почему вы бежали от нас?

— Честное слово, по инерции.

— Ну и катились бы по инерции за границу... Правда, это не так-то просто. Вот теперь придется вам отвечать по всей строгости революционного закона.

— Я готов.

— Вижу. А что дальше-то делать собираетесь?

— Сидеть, по всей вероятности.

— А если мы вас отпустим? — спросил я.

Спросил просто так, не задумываясь особенно над тем, почему меня это интересует. А он как-то весь подтянулся, вскинул на меня быстрый испытующий взгляд. Что это, мол, я?.. Шучу или как? Потом ответил якобы шуткой:

— В ЧК я работать не пойду, во всяком случае.

— Кто вас возьмет? — возмутился я.

— Неважно. Все неважно. Я не знаю, чем я буду заниматься. Я не вижу ничего, что еще могло бы меня взволновать. Такое ощущение, словно из меня вынули позвоночник. В лесу и то было проще. Там есть цель. Выжить во что бы то ни стало. Впрочем, каждый из нас, конечно, думал о долге, о том, что его нужно каким-то образом выполнить. О родине, которую еще предстоит спасти от большевистской чумы. Мы уже настолько свыклись с этими мыслями, что представляли себя чуть ли не профессиональными спасителями отчизны. И вот сейчас я вижу, что

чума не так уж и страшна, что небо над Россией тоже. И те же поля, леса, те же дети... Мне все надое-ло, господин чекист. Я от всего устал. Пойду учить детей. Буду их просвещать, обучать правописанию, читать им сказки Толстого. Знаете, о братьях, кото-рые ссорились, о мальчике, который врал... Но быть на вашей стороне я не смогу. А ведь вы, юноша, хо-тели услышать от меня, что я с вами. Что я ваш друг. Так? Нет, этого я не смогу и не захочу сделать. Во всяком случае, мешать я вам не буду. Я не на-столько глуп.

Он взволновал меня. Вот настоящий, хотя и по-верженный, враг, враг достойный и уважения и про-щения. Я рядом с ним чувствовал себя мальчишкой.

— Я освобожу вас, — сказал я и подумал, что погорячился, ведь, кроме меня, есть на свете и на-чальство. — Я освобожу вас, но с одним условием. Вы не должны уезжать из Сибири. Здесь как раз места царских ссылок, народ здесь суровый, быва-лый. Может, еще и измените свои взгляды. А сейчас выздоравливайте и можете быть свободным.

— И, что ты думаешь, Кузьма, он бросился меня благодарить, пролил слезы радости, стал клясться мне в дружбе?

— По-моему, нет... — ответил Кузьма.

— Вот-вот, он только посмотрел на меня, причем совершенно безразлично, и сказал: «Как хотите».

— Хорош характер. Жалко, что он, наверное, так и не смог перестроиться. Ну, а дальше что? Правиль-но вы сделали, что отпустили его? Вам не пришлось раскаиваться за свой порыв?

— Дальше я его потерял из виду, но временами мне казалось, что не нужно было его отпускать. Что такой твердый человек уже никогда не изменится, а это значит, что сколько он будет жить на свете, столько он будет оставаться нашим врагом. Это значит, я выпустил на свободу врага революции. Пусть он благороден, честен, пусть он человек негибаемой воли и необыкновенного мужества и пусть он сказал, что не намерен мешать нам, бороться с нами. Это лишь потому, что он не видит способов борьбы, не верит в ее положительный результат. Но стоит ему встретить на своем пути единомышленников, а что еще хуже — организацию врагов революции, а в то время их было предостаточно, как он непременно встанет на их сторону. Меня в то время, как назло, вызвали из Сибири в Москву. Уже одно то, что он скрылся, исчез, казалось мне подозрительным. Ведь хороший человек тот, кому нечего скрывать, всегда на виду. К тому же он пообещал мне никуда не уезжать. Хотел стать учителем, а не стал. Я опросил все школы, благо их тогда было еще немного, но ни в одной не появился новый учитель Казаков Михаил Николаевич... И вот до последнего дня я жалел, что отпустил его тогда.

— А что же случилось в последний день? — спросил заинтригованный Кузьма.

— А в последний день, — Меньшиков сделал паузу. По убеждению Кузьмы, специально для того, чтобы потянуть ему, Кузьме, душу. Между тем Меньшиков не спеша закурил, кивком предложил Кузьме минеральной и, когда тот отказался, налил себе и со вкусом выпил до дна целый стакан. — А сегодня, —

продолжил Меньшиков, — я лишний раз убедился, что людям нужно верить. Что настоящий человек, каких бы убеждений он ни был, никогда не станет ни подлецом, ни предателем. Сегодня я видел Казакова.

— Живого Казакова? Это же потрясающе! Он узнал вас?

— Нет. Да я и не стал напоминать ему о себе. Просто поговорили по-стариковски, пофилософствовались. Он стал учителем, только фамилию переменял. Не знаю уж почему... Сейчас на пенсии. Переехал сюда поправлять здоровье. Член добровольного общества «Рыболов-спортсмен». Меня он не узнал. Я для него тогда, в двадцать четвертом, был никто. Так, фрагмент, нюанс. Один из тысячи. Мальчишка. А я его узнал сразу. Не назвался. Во-первых, было стыдно за все годы подозрений, а во-вторых, не всегда удобно напоминать человеку о прошлом, которого он сам, вероятно, боится или стыдится. Если он сам с ним порвал так окончательно, что даже фамилию и имя сменил. Теперь он — Донской Владимир Михайлович. Я на всякий случай узнал в паспортном столе. Знаешь, самому стыдно, но ничего не поделаешь, столько лет подозревать... Я уж чтоб сразу снять все подозрения, чтобы реабилитировать полностью... Все, что он говорил, все — правда. Честный, добрый человек. Как гора с плеч.

* * *

Возвращался домой Кузьма уже под утро. Над аккуратными белыми домиками городка светилось небо, разьедаемое сиреневым рассветом. На одном из пустынных перекрестков три кошки справляли

тризну по сизому голубю. Один кот сидел рядом и облизывал окровавленные лапы. Спать Кузьме уже не хотелось. Дойдя до своей улицы, он подумал, что заходить на квартиру, пожалуй, не стоит. Незачем беспокоить хозяйку, раз уж спать некогда. Он постоял около своей калитки и повернул назад. Прошел на набережную. Сел на скамью, сырую от утреннего тумана и от близости моря.

С Меньшиковым они договорились о том, что Кузьма постарается сойтись с этими ребятами. Бумажник придется отдать. Нужно попроситься в долю. Рудакова решили ввести в курс дела. Как помощник на станции он был бы очень полезен. К тому же Рудаков начинал догадываться о настоящей профессии своего приятеля, во всяком случае, подозревал его...

Кузьма убедился, что к угону катера Рудаков не имеет никакого отношения.

„Будем заниматься станцией, — сказал про себя Кузьма и посмотрел вдоль берега на спасалку. Здание ее, чуть отстоящее от порта, со спущенным флагом и одинокими флюгерами, казалось старой посудиной на корабельном кладбище.

«Нужно будет отвести Рудакова к Меньшикову, — думал Кузьма. — Интересно, Филипп Степанович уже лег?» Кузьма отыскал телефон и решил, что если после двух гудков полковник не подойдет к телефону, то будить его он не станет. Трубку сняли сразу. — Филипп Степанович, извините...

— А, это ты...

— Я думаю, что лучше будет, если мы с Рудаковым сегодня придем к вам. Именно сегодня. Это избавит меня от всевозможных объяснений. И вообще можно его сразу подключить. Он знает местные условия. Парень надежный. Я за него ручаюсь, комсомолец...

— Хорошо, сделаем. Отдохни. У тебя будет трудный день.

Кузьма направился на станцию. «Кажется, сегодня там Музыкантов дежурит».

Дверь на станцию оказалась открытой. Толя Музыкантов уже встал с жесткого ложа, сооруженного из трех дубовых стульев казенного образца. Кузьма прошел по коридору и остановился в дверях дежурки. Музыкантов сидел на стуле спиной к Кузьме. Потом он поднялся, постоял, задумчиво глядя на море в окно, потом отвесил кому-то низкий поклон и несколько раз перекрестился. Кузьма на цыпочках вышел в коридор, затем, нарочито громко топая, вошел в дежурку.

— Кто это? — испуганно прошептал Музыкантов.

— Это я, Толя, это я. Ты думал, начальник пришел тебя проверять?

— Нет. Время раннее, кто знает, кого может принести в такую рань... А ты чего не спишь-то?

— Да вот провожался, а смена в семь часов. Думаю, зачем домой идти, хозяйку тревожить, когда можно на станции отдохнуть немного до смены.

— Ну и правильно, — согласился Толя с довольно кислой физиономией. Кузьма отметил про себя, что Музыкантов чем-то недоволен. — Ложись вот на столе, постели телогрейку, а я пока убираться буду. Все веселее.

— А ты чего один дежуришь? Привел бы друзей, приемник бы послушали. Ребятам ведь все равно где спать, улеглись бы все вместе в дежурке, было бы веселее, — говорил Кузьма, а сам думал, как бы начать разговор. Ему не верилось, что Музыкантов может всерьез верить в бога. Тогда почему он крестился? Можно подурачиться, но для этого нужна аудито-

рия. Не похоже, что серьезный Музыкантов способен дурачиться спросонья перед самим собой. — Ну я буду укладываться, — сказал Кузьма, широко зевая. — А то давай помогу.

— Не мешай, и то ладно...

— Суров ты, Толя, вот и друзей вокруг тебя немного. Вон у Рудакова отбою нет от желающих подежурить вместе с ним.

— Пустозвон он, твой Рудаков, и друзья у него пустозвоны. Дождется он, что выгонит его начальник со станции. Уже сколько предупреждений было...

— Но ведь скучно одному...

— Как-нибудь сам с друзьями разберусь. Без подсказок. Ты здесь новичок, вот и не суйся в чужие дела.

— Да ты не сердись. Это я так, к слову...

— Я не сержусь. Не люблю, когда мне указывают. Понятно?..

— Вот ведь ты какой свободолюбивый, а в бога веришь...

Музыкантов вздрогнул. Выпустил из рук веник, тот мягко упал ему на ногу, да так и остался лежать.

— С чего ты взял?

— Вся станция знает... — неопределенно ответил Кузьма.

— Врешь. Кто тебе наболтал?

— Неважно. Ведь это правда?

— Какое тебе дело? — Он нагнулся за веником, чтобы скрыть растерянность. Стал беспорядочно подметать. Водил веником по одному и тому же месту.

— Хватит тебе пыль поднимать, — не выдержал Кузьма, — ведь все равно не метешь. Положи веник, садись, поговорим.

— Не о чем мне с тобой разговаривать. Ты зачем сюда приехал? Отдыхать? Вот и отдыхай. И поменьше задавай вопросов. А то как бы... — Он посмотрел на Кузьму с такой беспомощностью, она настолько не вязалась со словами угрозы, что тот улыбнулся.

— Ну, вот. Теперь ты меня пугать начинаешь. Это же несерьезно... Я же тебя так, по дружбе спрашиваю. Просто интересно, как это молодой парень может верить в бога, когда моя бабка в нем разуверилась.

— Вот я тебе по дружбе и не отвечу.

— Чудной ты парень, — сказал Кузьма миролюбиво. Он укрылся телогрейкой и поверх нее грандиозным бушлатом боцмана. Блаженно потянулся: — Ну живи, как знаешь. Только с богом скучнее, никакой самостоятельности.

— Что ты знаешь? — уже успокоившись, спросил Музыкантов. — Только то, чему тебя в школе учили: «Бога нет, дети. Человек произошел от обезьяны. Гегарин бога не нашел». А вы сидите и как бараны поворачиваете за учителем: «Бога нет».

— Забавный ты парень, — сказал Кузьма, чуть приоткрыв телогрейку. — Мы обязательно поговорим с тобой на эту тему, только не сейчас. Спать хочу смертельно. Уж извини. А о тебе мне никто не рассказывал. Я сам сегодня случайно подсмотрел. До сих пор стыдно. Но, ей-богу, никому не расскажу, будь спокоен, у меня как в могиле. Какое мне дело, в кого ты веришь, зачем и почему...

Кузьма укрылся с головой. «Да, не все здесь одинокое на станции. Странно все это. Нужно непременно все обдумать. Что-то много всякой религии

вокруг меня в последнее время. Нужно все обдумать... обмозговать... обмыслить...»

Он незаметно задремал. Проснулся оттого, что кто-то положил руку на его плечо. Кузьма резко дернулся и откинул телогрейку. Перед ним стоял Музыкантов и не отрываясь смотрел на него.

— Ты чего?!

— Правда, никому не скажешь?

— За этим и разбудил? Отдохнуть не даешь человеку. Чего ты боишься, у нас Конституцией предусмотрена свобода вероисповедания. Так что успокойся, никто тебя не съест и с работы не выгонит...

— Ты действительно никому не скажешь? — голос его дрожал.

— Никому, даже родной матери. — И подумал: «Надо рассказать Рудакову. Он лучше знает Музыкантова. Нужно посоветоваться».

Кузьма заснул. Ему снились церковные колокола, купола, кресты и лики святых. Разбудил его Рудаков:

— Вставай, поработай немного. Твоя смена уже началась.

Кузьма потянулся и спрыгнул со стола. Вышел из дежурки и, спустившись по трапу к воде, умылся, преодолевая озноб и отвращение к холодной воде. Его шея покрылась гусиной кожей, и он долго растирал ее полотенцем, прежде чем она вновь порозовела.

— Ну и холодина, — сказал, вздрагивая, всем телом. — Это у меня от постоянного недосыпания.

— Это норд-ост, — ответил ему Рудаков, — этот колотун теперь дня на три...

— Метеосводка обещала?

— Я и сам не хуже метеорологов знаю. Этот ветер

никогда один день не дует. Как зарядит, так дня на три или на шесть. А то, бывает, и на девять, на двенадцать, но это реже и ближе к осени. Курортников жалко. Сейчас в воду не сунешься — холодная, а как вылезешь, так тебя и прохватит. Мне знакомый врач говорил, что этот ветер действует на нервную систему. Вся штука в том, что дует он без остановки с утра до вечера. Только на ночь утихает, а утром опять как часы. В общем сволочный ветер. И нам работы хватает, целый день сиди как на иголках. Волна нынче тягучая, нехорошая, а дураков много...

Постепенно собралась вся смена. В дежурку заглянул начальник и сказал:

— Курбацкий на вышку, Николаев и Лялин на катере, Рудаков с мегафоном по берегу, Музыкантов дежурный по станции до двенадцати.

Как только он ушел, Геша достал из кармана газету и стал читать ее вслух. В тот день курортная газета предупреждала, что во время норд-оста купаться особенно опасно. Какой-то мастер спорта, тренер местной команды пловцов, длинно и нудно объяснял свойства волны и скрупулезно перечислял несчастные случаи, происшедшие с гражданами Н., К., Б. и Л. Педантично, как юрист, он излагал причины, чуть не приведшие вышеуказанных граждан к гибели во время шторма.

— Видали мы таких спортсменов... — сказал старшина катеров Геша, свернул газету и протянул ее Рудакову.

— Видали мы таких мастеров, — произнес Рудаков и передал газету дальше — Кузьме.

Кузьма плотнее закутался в матросскую робу.

— Каждый салажонок думает, что он великий спортсмен и великий чемпион, — сказал Геша. — А на самом деле он великая салага.

Кузьма ушел в дежурку.

Там он сел на широкую, искрошенную перочинными ножами скамью и стал глядеть через окно на веранду. Потом пошарил глазами по дежурке: не валяется ли где еще телогрейка.

По стеклам колко сыпал песок. В разбитую форточку гудел норд-ост. Кузьме стало еще холоднее. Мурашки проступили даже на коленках.

Начальник станции включил радиолу и перевел ее на внешнюю сеть. За окном заревели «Половецкие пляски» из «Князя Игоря». На веранде Геша и Рудаков разложили шахматную доску.

Пришел Курбацкий, принес колбасу и стал резать огромными кусками.

Есть Кузьме не хотелось, он принес из водолазки брезентовый плащ, укутался в него с ног до головы. Холод угнетал. Он мешал ему жить, мешал думать. У Кузьмы дрожали руки. Ноги ходили ходуном. Он был готов возненавидеть ребят, которые сидели в рубашечках нараспашку, играли в шахматы и ели сочную колбасу розового цвета. Потом Рудаков пришел к Кузьме в дежурку, застенчиво спросил:

— Может, сыграешь?

— Нет.

— Я так и знал, что ты чемпион...

— Просто замерз, — Кузьма пожал плечами, и брезентовый плащ зашуршал на нем потертыми белесыми складками.

Начальник принялся кашлять в микрофон.

Потом по пляжу понеслись его спокойные нравоучения с точными данными о количестве погибших в море за прошлый год.

С досаафовских плакатов на Кузьму смотрели розоволицые, упитанные утопленники. В коридоре тревожными, частыми звонками задребезжал телефон.

Кузьма бегом бросился к аппарату.

— Да?

— Человека унесло в море на автомобильной камере! — выпалил голос на другом конце провода.

— Откуда вы говорите?

— Из кемпинга.

— Хорошо! Ждите. Скоро придет катер.

Кузьма вышел на веранду.

— Кончай турнир!

— В чем дело? — спросил спокойно Геша.

— Кого-то унесло в море на камере.

Геша оставил фигуру, за которую он было взялся, и сказал Рудакову:

— Запомни мой ход. — Потом, обращаясь к Музыкантову, крикнул: — Расчехли катер и посмотри горячее, я возьму новую свечу. И живее. Потом перевезешь нас с Кузьмой на катер.

Музыкантов вернулся скоро. Через минуту он возил Кузьму и старшину на катер. Обшарпанная скула шлюпки мягко прислонилась к белоснежному борту катера.

Музыкантов повернул шлюпку к берегу, а Кузьма кряхтя полез на нос катера выбирать швартовы.

Мотор взревел. Кузьма отбросил пробковый буюк и прыгнул в кабину. Там он уселся рядом со старшиной, чтобы ветровое стекло укрывало его от холодных

брызг и норд-оста. Геша тронул ручку сцепления. Катер отработал задним ходом, потом пристал на месте и резко подал вперед.

Геша надвинул на лоб береточку. Его единственная кудряшка развевалась на ветру.

Кузьма сидел, втянув голову в воротник штормовки, и с тоской думал о том, что придется лезть в воду.

Катер гулко шлепался на встречной упругой волне. Мимо спасателей проносился шквал брызг.

Пустые и неуютные пляжи уходили назад, словно их относил ветром. Время от времени Кузьма брал в руки электромегафон и объявлял в сторону берега, что купаться опасно для жизни.

На пляже кемпинга толпа размахивала руками. Геша, рискуя выбросить катер на берег, подвел его к самому пляжу. Друзья унесенного объяснили, что случилось это час назад.

Пока Кузьма разговаривал с ними, катер уже достаточно отнесло от берега. Геша дал мотору полные обороты. Катер, завалившись на левый борт, круто развернулся. Через двадцать минут хода спасатели увидели впереди, справа по носу, огромную резиновую камеру. Поперек нее, раскинув руки, лицом вниз лежал мужчина.

Когда катер подошел к нему, он поднял голову и посмотрел на ребят остекленевшими глазами.

Геша застопорил двигатель. Вдвоем с Кузьмой они вытащили на катер холодное, почти безжизненное тело. Потом долго тормозили его, прежде чем мужчина во второй раз открыл глаза.

— Ну как? Жив? — спросил Геша.

Тот слабо кивнул. Тело его уже имело тот харак-

терный землисто-синий оттенок, который бывает у людей тонувших.

— Как же ты? — спросил Кузьма, укрывая его телогрейкой со своего плеча.

— Не знаю, — ответил потерпевший. — Страшно было... Сначала думал, что доплыву.

— Экий ты большой, а робкий, — сказал Геша.

Кузьма только тут заметил, что перед ним не пожилой мужчина, как он думал раньше, а скорее молодой, крепкий парень. На нем были плавки тигровой расцветки.

— Я пробовал плыть без камеры, так потом еле догнал ее. — Глаза его снова остекленели. Он принялся растирать ладонями грудь, покрытую гусиной кожей. — Зачем только полез?.. — Он пожал плечами, на которых трещала и, казалось, вот-вот лопнет небольшая телогрейка Кузьмы.

Геша развернул катер к кемпингу. Потерпевший постепенно приходил в себя, и на его лице проявлялся здоровый румянец.

А Кузьме было плохо. Холод странно действовал на него. Стоило ему замерзнуть, как вместе с калориями из него улетучивались душевные силы. Вот и сейчас он сидел скрючившись и твердил себе, что нужно встать или же, на худой конец, держаться за борт, чтобы тебя не швыряло из стороны в сторону.

Катер играл в догонялки с бегущими впереди волнами. Волн было бесчисленное множество, и все они были похожи одна на другую, и оттого казалось, что катер никак не угонится за одной и той же волной.

Внезапно это бесконечное и монотонное чередование скачков и падений прекратилось. Двигатель смолк. Это вывело озябшего Кузьму из состояния болезненного оцепенения. Он вопросительно, так и не сменив положения, посмотрел на Гешу.

Геша полез через заднюю банку к мотору. Там он сел на корточки с выражением лица крайне задумчивым и даже мечтательным.

Катер разворачивало бортом к ветру.

Они находились километрах в двух от кемпинга.

— Ну вот и приехали, — задумчиво произнес Геша. — Цилиндр заклинило.

— Что же теперь будет? — спросил Кузьма.

— Ничего.

— Но ведь кто-нибудь увидит нас? — с надеждой спросил Кузьма.

— Нет.

— На станции хватятся в конце концов и пошлют за нами «старика».

— «Старик» не выйдет в открытое море. Его перевернет. И если хватятся, то поздно.

— Нас может перевернуть? — с тревогой спросил парень в тигровых плавках.

— Нас может не перевернуть, и тогда это будет чудо.

— Неужели никого нет в море?..

Кузьма внезапно понял, что ему уже не холодно, а, напротив, рубашка прилипла к лопаткам.

— Это норд-ост, — сказал Геша.

Он сидел, положив руки на рулевую баранку, как будто это могло помочь. Эта поза старшины показалась Кузьме нелепой и страшной насмешкой над си-

туацией, над морем, грозящим и мрачным, над беспомощным катером и над небом — низким и беспощадным.

— Так что же ты сидишь?

— Ты тоже сядь. Увеличиваешь парусность. Чем быстрее нас выволокет вон туда, тем скорее к крабам...

— Нужно же что-то делать, — сказал Кузьма. Геша пожал плечами.

— При нашей устойчивости не рекомендуется выходить в море при волнении свыше трех баллов. У берега сейчас четыре-пять, а в море — семь. Может быть, больше... Рыбаки пьют пиво в «Рваных парусах», а сейнеры скрипят в порту. Уже нечего делать. Просто нечего. Когда на человека падает кирпич — это нелепо. В это не веришь. Когда сам спасаешь, тогда ты самый осторожный в мире человек, но когда все равно с тобой случается такое, то это так же нелепо. Я не верю в то, что могу погибнуть на море, но, честно говоря, шансов у нас почти нет...

— Сколько до берега?

Геша с любопытством посмотрел на Кузьму.

— Километра два.

— Я, наверное, доплыву.

— Ты не доплывешь, — спокойно ответил старшина.

— Я наверняка доплыву.

— Ты не знаешь норд-оста. Это как в Кубани против течения, плюс волна. Она собьет дыхание — и все. Я не доплыву. Точно. Нет, не осилишь, — закончил он и взглянул на Кузьму сочувственно. Тот раздевался.

— Брось! Не городи ерунды.

Кузьма снимал брюки.

— Оденься, тебе говорят! Ты что, совсем ошалел?

Старшина вскочил и схватил Кузьму за брюки, не давая им упасть.

— А если ты на моих глазах?.. Ты думаешь, ты самый благородный, самый храбрый! Герой?! А если ты вот тут, в трех кабельтовых, и я ничего не смогу сделать... Салага.

Кузьма сдирал с себя одежду.

Парень в тигровых плавках молча смотрел на них. Его лицо вновь приняло землистый оттенок, а телогрейка стала велика. Он старался не смотреть на воду.

Кузьма приблизился вплотную к старшине.

— Я спасатель, — сказал он. — Ты тоже спасатель. Мы на службе, понимаешь? Риск — это просто наша работа. А он?.. — Кузьма кивнул на притихшего парня. — Мы его спасаем. Должны спасти. Мы должны спасать, а не сидеть.

— Звои на станцию, там сообщат пограничникам, — сказал старшина.

...Кузьма долго плыл под водой. Вынырнул, оглянулся. Катер был уже метрах в тридцати. «Ерунда, доплыву». Махнул, приподнявшись над водой. Геша так и остался с поднятой вверх рукой, голова парня еле виднелась из-за борта. Кузьма споро пошел широким брассом, с удовольствием изгибаясь усталым от неподвижности телом. Белые пенные гребешки жестко хлестали по глазам. Небо опустилось к самой воде, и казалось, что скоро оно сольется с морем и раздавит его, приплюснет и разгладит своей тяжестью. Неши-

рокая скучная ленточка берега то исчезала за волнами, то появлялась, когда Кузьма взбирался на вершину волны. Кузьма оглянулся. У него похолодело внутри. Катер несколько не отодвинулся. Он качался все в тех же тридцати метрах от него, Геша все еще стоял, только опустил руку. Потом он сел.

Кузьма некоторое время оставался на месте. Он лишь слегка шевелил ногами, чтобы удержаться на поверхности. Он смотрел на берег, который отодвинулся еще дальше. «Просто прошло слишком мало времени, — успокоил себя Кузьма. — Прошло всего мгновение, и я не мог далеко отплыть...»

Через пять минут он снова поднял голову. Берег не придвинулся. Кузьма снова поплыл размашистым брассом.

Он выбрал глазами тоненькую горизонтальную черточку на берегу и шел точно на нее. Кузьма старался определить, приближается ли он к этой черточке. Катер был еще близко. Настолько близко, что когда волна обнажала его белые скулы, то можно было прочесть не только ярко-красные буквы «КС-1», но и светло-голубую выцветшую на солнце надпись: «Спасательный». Кузьма видел, как Геша курит. Видел каждое его движение.

Какое-то время Кузьма двигался, не думая и почти не поднимая головы, лишь изредка поглядывая на свой ориентир — на крошечную горизонтальную черточку. Потом он вспомнил, что это динамик, который он сам вешал на столб по приказанию начальника станции. Сейчас этот динамик, вероятно, предупреждает, что купаться опасно.

Потом он прищурил глаза и плыл, автоматически

выбрасывая вперед руки и так же автоматически подгребая ими под себя: Кузьма уже не думал о всем пути, не пытался соразмерить пройденное с оставшимся и определить свое местонахождение среди неумолимого однообразия волн. Его воображение, словно от холода, сжалось и не простиралось дальше очередной волны, с которой он вступал в единоборство. Кузьма уже не карабкался на ее пенный гребень, он вытягивал руки и, оттолкнувшись ногами, пронзал ее основание. И хотя Кузьма не любил брасс за его классическую строгость, сейчас ему приходилось плыть очень внимательно. Он подладил ритм своих движений под скорость волн. Когда он сбивался с ритма, волна на вдохе плескала ему в лицо. Он захлебывался и надолго терял дыхание.

Проплыв, по его собственному мнению, всего метров шестьсот, Кузьма захлебнулся и долго кашлял и отплевывался. Он даже не чувствовал горечи. Он открывал рот, но воздух не шел в легкие. Кожу стянуло от холода, пальцы свело, ноги сделались деревянными и с трудом сгибались в коленях. Кузьма видел, что с каждой волной его отбрасывает назад, но двигаться он не мог. Сил еле хватало, чтобы удержаться на поверхности. Стоило волне пройти под ним, как другая подхватывала, цепко обнимала и, словно продолжая дело, начатое ее товаркой, относила его от берега и передавала следующей.

Кузьма смотрел на столб с динамиком. Смотрел не отрываясь. Одиноким столб среди песчаных дюн вдруг стал целью всей его жизни. Конечной остановкой. За ним ничего не будет. Вокруг него ничего нет. Одиноким и недостижимым. Столб — его цель.

«Кузьма, вернись!.. Вернись!..» Он с усилием встряхнул головой и сделал нерешительное движение руками. Поплыл медленно. Почти на месте, но уже вперед, к берегу.

«Ерунда, бывает». Сквозь однообразный шум, плеск и хлокотање могло послышаться и не такое. «Верни-и-сь на ка-а-тер, Кузьма!..»

Кузьма зажмурил глаза. «Нет, это мне самому хочется к катеру поближе. Это я сам кричу. Я кричу... Салага, истерик».

Он не оглядывался, он смотрел только вперед. Он боялся увидеть катер все в тех же тридцати метрах. Стоило ему поднять голову над водой за глотком воздуха, как в уши снова лез далекий скрипучий голос: «ма-а-а... и-и-сь...»

Он резко оттолкнулся руками и, выпрыгнув из воды по пояс, оглянулся. Над белой черточкой катера стояла тощая фигура старшины, в руках его матово блестя электроромегафон.

«Так это он...» — подумал устало. Машинально поплыл. «Может, стоит вернуться? Он увидел, как плохо я плыву, и понял, что до берега мне не дотянуть».

«Кузьма...а».

«Нет, он сам сказал, что шансов нет. Я для них последний шанс. Мои руки и ноги, моя воля — последний шанс для двух людей. Я должен доплыть. Я доплыву».

Посылая вперед руки, Кузьма с каждым разом ощущал, как вода становится плотнее, неподатливее. Стало труднее рассекать ее. А когда он делал гребок, то руки не шли по короткой прямой к телу, а выписы-

вали остроугольные кривые. Так падает сухой лист по безветрию.

«Кузьма... вернись...»

«Перестал бы орать. Нельзя возвращаться. Нельзя возвращаться! — С каждым гребком он твердил: — Нельзя возвращаться». Глаза болели, исхлестанные брызгами. Голос звучал все тише.

«Или я плыву, или катер относит». Уже чуть слышно звучало: «Кузьма... вернись... а-тер...»

«Нужно вернуться, не доплыву... Нужно вернуться. По волнам легко. Пока не поздно. Даже если проплыву половину, на вторую не хватит. И вернуться сил не хватит. Поворачивать. Поворачивать...»

И последний раз прозвучало: «А-а-а... и-и-и...»

Кожа на ногах, казалось, вот-вот лопнет. Она за-дубела и сковывала движения. Руки сделались мягкими и тяжелыми, словно из них вынули кости. Во рту было сухо. Кузьма уже приноровился к волнам и воды больше не хлебал.

«А если прямо сейчас. Накроет вон той девятой волной и не будет сил выкарабкаться?.. На берег... К телефону... Только на берег... Ведь я их последний шанс».

Дюны то появлялись перед глазами, то исчезали, то расплывались в стекающей со лба воде, то вдруг становились четкими. Столб плясал и качался на берегу. Кузьма отбросил волосы со лба. Берег стал виден лучше. До него осталось полкилометра пути. Метрах в пятидесяти начиналось мелководье. Значит, четыреста пятьдесят. Он оглянулся. Катера уже не было видно...

Последние двести метров он плыл по-собачьи.

Боялся опустить голову под воду. Все время казалось, что не вынырнет.

Люди ходили и сидели на песке.

Кузьме стало страшно. Крикнуть, позвать на помощь он не мог. Даже махнуть рукой не мог. Не было сил. Чуть не теряя сознание от напряжения, он плыл и плыл... Столб уже кувыркался. Метрах в пятидесяти от берега Кузьма коснулся ногой дна. Встал на носки. Вода доходила до рта. Подпрыгивая при приближении каждой волны, перебирал ногами. Стоял и дышал. Знал, что нужно идти, плыть, двигаться, — и не мог. Почувствовав под собой землю, он словно распустил в себе туго закрученную пружину и впал в состояние полной апатии. Возможность стоять и двигаться загнипнотизировала его. Но с каждой волной, с каждым прыжком его относил назад в море. И, опустившись в очередной раз на дно, он скрылся под водой с головой. От неожиданности хлебнул воды. Оттолкнулся от дна и поплыл, беспорядочно хлопая руками по воде. Снова встал на ноги уже полной ступней. Увидел над собой борт шлюпки. Крепкие, сухие, горячие руки схватили его за кисти и выволокли из воды.

— Где телефон? Там катер... люди... Я сам!

Когда шлюпка ткнулась носом в песок, он поднялся и хотел шагнуть через борт, но потерял равновесие и снова шлепнулся на банку.

Земля под ногами спокойно и размеренно покачивалась, поднимаясь навстречу его шагу. Казалось, что он идет в гору. Кузьма даже наклонился вперед, как наклоняется взбирающийся в гору. Песок под ногами казался удивительно нежным и теплым.

Около машин с распахнутыми настежь дверцами горели портативные газовые плитки и пахло тушеной и жареными баклажанами. Кузьма задевал развешанное на кустах белье и спотыкался на консервных банках.

...Далеко через бушующий залив в сумрачном коридоре станции к телефону подошел Рудаков.

— Излагайте, — с непередаваемой, прямо-таки барской ленцой произнес Рудаков.

— У нас отказал мотор, Геша и еще человек на катере, их несет в открытое море и может перевернуть...

— Ты откуда звонишь?

— Их может перевернуть каждую минуту. Дай тревогу! Я доплыл...

Сказав это, Кузьма сел на стул, откинулся на жесткую, прямую спинку стула и закрыл глаза.

Его разбудили через полчаса.

Ему снились волны.

В море вышел Курбацкий на «старике» — так спасатели звали второй катер, более тяжелый, неповоротливый, с крытой палубой и маленькой каютой. Кузьму до спасательной станции подвезли на машине отдыхающие из кемпинга. Он закутался в боцманский бушлат и долго сидел не двигаясь. Потом пришел Рудаков. Начальник сразу послал его на вышку, и с высоты Игорь кричал, что он видит катера, что все идет нормально.

Как только суденышки показались в порту, Рудаков кубарем слетел по крутой лестнице с вышки и одним махом спустил на воду «туза», Курбацкий прыгнул к нему на заднюю банку, а Геша сходить на берег отказался. Рудаков недоброжелательно принял на борт парня в тигровых плавках и погреб к берегу. Кузьма, наблюдавший за всеми в окно, увидел, как старшина достал из бортового ящичка инструменты и, откинув люки, начал разбирать мотор. Лялин нашел чью-то огромную робу и ком-

бинезон, натянул все это на себя и попросил Рудакова перевезти его на катер.

— Да будет тебе... — сказал Рудаков, — это Геша теперь не успокоится до вечера, а тебе-то там нечего делать. Давай лучше пообедаем.

— У тебя есть что-нибудь?

— Конечно. Я колбасы по дороге купил.

— Давай сюда.

Кузьма забрал сверток с обедом и шагнул в шлюпку.

— Перевезешь или нет?

— Ладно, черт с тобой, мерзни, — неохотно согласился Рудаков.

— А! Пожрать принес? Это хорошо... Это прекрасно. Ну-ка, поддержи.

— В чем там дело? — спросил Кузьма.

— Если бы я знал, в чем тут дело, то я уже сидел бы в дежурке и пил пиво.

— А у тебя есть пиво?

— Оно у меня есть всегда, и ты мог бы удивляться, если б у меня его не было... — машинально бормотал старшина, не отрываясь от мотора. Его руки уже по локоть были вымазаны в отработанном масле, и от этого он немного странно покосился на бутерброды и снова склонился над мотором. — Поддержи этот болт, хотя лучше не надо, не пачкай руки. Что за черт?!! Утром спросили бы меня, и я ответил бы, что скорее у меня самого будет инфаркт, чем заклинит поршень. И если учесть, что в этом двигателе подобная штука совершенно невозможна, то действительно на свете есть чудеса. «А ты твердишь, что на свете не бывает чудес. Чудес на свете много...» Вооб-

ще-то есть одна шутка... Но не думаю, что на станции мог кто-нибудь так пошутить... Не думаю... Совсем не думаю... На всякий случай, Кузьма, пошарь в бензобаке. У тебя рука тонкая, может, и пролезет.

Кузьма снял телогрейку и засучил рукава рубы до самого плеча. Потом, свернув ладонь лодочкой, он осторожно просунул ее в бензобак.

— А здесь что-то есть...

— Тащи, только осторожнее.

— Рассыпается, — озабоченно сказал Кузьма.

— Ничего, ты хотя бы крупинку извлеки.

— Сейчас.

Кузьма вытащил руку и протянул ее старшине. На ладони лежали несколько прозрачных, пожелтевших от бензина, маленьких кристалликов. Геша взял руку Кузьмы за запястье и поднес к своему лицу. Несколько мгновений молча смотрел на загадочные кристаллы, потом лизнул ладонь и забрал их на язык. Долго прислушивался к своим ощущениям. Потом молча опустил руки за борт и стал их мыть, ожесточенно потирая одну о другую. Повернул голову к Кузьме и кивнул на воду.

— Мой руки, сейчас будем обедать.

— Что это? — спросил Кузьма.

— Это сахар, — равнодушным голосом ответил старшина и еще упорнее заскрипел руками.

— Какой сахар? — удивился Кузьма.

— С каким ты пьешь чай.

— Откуда он там?

— Спроси что-нибудь полегче. Мой руки. Не есть же тебе колбасу с бензином вместо горчицы.

— И что же?

— Дальше все очень просто. Некий шутник бросил сахар в бак, сахар частично растворился и проник с бензином в цилиндр. Бензин сгорает почти полностью, а сахар не успевает в момент взрыва, и на стенках цилиндра остается нагар. Последствия ты сам наблюдал. Но не в этом дело. Теперь я умру, а найду этого шутника. И тогда, когда я его найду, ему нельзя будет позавидовать.

— Ты думаешь, это кто-то специально подложил? — спросил Кузьма.

— Нет, он сам совершенно случайно туда залетел. Сто грамм сахара туда попали нечаянно, — саркастично заметил Геша и сдул поникшую на его левый глаз кудряшку. — Не в этом же дело. Это же примитив. Мы пацанами сами устраивали такие шутки с начальником милиции. Но ведь на суше. Мы клали сахар в бак его личной машины. Единственное, чем он рисковал, это застрять по дороге из одного винсовхоза в другой. Он их постоянно инспектировал в нерабочее время. Это ведь на суше, а на море за такие шутки отрывают голову и не велят жаловаться. На море это другое дело... Хотел бы я посмотреть на этого шутника.

— Что ты собираешься делать?

— Не знаю.

— Когда, по-твоему, подсыпали сахар? — спросил Кузьма. Геша почесал затылок, сдвинув при этом свою береточку, типа кепочки, на самый нос, видимо, он еще не задавал себе подобного вопроса.

— В общем-то недавно...

— Почему ты так думаешь?

— Так иначе он бы весь разошелся.

— Значит, тот, кто насыпал, знал, что нам придется выходить в шторм?

— Значит, так, — мрачно согласился старшина.

— Кто был на катере перед тем, как нам выйти?

— Мы были и еще Музыкантов, пожалуй... Я его еще попросил проверить горючее.

— Значит, некому, кроме него?

— Да ну, что ты, не думаю, чтобы этот тихоня мог так пошутить.

— А если это была не шутка. Ведь он знал, что мы выходим в море в шторм.

— Ну к чему ему, подумай сам?

— Но ведь больше некому, — хладнокровно возразил Кузьма.

— Ничего не понимаю... — развел руками старшина.

— Как ты думаешь, у него есть причины злиться на тебя? О себе я и не говорю. Я человек новый. Что ему со мной делить?

— Да какие там причины?! Ничего такого я ему не сделал. Так. Может, пошутил когда, но у нас на станции над всеми смеются. Я никогда не мог бы подумать, что он способен на что-нибудь такое. Даже не представляю, что с ним теперь делать.

— По-моему, и не надо ничего делать. И говорить ничего не надо. Ведь мы же не уверены. А вдруг это не он... Такая обида парню ни за что.

— Что же, так и оставить? Мы там чуть концы не отдали, а он — гуляй на здоровье и посмеивайся в кулак? Нет, так дело не пойдет.

— Конечно, так оставлять нельзя, — согласился Кузьма, — нужно проверить, а уж тогда, когда мы

будем точно уверены, что это он, и никто другой, вот тогда и подумаем, что нам с ним делать. Согласен?

— Разумеется, надо проверить, а с другой стороны — смешно. Что он заранее знал о шторме, о том, кто выйдет в море и на каком катере. Все это очень непонятно...

— Вот и нужно все выяснить, — поддакнул Кузьма, — а сейчас крикнем Рудакову, чтобы он нам привез пива из твоих запасов, а то пить невозможно хочется.

— Рудакову? Чтобы он знал, куда я прячу пиво? Никогда! Скорее я вплавь пойду на берег, чем расскажу этому бегемоту о своем пиве.

— Тогда позовем его, пусть нас перевезет. А там и выпьем за благополучное возвращение. Идет?

— Так идет.

* * *

После смены Кузьма привел недоумевающего Рудакова в гостиницу в номер Меньшикова.

Филипп Степанович лежал на незастеленной кровати. Завидев ребят, он тяжело приподнялся и поздоровался.

— А! Заходите, заходите, здравствуйте, присаживайтесь к столу. Ну, что у вас нового, почему днем не звонил? Я уже начал беспокоиться.

Кузьма встал и вытянулся.

— Разрешите доложить, товарищ полковник?

— Докладывайте.

— Позвонить не мог. Существенных новостей нет, кроме того, что на меня сегодня было совершено... новое покушение.

— Так... Дальше? — Полковник нахмурился. — Продолжайте, только подробнее.

Кузьма, не пропуская ни одной мелочи, подробно рассказал все, что произошло с ним и старшиной в море. Рассказал результаты исследования мотора, свои домыслы и соображения.

Рудаков слушал молча, и с лица его не сходило недоуменное выражение. Когда Кузьма кончил рассказывать, Меньшиков спросил у него:

— Ваши выводы?

— Если моя гипотеза насчет Музыкантова подтвердится, — подумав, ответил Кузьма, — то совершенно ясно: все связанное со станцией — дело рук Музыкантова. А коли так, то и история с валютой имеет к Музыкантову прямое отношение. Остаются неясными только два пункта. Первый — кто же из всех известных нам лиц готовился к переходу через границу. Больше всего подходит под эту роль некто Прохоров, но о нем мы как раз меньше всего знаем. Второй пункт не менее интересен. Музыкантов верит в бога. Явление само по себе странное. Молодой парень — и бог. Тем более сейчас этот факт приводит к определенным мыслям, что все это имеет какое-то отношение к религии. У меня все.

— Хорошо... Вы рассказали Рудакову о себе?

— Нет, не успел.

— А зря. Ну ладно. Я думаю, и сам сумею объяснить. Видите ли, в чем дело, молодой человек. Мы здесь с лейтенантом Лялиным, — Рудаков изумленно посмотрел на Кузьму, — посоветовались и решили, что в сложившейся ситуации нам потребуется ваша помощь. Как вы, согласны?

— А кому вам? — недоверчиво спросил Рудаков.

— Ну, нам... работникам уголовного розыска.

Меньшиков улыбнулся и протянул маленькую красную книжечку Рудакову. Тот изучал ее долго и изумленно, потом вернул и встал со стула.

— Извините, товарищ полковник... Вам, наверное, — Рудаков посмотрел в сторону Кузьмы и заппулся, — вам, наверное, товарищ Лялин уже обо всем докладывал.

— Чего-то ты так официально? — рассмеялся Кузьма.

Рудаков пожал плечами.

— Вы так и не ответили. Так как же? Согласны?

— Конечно, согласен, — серьезно ответил Рудаков, — готов выполнить любое задание. Только приказывайте.

— Приказывать я вам ничего не буду, и заданий тоже никаких не будет. Вы должны так же работать, заниматься теми же делами, что и раньше. Только будьте серьезнее и осторожнее. И впредь никаким лжесотрудникам угрозыска не верьте. О том, кто такой Кузьма, в городе знают четыре человека. Вы — пятый. Думаю, вам не нужно говорить о том, что никто больше не должен знать об этом?

— Конечно! Кузьма знает, что я не трепач...

— Каждое приказание Лялина должно выполняться беспрекословно.

— Разумеется! — с готовностью согласился Игорь и с восхищением посмотрел на друга, так скоро и недосыгаемо выросшего в его глазах.

— Внимательнее смотрите за Музыкантовым. Лейтенант, постарайтесь выяснить, с кем, кроме извест-

ных нам лиц, он связан. У меня все. Отбой. Можете идти.

Кузьма вытянулся, и Рудакову послышался стук каблуков, хотя на ногах у Кузьмы были легкие сандалии.

— Куда пойдем? — почтительно спросил Рудаков, как только они вышли на улицу.

— На станцию, только сперва перекусим где-нибудь. Потом нужно будет найти этих пижонов и вернуть им валюту. Мол, дружить давайте. Ты знал раньше, что Музыкантов верит в бога?

— Никогда. Он что, тебе сам сказал?

— Нет. Я случайно подсмотрел.

— Никогда бы не подумал, — пожал плечами Рудаков. — Мы с ребятами обращали внимание на то, что он не пьет, не курит, не ругается. Но, сам знаешь, люди разные бывают... Как начинали с ним на эту тему разговаривать — он обижался, уходил. Прижимистый немного. Ты же знаешь, что у нас здесь великое морское братство, все поровну, а он никогда ничем не делится, да и чужого не возьмет. Обедать всегда поднимается на вышку. Сидит там один. Если кто придет, он сворачивает свои бутерброды и ждет, пока не уйдут. Мы уж к этому привыкли, не обращаем внимания. А вот насчет бога это для меня новость...

— Как ты думаешь, не мог он наши вещи в ту ночь украсть?

— По-моему, нет, а вообще-то черт его знает. Таинственный он человек...

— На станции никому ни слова. Приглядись к не-

му повнимательнее, — Кузьма задумался. — К вечеру перепиши весь личный состав станции: посидим подумаем. Может быть, и, кроме Музыкантова, отыщем какую-нибудь таинственную личность.

* * *

К Евсикову спасателям идти не пришлось. Он явился сам. Подошел к Рудакову с виноватым видом.

— Ты прости, что так получилось. Понимаешь, валюта не моя. Мне самому за нее голову оторвут, если я ее не верну.

— Да ладно, — махнул рукой Рудаков, — бывает. Все мы люди. Пришел бы, по-человечески объяснил бы все как надо, чего-нибудь придумали б...

И хотя Евсиков уже по-всякому подходил — и по-человечески и не по-человечески, он с готовностью согласился с Рудаковым.

— Я понимаю, — сказал он и состроил рожу мученика, от которой Рудаков поморщился. — Я вот тут принес немного, а когда я отдам бумажник, то будет больше. — Он протянул Рудакову деньги. — Это вроде выкупа, — добавил он.

— Ну, с этим я не знаю, как быть... — пожал плечами Игорь, — вот вернется Кузьма, он решит, хватит ли этого, — спасатель небрежно кивнул на деньги, — или не хватит. Нас же двое, и, между прочим, жить надо нам обоим. И вообще давно бы так. А то в первый день вы, братцы, делали какие-то туманные заявления насчет благодарности. Вы, чай, думали, что перед вами мальчики. Но ошибаться могут все. Главное, что перемирие сделано, первый шаг к смягчению обстановки совершен. — Рудаков трепался са-

мозабвенно. Он упивался собственной болтовней. — А силой, ребята, вы ничего, кроме известных осложнений, не добьетесь. Мы понимаем, что у вас своя компания, но у нас ведь тоже своя компания. Так что закуривай, садись, поговорим, подружиться, пока Кузьма (человек, между прочим, не маленький) вернется. И зря твой кореш хотел с ним иметь дело на крутом берегу. Кузьма, ей-богу, еле удержался тогда ночью. Он мне говорит потом: «Зря я его пожалел. Лишним свидетелем было бы меньше...»

— О ком ты? — удивился Генка.

— Да твой приятель, с которым ты меня, дело прошлое, хотел подловить тогда в парке. Некто работник угрозыска Прохоров.

— А что он?

— Ну, ты мне мозги не пудри. Будто сам не знаешь. На крутом берегу он хотел столкнуть Кузьму с обрыва. Да сам туда чуть не полетел.

— Я об этом ничего не знаю. Когда это было?

— В ночь поминовения усопших. Вечером того дня, когда вы на велосипеде перевернулись.

— Но он тогда еще вас и не видел.

— Не знаю, видел или не видел, — заворчал Рудаков. — Только я хотел бы предупредить, чтобы так в следующий раз не шутили. Это не остроумно. А то глядишь: жил человек, шутил, смеялся — и не стало человека. И смолк его веселый смех. А вот и Кузьма.

Евсиков посмотрел на море, но так ничего и не увидел. Рудаков указал на еле заметную белую точку катера.

— Я думал, это чайка...

— Ты еще и думаешь, салага? Это я так, шучу...

— Денег нам ваших не надо, — сказал Кузьма, — оставь себе: купишь мороженое и минеральной. Советую пить «Семигорскую» — помогает от ожирения. А бумажник на, держи и больше не теряй. С нами дружить надо, а не ссориться. Приходи сегодня в «Рваные паруса», выставишь нам пиво.

— Туда я не могу, там у меня мать работает, — Евсиков виновато улыбнулся. — Давайте в другом месте встретимся. Хотя бы в ресторане.

— И дружка своего прихвати, с кем на велосипеде катался, и Прохоров, или как там его зовут, тоже нам не помешает.

— Не знаю, пойдет ли он. Без него было бы веселее, — с сомнением сказал Евсиков. — Скучный он, как напьется, так зануда занудой...

— Скажи, не мешало бы поговорить, чтобы обиды не оставалось.

* * *

Вечером в ресторане собрались все. Кузьма был в строгом черном костюме, Рудаков в одной рубашке, а Евсиков с приятелем приятно шуршали дедероновыми пиджаками и постоянно улыбались. Прохоров пришел позже. На нем была мятая, заношенная ковбойка. Держал он себя строго и надменно.

После первых тостов за мир и дружбу Кузьма склонился к Прохорову и шепотом спросил:

— Рука не беспокоит?

— Спасибо, не жалуюсь, — Прохоров пожал плечами.

— Однако мне не ясен стиль вашей работы, — продолжал шептать Кузьма. Все за столиком почти-

тельно не обращали на них внимания, давая понять, что разговоры старших их не интересуют. — Не ясно мне, зачем вам понадобилось сталкивать меня с обрыва? Это же примитивно.

— Вы о чем? — безразличным голосом спросил Прохоров.

— Ладно, забыли. Меня не интересуют чужие ошибки. Однако могу признать, что кое-что заслуживает внимания. Например, то, как вы узнали, что мы пойдем на кладбище и где мы спрятали вещи. — Кузьма говорил и знал, что Прохоров не ответит ни на один из вопросов, но его и не интересовали ответы. Он хотел узнать реакцию Прохорова, тон, которым он будет увильгивать от вопросов.

Рудаков царил над столом. Он разливал всем вино, щедро, с видом хозяина, потчевал новых друзей всеми закусками. Было много выпито и за дружбу, и за любовь, и за сотрудничество, хотя кто с кем будет сотрудничать, в чем, каким образом — никто не знал. Больше того, над этим никто и не задумывался.

Кузьма пил наравне со всеми. Пил он всегда плохо. Буквально после нескольких рюмок он хмелел, голова становилась чужой, мысли непонятными и необъяснимыми. Стоило ему наутро следующего дня вспомнить свое поведение, как он расстраивался на целую неделю. Через полчаса он был уже пьян достаточно. Сидел Кузьма нахохлившись и смотрел на всех с нескрываемым раздражением. Он переводил взгляд, полный тяжелой и непонятной злобы, с Прохорова на Евсикова, на его приятеля, назвавшегося Вовой. И каждый из них, столкнувшись со взглядом Кузьмы, поспешно опускал глаза и старался не смот-

реть в его сторону. Кузьма молчал. Он боялся заговорить. Ему хотелось убедить своих собутыльников в том, что они низкие, никчемные люди, что вообще они мелкота и подонки, о которых неохота руки марать. Кузьма боялся высказаться. Хорошо, что Рудаков трепался за двоих.

— Ребята, — кричал он, — мы золотые люди с Кузьмой! Нас беречь нужно, лелеять, а не толкать с обрывов. А вы нас толкаете. Любите нас! Вот Кузьма! Великий человек. Он все может. Он мог вас... А не захотел. Говорит: «Зачем портить жизнь таким замечательным парням?» И все! Теперь — живите! Только любите и уважайте нас. Не во мне дело. Вот Кузьма — он гениальный человек.

— Рудаков, — сказал Кузьма, — они шпана, а ты перед ними распинаешься. Не пой, Рудаков, перед шпаной. Вот, — он положил руку на плечо Прохорова, — серьезный человек, только фамилия его не Прохоров — это не серьезно, а в остальном он целиком и полностью серьезный человек. — И, склонившись к самому уху Прохорова, он громко спросил: — Вы не обижаетесь, Георгий Васильевич? Вы не обижайтесь! Я люблю вас, вы вызываете у меня профессиональный интерес. Я даже знаю... Ладно, в общем не волнуйтесь, все будет хорошо.

Наутро следующего дня Кузьма позвонил Меньшикову в гостиницу:

— У меня все в порядке, Филипп Степанович. Контакты налажены. Вчера был вечер дружбы в ресторане. В общем все хорошо, только Рудаков очень нервничает, все ноги мне отдал, а в остальном все нормально. Вечером позвоню. Мы сегодня днем встречаемся с Прохоровым. Любопытно...

— Смотри аккуратней, Кузьма, думаю, что Рудаков не зря тебе ноги отдал.

Прохоров на станцию идти отказался. Встретились после смены на Театральной площади. Он был все в той же ковбойке. Тщательно выбритые щеки отливали синевой. Вместо приветствия он спросил:

— Что это Рудаков о вас трепался? Что это вы можете и в какой области?

Кузьма сразу сделался скучным. Кивнул на лавочку. Они сели. Кузьма пожаловался:

— Вот так всегда бывает... Стоит людям помочь, стоит их выручить один раз, как они сразу принимают тебя за идиота. Почему так бывает? Как вы думаете? Плохо устроен мир, в котором одни умные люди готовы перегрызть поджилки другим умным людям только из-за того, что они хотят жить и думают, что другим людям этого не хочется. Вот и вы, Прохоров, или как вас там, я не знаю, вы тоже вместо предложений задаете одни вопросы, на которые не каждый захочет ответить. Так мы с вами не договоримся. Что получается? — Кузьма передохнул. Продолжал он, глядя на Прохорова не отрываясь: — Получается вот что: встретились два человека, заинтересовали друг друга, как могут заинтересовать содержательные, серьезные люди. Встретились, чтобы побеседовать о жизни, о спорте. И вдруг один из них начинает делать другому непристойные намеки. Зачем? Ведь может случиться, что между нами очень мало общего... Тогда мы будем кланяться друг другу при встрече и справляться о здоровье. И все!

Кузьма кончил говорить и с самодовольным видом закинул ногу на ногу. «Да, брат, так просто ты от меня не отстанешь, — думал он. — Слишком много знаю. Конечно, тебе нужно втянуть меня в дело, чтобы я молчал. А вот поди возьми меня. Покрутись-ка. Я понимаю, что ты с большим удовольствием убрал бы меня, но, думаю, спешить не будешь. Все-таки я на спасалке работаю. Может, и пригожусь».

— Ну, я ни о чем таком и не спрашиваю, — сказал Прохоров, — вы меня неправильно поняли.

— Понял-то я правильно, — Кузьма досадливо поморщился, — только никак не могу решить, что

мне делать... Незнакомый гражданин из неизвестных побуждений вдруг захотел меня отправить на тот свет. Гражданин этот сидит со мной рядом, а побуждения так и остаются невыясненными. Что же делать? Кто мне может дать гарантию, что побуждения эти не настолько серьезны, что гражданин не соберется повторить свой печальный и поучительный для меня опыт?

— Произошла ошибка. Никто не собирался вас отправлять на тот свет, — сказал Прохоров.

«Ну, это я и сам знаю. Ты мне скажи — кого ты хотел столкнуть и за что?»

— Хорошенькая ошибка! Еще немного, и мы с вами не разговаривали бы здесь на прекрасном вечернем солнце, на великолепной скамейке.

— Даю честное слово, что произошла ошибка. Вас приняли за другого.

— Вернее, за другую, — поправил Кузьма.

— Неважно. Откуда я мог знать... И вообще я вас тогда еще не знал...

— Интересно, на кого это я так похож? Уж не на вашу ли тещу?

— При чем здесь теща? Поступили вы со мной по-человечески, если хотите награды за молчание, то я не возражаю. Но болтать об этом я вам не советую. Все равно вам не поверят. Только потом хлопот не оберетесь. А вот спрашивать меня не надо...

«Хорош. А главное, храбрый, такого на пустой крючок не возьмешь. Но ничего, мы понемножку, мы слегка...»

Прохоров откинулся на спинку скамьи:

— Старуха сама упала. Я сам об этом только на

рынке услышал... Не будем возвращаться к этому разговору. Кто старое помянет, тому глаз вон.

— Ладно, — примирительно сказал Кузьма. — Лишь бы меня никто не трогал, и я никого не трону. Это мой закон. Ошибка так ошибка. Давайте, Прохоров, ближе к делу. Вы мне вчера сказали, что хотите со мной поговорить, — говорите.

— Хотите заработать? — спросил Прохоров.

— Не задавайте идиотских вопросов, пожалуйста.

— Вы умеете водить катер?

— Немного умею.

— А вам на станции могут его доверить?

— Нет, но это можно устроить неофициально.

А в чем дело?

— Об этом потом. Как вы собираетесь это устроить?

— Договорюсь со старшиной катеров, как пойдем с ним на дежурство, скажем, к кемпингу, — он отправится в буфет пиво пить, а я смогу самостоятельно выйти в море на катере. Он человек добрый, отзывчивый, его можно уговорить. Только зачем это нужно? Учтите, что я не хочу портить отношений с уголовным кодексом.

— Никакой уголовщины, — сказал Прохоров, — просто прогуляетесь с одним человеком в море и тут же обратно.

— Это можно. А сколько мне причитается? Я надеюсь, вас не смущает мой вопрос? Что поделает, жизнь делает людей грубыми материалистами. Они такими не рождаются...

— Пятьсот рублей авансу и пятьсот, как вернетесь.

— А ведь задаром вы таких денег не заплатили бы, а?

— О деле я расскажу потом, когда будет о чем говорить. Только заранее могу успокоить, что ничего опаснее обыкновенной рыбалки для вас в этом нет. Именно для вас, а не для кого-нибудь, поэтому и платим мы эти деньги вам, а не кому-то.

«Хорошо поет! Ладно, на сегодня и так достаточно, а то будет перебор».

— В общем вы мне нравитесь, и я почти согласен, — сказал Кузьма, улыбаясь впервые за весь вечер. — До свидания, товарищ Прохоров.

— Меня зовут Ефим, а фамилия моя, я думаю, вам и не интересна?

— Вот и хорошо, — сказал Кузьма, — вот и познакомились.

— Филипп Степанович, его зовут Ефим, фамилии я пока, к сожалению, не знаю, во всяком случае, не Прохоров. Вы попросите Монастырева, он вам всех Ефимов разыщет, думаю, что их не много здесь, имя довольно редкое, а я к вам попозже загляну и опознаю. Тогда обо всем и поговорим.

Рудаков поджидал Кузьму дома. Он сидел на веранде и не отрываясь смотрел на калитку. Перед ним стояла пепельница. Она ломилась от окурков. Виноградная узорчатая крыша беседки дымилась. «О чем они могли так долго разговаривать? Может, что случилось с Кузьмой? Ведь предлагал я последить за ни-

ми, пока они будут разговаривать. Всякое может произойти...»

Кузьма появился неожиданно. Он хлопнул калиткой и, весело насвистывая, подошел к Рудакову.

— Ты где так долго?

— С моим новым другом Ефимом беседовали о жизни, о делах.

— Его зовут Ефим? Он сказал сам?

— Ну, уж конечно, я в паспорт его не смотрел и в крайсправку не заявлял.

— Остроумный, — огрызнулся Рудаков. — Сиди тут и переживай за него, а он острит. Знаешь, что они могли из тебя сделать?

— Интересно?

— Котлету. Из остряков хорошие котлеты получаются, — Рудаков не выдержал и улыбнулся. — Ну ладно, как ты там?

— Не хочешь сходить в гости? — спросил Кузьма. — По дороге все расскажу.

— Какие еще гости?

— Федор Макарович нас приглашал, поп. Ты что, забыл?

...У церкви, как всегда, толпились старушки. Только что окончилась служба, но они не спешили расходиться. Они стояли и обсуждали попа, протодьякона, Марию Ивановну, которая сегодня пустила «петуха». Ребята проникли в церковь и опять столкнулись с той зловредной старухой, которая в прошлый раз ругала их. И на этот раз ребят окрестили и «анчихристями», и «супостатами», и еще бог знает кем.

Отец Федор встретил ребят приветливо. Был он сегодня одет к службе, и ребята сначала немного стес-

нялись его. Но потом он вышел в другую комнату, переоделся и вновь стал приветливым Федором Макаровичем. Когда электросамовар запел на столе тоненьким уютным голосом и появилась заветная бутылочка с ликером из лепестков розы, Кузьма, для приличия выждав некоторое время, заговорил о деле:

— Скажите, пожалуйста, Федор Макарович, к вам в церковь много молодежи ходит?

— Вообще-то есть, но чтобы много — я не могу сказать. Есть две барышни, очень прилежные прихожанки. Одна, правда, горбатенькая, а другая ей вроде подруги будет. И вообще есть довольно молодые женщины, только не знаю, можно ли их назвать молодежью.

— А молодые парни в вашем приходе есть?

— Нет, пожалуй, ни одного юноши я вам назвать не могу.

— Скажите, пожалуйста, — Кузьма задумался, — а если человек верит в бога — он обязательно должен идти в церковь?

— Зачем же обязательно? Он может нести веру в себе, была бы она только сильной и искренней, настоящей...

— У меня есть один знакомый, — сказал Кузьма, — он верит в бога...

— Всякая вера достойна уважения и преклонения, независимо от того, открыта она или протекает втайне, — мягким басом пророкотал поп.

Рудаков заерзал. Видимо, его смущали проповеди священника. Ему не сиделось в уютном поповском доме, наливка не лезла в горло, чай не пился.

Но Кузьма еще долго разговаривал о погоде, о по-

следних событиях во Вьетнаме и только под конец спросил:

— А кто может ненавидеть церковь? Могут ли вообще люди ненавидеть церковь, не быть равнодушным, а сильно ненавидеть?

— Вопрос неожиданный и серьезный. Даже не знаю, как ответить. Ненависть — это одно из проявлений фанатизма, а последний больше подходит для самих верующих, чем для так называемых атеистов, то есть безбожников. Они обычно люди зрелого и спокойного ума, трезвой мысли, и вряд ли среди них хоть кто-нибудь способен к ненависти, к предмету, для них вполне безразличному. Не знаю, не знаю...

— Значит, вы говорите, что ненависть скорее приуща людям религиозным? Так какому же добру вы учите народ?

— Уважаемый Кузьма, — поп привстал с места и протянул к спасателю обе руки, словно умоляя его о чем-то, — не надо так говорить. Такой чудесный вечер, мы так хорошо беседуем, так спокойно, и я не задеваю ваших убеждений. Мне вас не убедить ни в чем, потому что вы слишком юны, а вы бессильны передо мной.

— Выходит, что ваши старушки ненавидят вас, а все равно ходят в церковь потому, что на танцах им уже нечего делать, и вся ваша религия проистекает «от нечего делать».

Это некстати встрял Рудаков. Кузьма сделал кислое лицо, а поп побагровел, на его смуглых, по-крестьянски широких руках вздулись жилы.

— К нам приходят по любви, уважаемый, а религии бывают разные. Да, одни ненавидят нашу цер-

ковь, да и мало ли есть их, раскольников, старообрядцев, сектантов, а наша христианская религия, — он обратился к Кузьме, — учит терпимости и прощению...

А позднее Кузьма зашел к Меньшикову и без всякого труда выбрал из многих фотографий одну. Он перевернул ее и прочитал:

— Ефим Григорьевич Даниленко, 1929 года рождения, приехал три года назад, работает шофером на базе курортторга. Вот он — лжестарушка, Лжепрохоров и, возможно, Лжеефим...

* * *

В то время, когда Кузьма беседовал с Меньшиковым, на квартире у Ефима произошло следующее.

Ефим пришел домой, разделся до трусов и отправился на виноградник, выстроившийся за его домом, как рота новобранцев на плацу перед казармой. Уход за виноградником был его почти самым любимым делом, если не считать подсчета барышей после торговли виноградом на рынке, когда он, продав несколько десятков килограммов своего винограда и центнер уворованного на базе, возвращался домой усталый и умиротворенный. За лозами он ухаживал, как за детьми. Он изливал на них всю свою нерастратченную, первородную нежность. Если б какая-нибудь из женщин могла бы обратить на себя этот полноводный поток внимания и теплоты, она была бы самой счастливой женщиной. Но это могло бы случиться лишь в том исключительном случае, если б жен-

щина приносила Ефиму столь же верный и приличный доход.

У него были и жена и дети, но он их не видел несколько лет и так ни разу и не вспомнил. А когда год назад встретил на набережной брата жены, то поспешил отвернуться и незаметно исчезнуть. А после целый месяц выходил из дому только на работу или в случае крайней необходимости. Он боялся быть узнанным. Причем, постоянно думая о брате жены, выискивая его в толпе отдыхающих, он так и не подумал о самой жене. И она и дети осознавались им как нечто бесформенное, ненужное, чего нужно бояться и бежать.

Однажды во время одной дальней поездки его машину остановила женщина. Она отбилась от своей туристской группы и добиралась до города на попутных. Они ехали вместе больше часа, разговорились. Женщина оказалась ласковой, теплой. Она чаще молчала и смотрела на Ефима удивленными, чуть-чуть испуганными и радостными глазами. А потом пригласила его прийти вечером в пансионат, там должны были показывать интересную картину.

До самого вечера Ефим ходил возбужденный и радостный. У него сладко сосало под ложечкой от предчувствия встречи. Но вечером он подумал, что это знакомство повлечет за собой лишние расходы. Он сидел дома и смотрел на часы. Он видел, как стрелки медленно переползают назначенный час. Он несколько раз порывался пойти, но выдержал до конца и лег спать.

Ночью ему снилась тихая улыбка этой женщины. Ему снилось, что он бьет ее, он хочет, чтобы она пе-

рестала улыбаться, а она улыбается удивленно и радостно...

Подвизывая молодые побеги винограда, Ефим услышал, как звякнула его калитка. Не закрывая огромного кривого садового ножа с почерневшей деревянной рукояткой, он вышел на дорожку, которая вела к дому. Там он ное к носу столкнулся с Евсиковым.

— Что шатаешься?

— Дело есть.

— Пошли в дом.

Они уселись за пустым столом. В комнате Ефима было голо и скучно.

— Ну, что у тебя?

— Да я о Кузьме хочу поговорить, — Евсиков значительно помолчал.

— Давай выкладывай, и до свидания. Я устал.

— Я говорю, подружился ты с ним — это хорошо. А сегодня твой Кузьма и этот, Рудаков, в церковь зачем-то таскались... А Кузьма каждый день встречается с каким-то гражданином, причем без Рудакова... Вот так!

Ефим задумался. Прошелся по комнате. Евсиков сидел с победным видом. Он пускал дым колечками, и взгляд его светился таким безграничным блаженством, что можно было подумать — вот человек только что обрел счастье... Ефим остановился напротив Евсикова.

— Чему ты рад, дурак?

— Вы все умные, а вас вокруг пальца, как пачанов... Смешно мне на вас, умников, глядеть. Интересно, что вы теперь запоете?

— Ступай домой, я спать сейчас ложусь.

Ушел Евсиков с чувством глубочайшего разочарования. Ему хотелось славы, ажиотажа вокруг его открытия, а к его сенсации отнеслись так равнодушно, с таким пренебрежением. Но ничего, он еще покажет всем, кто чего стоит.

* * *

Прошла неделя, за которую ничего не произошло. Рудакову не терпелось что-нибудь предпринять. Кузьма выжидал. Он считал, что лучше, если сам Ефим напомнит о себе. Меньшиков занимался тем, что собирал сведения о Ефиме, пытался выяснить, что это за личность. Ефим молчал. Евсиков появился один раз на станции, поболтал с Рудаковым и ушел. Наконец явился Ефим. Он пришел рано утром.

— Вы не могли бы сходить на почту и отправить небольшую бандероль? Адрес вот здесь, на бумажке, — сказал он Кузьме.

— Это обязательно должен сделать я? — спросил Кузьма.

— Я не хотел бы появляться на почте, — признался Ефим, — там меня все знают. Ценность можете не объявлять. Если хотите, то напишите рубля два-три.

Кузьма промолчал. Они присели на перевернутую и отодранную шлюпку. Она сохла на пандусе, на самом солнцепеке. Кузьме еще предстояло сегодня ее выкрасить. Солнце пеклось на раскаленном небе, как яичный желток на огромной сковороде. В порту порывавший от жары подъемный кран вытянутой рукой брезгливо копался в чреве брюхатой самоходки и вы-

таскивал оттуда то бочку солярки, то тюк прессованного, душистого сена. Кузьма и Ефим долго наблюдали за неповоротливыми движениями крана. Зачарованные его леню, они никак не могли отвести глаза.

— Так вы согласны или нет? — спросил Ефим и посмотрел на часы. — Я вас очень прошу, Кузьма.

— Перестаньте морочить мне голову. Я не мальчик. Я не раскрою этого пакета, даже если, — Кузьма взвесил его на руке, — даже если он будет набит деньгами. Я все равно не раскрою его, дорогой Ефим, тем более что он не набит деньгами, а лежат там пара прошлогодних журналов «Огонек». Что это за детские игрушки, уважаемый?

Ефим смутился. Он долго разминал сигарету, не смотря на то, что она была очень сухая и половина табака уже высыпалась.

— Не хотите — не надо. Найду еще кого-нибудь.

— Сейчас Рудаков вернется с пляжа, дайте ему.

— Мне некогда ждать, — сердито сказал Ефим, — до свидания.

Он ушел. Кузьма опять скучающими глазами уставился на портовый кран. Вдруг из глубины станции, из ее прохладного сумрачного коридора раздалось такое громкое и неожиданное ругательство, что Кузьма вздрогнул. В дверях показался обнаженный по пояс боцман. Он держал по аквалангу в каждой руке и очень громко ругался. На набережной останавливались курортники и с удивленными лицами смотрели на станцию. По великолепному, кирпичного цвета лицу боцмана выступили бурые пятна.

— Какая-то... спустила воздух из всех баллонов, — сказал он, протягивая под самый нос Кузьме

оба акваланга, по двадцать с лишним килограммов каждый. — Ты посмотри... Вот ведь...

— Когда последний раз проверяли давление? Может, вентили пропускают?

— Какие вентили? — громко спросил боцман и сам ответил: — Знаю я эти вентили, как поймаю кого-нибудь, голову оторву и собакам скормлю... Позавчера еще были полные, а сегодня ночью я дежурил. Всю ночь не спал, в водолажке сидел, крючки для самодура лудил. Точно кто-то или позавчера ночью, или днем нашкодил, я ему...

— А кто это может быть? — спросил Кузьма.

— Если б я знал... — Гарри Васильевич подозрительно посмотрел на Кузьму. — А ты чего ржешь?

— Я не ржу, я улыбаюсь. Очень ты красив во гневе, боцман.

— Смотри... — неуверенно предупредил Гарри Васильевич.

— Смотрю. А кто дежурил позавчера ночью?

— Музыкантов.

— А может быть, ты перепутал акваланги? Может, они и не были заряжены?

— Я точно помню, что в прошлый раз мы зарядили вот эти новые, а старые баллоны покрасили и зарядили позже. В старых давление нормальное.

Кузьма склонился над аквалангами.

— Послушай, Васильич, а ведь это старый баллон.

— Где старый? Не может быть.

— Да вот этот, — Кузьма показал на левый баллон, — гляди, он был уже вручную покрашен. Краска свежая, а баллон старый. Все новые баллоны покрашены по-заводскому, из пульверизатора.

— Значит, перепутали, — буркнул себе под нос Гарри, недовольный тем, что на его станции обнаружен беспорядок. — Пойду качать воздух. — И он направился в компрессорную. Через несколько минут там раздалось громкое чавканье дизельного двигателя.

— Эй, на вышке! — крикнул Кузьма. За резным барьером мелькнула тень, и показалось недовольное лицо Музыкантова.

— Чего кричишь?

— В шахматы сыграешь?

— Вот начальник придет, он тебе сыграет...

— На вышку-то он не полезет.

— А кто его знает...

— Все равно. Сейчас приду с шахматами, — сказал Кузьма и пошел в дежурку, потом по приставной лестнице поднялся на вышку. Музыкантов лежал на полу, постелив телогрейку. Он пристроил смотровую трубу между фигурных колонок ограды и не отрывал глаз от окуляра. Музыкантов нес вахту. Нес же он ее всегда настолько добросовестно, что на него трудно было рассчитывать. Если б случилось что-нибудь экстраординарное, чего не предусмотрено в инструкции, он не пошевелил бы и пальцем. Он продолжал бы нести вахту.

— Может быть, сыграешь? — Кузьма тронул его за плечо. Только тогда Музыкантов повернулся к нему лицом.

— А кто смотреть будет?

— Да все равно небось девочек разглядываешь... Давай сыграем. Умираю с тоски. — Кузьма знал наверняка, что Музыкантов не согласится, но ему до-

ставляло удовольствие искушать его. Музыкантов очень любил играть в шахматы, особенно на станции, когда очень хочется, но позволял он себе это удовольствие только в чужую смену.

— Если тебе скучно, — строго сказал Музыкантов, — то иди крась шлюпку, а я, — он посмотрел на часы, — через сорок минут тебя сменю.

— Да брось ты эту трубу, выпусти ее из рук, давай сыграем одну партию.

— Я не могу на работе, — взмолился Музыкантов, — отстань ты от меня, пожалуйста, слезай отсюда, ты мне мешаешь нести вахту.

Музыкантов снова уставился в трубу левым глазом. Кузьма сел поудобнее, так, чтоб видеть его лицо, и сказал мягким голосом:

— Вот ведь ты какой порядочный человек, Музыкантов, не хочешь даже в шахматы сыграть со мной. Ты меня не любишь, Толя. А за что? То вещи у меня с Рудаковым стащили, то утопить меня со старшиной хотел, то игнорируешь меня. Зачем? Ведь это я тебя должен игнорировать и не любить. Ведь не я совершал такие гнусные поступки, а ты.

Музыкантов молчал и не отрывался от трубы. Кузьма сидел над ним и внимательно наблюдал, как багровеет его шея.

— Ты ведь думал, что никто не узнает, правда? Вот видишь, молчишь. Совестно. Мне тоже совестно за тебя... — Музыкантов продолжал молчать. — Теперь я ведь все расскажу ребятам. Я им скажу: «Посмотрите на этого человека, который только с виду такой тихий. Посмотрите на него внимательно, товарищи, — вот он, который не пьет водку и пиво, скром-

но ведет себя с молодыми девушками. Вот он, который самый прилежный и дисциплинированный спасатель. Не верьте — скажу я им — его кроткому виду. Он притворяется таким, чтобы скрыть свои страшные пороки. Он недавно обворовал своих же товарищей, а затем покушался на их жизнь и теперь спокойно смотрит им в глаза. Он гнусный лицемер. Осторожней с ним, люди. Он к тому же верит в бога, но это не мешает ему прикармливать вещи, которые ему не принадлежат, а также сыпать сахар в бензобак...»

— Я ничего этого не делал, — еле выговорил Музыкантов. Кузьма видел, как дрожит труба в его руках.

— Конечно, конечно, транзисторы и фотоаппарат сами ушли из водолазки, а сахар из твоего кармана самостоятельно проник в бак. Завтра же утром, как все соберутся, все как есть расскажу ребятам. Пусть знают, с кем они имеют дело. А там уж сами они решат, как быть с тобой.

Он облокотился на перила и стал смотреть на пляж. Неожиданно его ноги поднялись в воздух, и Кузьма почувствовал, что готов вылететь с вышки вниз. Он уцепился руками за перила и оглянулся. Он увидел багровую от натуги и злости шею Музыкантова. Тот обхватил его ноги и пытался скинуть Кузьму вниз. Кузьма ударил ребром ладони по натуженной шее. Руки ослабли, и Кузьма встал на ноги. Музыкантов так и остался сидеть на корточках у его ног. Кузьма пожалел, что ударил слишком сильно. Он присел рядом с Музыкантовым.

— Ну что, болит? Что же ты так неловко? Осторожней надо. Так недолго и совсем сломать шею. —

Кузьма посмотрел вниз. На мягком от солнца асфальте лежали обрезки рельс, предназначенные для мертвых якорей под буйки. Он снова перевел взгляд на Музыкантова. Тот так и сидел, скрючившись, спиной к нему. Внезапно Музыкантов выпрямился, в его руках сверкнула объективом подзорная труба. Кузьма перехватил его руку, вывернул, бережно вынул из безжизненной кисти подзорную трубу и положил ее на телогрейку. Потом немного отпустил руку Музыкантова и влепил ему громкую пощечину.

— Всякое терпение с тобой лопнет, — оправдался он. Музыкантов смотрел на него ненавидящими глазами.

— Все равно тебе не жить... — прошептал он.

— Ну, это ты слишком, — дружелюбно сказал Кузьма, — я еще поживу. Еще, бог даст, и женюсь. Ты не первый, не последний, кто говорит мне подобные вещи. Если б принимать все это всерьез, то никаких нервов не хватит. Так что ты не расстраивайся, все будет хорошо.

— Я все равно убью тебя... — сказал Музыкантов. Он сидел набычившись. По веснушчатым щекам его катился пот. Волосы на лбу слиплись. — Ты ничего завтра не расскажешь на станции. Я все равно убью тебя.

Кузьма улыбнулся. Эти страшные фразы Музыкантов произнес так неуверенно, словно он не угрожал, а просил что-то у него.

— Сколько тебе лет? — спросил Кузьма.

— Восемнадцать. Я все равно зарежу тебя сегодня...

— Зарежешь, зарежешь, — успокоил его Кузь-

ма, — только не нервничай. Подожди, я сейчас свой паек принесу, и мы с тобой подкрепимся. Только ты никуда не уходи отсюда, я сейчас через пять минут приду.

Музыкантов ничего не ответил. Кузьма слетел по лестнице в дежурку и достал свой паек. Газета, в которую он был завернут, промокла, и сквозь нее сочился помидорный сок и наполнял все вокруг приторно кислым запахом. Вероятно, на его завтраке кто-то отдыхал. Кузьма на цыпочках подошел к лестнице и прислушался. Потом, стараясь не скрипеть перекладинами, полез наверх. Перед самым люком он остановился и снова прислушался. Над его головой раздавались быстрые шаги. Музыкантов шлепал босыми ногами из угла в угол наблюдательной площадки. «Убивать вроде не собирается пока. А там посмотрим...»

— Толя, держи! — крикнул Кузьма и поднял над головой сверток. Он увидел склонившееся над ним лицо Музыкантова. Тот немного помедлил, но сверток взял. Кузьма вылез на площадку. Толя протянул ему сверток, из которого падали на пол рубиновые капли и испарялись на солнце. Кузьма развернул завтрак, закинул раздавленные помидоры в море, достал припасенный в дежурке длинный водолазный нож и нарезал копченую колбасу. На ровных тонких ее кусочках, как только их коснулось солнце, проступили бисерные капельки жира. Хлеб он искромсал на щедрые лохматые куски.

— Садись, перекусим.

Музыкантов стоял около Кузьмы и как загибнотизированный не отрывал от него глаз.

— Ладно, — весело сказал Кузьма, — потом мной налюбуешься, а пока садись.

— Я не хочу.

— Ну что ты дуешься, как ребенок, садись, тебе говорят. — Он подошел к Музыкантову и, взяв его за плечи, потянул вниз. Музыкантов сел с безучастным лицом. Он выпрямил ноги, покосился на нож, лежавший рядом с газетой, и снова уставился на Кузьму. Тот уже набил себе рот одним из уцелевших помидоров. Это приключение вызвало у него неукротимый аппетит.

— Ешь, тебе говорят, ешь колбасу.

— Подавись ты этой колбасой, — прорычал Музыкантов.

Кузьма согласно кивнул головой и соорудил огромный и соблазнительный двухэтажный бутерброд с колбасой и помидорами.

— На, держи!

— Я сказал, не буду... — пробурчал Музыкантов и, примерившись, откусил от бутерброда.

— Не всегда прекрасное вечно, — изрек Кузьма, с сожалением разглядывая заметку в газете, на которой они только что пировали. — Но червячка мы все-таки заморили.

— Подожди, — буркнул Музыкантов, — у меня тоже что-то есть. Сейчас принесу.

Пока он ходил за своим завтраком, Кузьма размышлял о том, как вот такой вспыльчивый парень (хладнокровия Музыкантову явно не хватало) мог так спокойно провести боцмана. Да что боцмана. Всех. Что-то уж очень большое и сильное заставляет его быть таким. Что-то гораздо серьезнее, чем соучастие

в делах Ефима. «Все-таки кто же такой Ефим? — думал Кузьма. — Уголовник? Нет. Зачем уголовнику убивать какую-то старушку. Тем более что он разглядеть-то ее толком не успел. Разве можно спутать его, Кузьму, со старухой, если посмотреть внимательнее. Фарцовщик? Тоже нет. Не похож. Шпион? Это тоже не то. Он не стал бы связываться с такой шпаной, как Евсиков. Тот фарцовщик-профессионал. Это установлено, и его приятель Вова — тоже. Эти молодцы за последнее время несколько раз всплывали на черном рынке. Причем каждый раз с очень крупными суммами. Откуда у них деньги? Насшибать по мелочам такие суммы невозможно за такой короткий срок. Значит, они просто исполнители, а финансирует эти операции кто-то другой. Что связывает всех этих людей? Сможет ли Музыкантов ответить мне на этот вопрос? Должен, хотя бы косвенно. Никто, кроме него. Ефим только на допросе у следователя, да и то не обо всем расскажет. Евсиков с приятелем сами ничего не знают. Ну что ж, Музыкантов так Музыкантов! Рисковать стоит, тем более что Ефим неспроста приходил сегодня с дурацкой проверкой. Что-то не то, чего-то он боится? Что-то подозревает, а Музыкантов, как назло, не может отличить румпеля от якоря, вот Ефим и ходит вокруг меня как лиса вокруг винограда. Нужен ему, видно, катер позарез.

На лестнице раздались шаги Музыкантова. Он положил холщовый мешочек к ногам Кузьмы на газету и вытряхнул из него несколько вобл, малосольные крепкие огурчики, от запаха которых у Кузьмы сразу защекотало в носу, и четыре плотных, домашних кот-

леты. Он взял в руки хлеб и приготовился его ломать.

Кузьма протянул ему нож.

— Разрежь аккуратнее, а то больше искрошишь.

Музыкантов нерешительно, с опаской взял длинный острый нож и с испугом посмотрел на Кузьму.

— Этим ножом ты собирался меня резать?

— Этим. — Музыкантов затряс головой в знак согласия.

— Ничего, — сказал Кузьма, — ты режь хлеб и не волнуйся, все будет хорошо.

— Чего уж хорошего... Теперь ты всем расскажешь. Хоть беги со станции.

— Могу никому не рассказывать, только тогда ты должен мне помочь. Ладно, потом поговорим, а пока давай покончим с обедом, а то аппетит пропадет.

С моря задул ветерок, и на вышке стало прохладнее. Заскрипели флюгеры, надулся и зашелкал флаг спасательной службы. Музыкантов резал нежные малосольные огурчики, и они приятно скрипели под ножом. Ребята поели, немного отдохнули, ощущая себя наполненными и удовлетворенными, затем Кузьма спросил:

— Ну как, согласен ты мне помочь?

— Не знаю...

— Зачем ты подменил баллоны в аквалангах? — неожиданно спросил Кузьма.

— Я не менял.

— Врешь!

— Как ты узнал?

— Это уже отдельный разговор... Я еще много знаю, мне непонятно только одно, как ты, молодой,

разумный парень, не видишь, к чему тебя может привести эта дружба?

— Они не друзья мне, — Музыкантов отрицательно покачал головой, — это не друзья, это больше... Тебе этого не понять...

— Что же, они твои родственники, что ли? — улыбнулся Кузьма. — Уж больно много их для родни, разные очень.

— Они мои братья, — серьезно ответил Музыкантов.

Кузьма опешил. Он ожидал чего угодно, но чтобы этот мальчишка, тихоня, так явно издевался над ним... Нет, этого Кузьма не ожидал. Видно, у него сильно переменилось лицо, настолько сильно, что Музыкантов отпрянул от него и прошептал, заметно побледнев:

— Я правду говорю, верь мне. Больше я ничего не скажу. Не имею права.

— Так, значит, они твои братья. И сказать ты мне больше ничего не можешь. А придется. Войди в мое положение. Мне нужно узнать, что тебя с ними связывает, что это за народ, чего они хотят и чего хочешь ты. Ты не уйдешь с этой вышки, пока все мне не расскажешь. Если ты будешь упрямиться, то я позову сюда всю смену, и мы будем решать, что делать с тобой дальше. Я все тебе сказал. Решай.

— Эгей! На вышке! Кузьма! Срочно к начальнику.

Кузьма чертыхнулся про себя. Изучающе посмотрел на Музыкантова.

— Ты подождешь меня?

— Да.

— Я скоро. Никуда не уходи. В любом случае будь на станции.

— А если я уйду? — спросил Музыкантов, и что-то незнакомое, несоответственное с его обычным обликом мелькнуло в его глазах.

— Я думаю, что ты все-таки не уйдешь. Это в твоих интересах...

— Хорошо, — согласился Музыкантов. Кузьма заметил, что он уже не кажется таким тихим, как прежде.

...Начальник станции встретил его на пороге своего кабинета.

— Однако вы не торопитесь. Служили в армии?

— Не пришлось.

— То-то и видно. Дисциплинка у вас... Посмотрите, что с радиостанцией. Все время фонит. На пляже ни слова не слышно.

«Черт бы тебя забрал вместе с твоей радиостанцией. Ведь уйдет Музыкантов, тогда ищи его по городу».

Он расположился так, чтобы из окна кабинета видеть всю веранду станции. Музыкантов спустился с вышки, взял краску и кисти и принялся красить шлюпку, лежащую вверх килем на пандусе.

«Ну и хорошо. Все время на виду».

Начальник любознательно заглядывал ему через плечо.

«Если Музыкантов пойдет со станции, брошу все к черту и побегу за ним. Все равно операция идет к концу, и на станции мне больше нечего делать».

Музыкантов продолжал спокойно красить шлюпку.

— Ну вот, кажется, все.

— Сейчас попробуем.

Начальник станции поставил перед собой микрофон, откашлялся и произнес:

— Раз, два, три, четыре. Проверка, проверка. Идите на улицу, послушайте.

Кузьма вышел и с улицы показал начальнику, что все прекрасно. Он выставил большой палец вверх и потряс рукой. Начальник удовлетворенно кивнул ему.

...Музыкантов так ничего толком и не рассказал. Он намекнул, правда, что является членом некоего тайного общества.

— Единственное, что я могу сделать, — это отвести тебя туда. Там ты все узнаешь.

Об акваланге и катере Кузьма решил даже не спрашивать. Тут и так все было ясно. Ему хотелось узнать только одно — как они узнали, что он с Рудаковым решил спрятать вещи в водолазке. Это оказалось гораздо проще, чем Кузьма себе представлял. Музыкантов случайно подслушал их разговор. Кто лазил за вещами, оставалось неизвестным. Кузьма решил не отпускать сегодня до вечера Музыкантова от себя, но на всякий случай предупредил:

— Смотри, если кто-нибудь узнает о нашем разговоре...

Еле дождавшись конца смены, Кузьма решил созвониться с Меньшиковым и спросить у него разрешения идти с Музыкантовым. Позвонить со станции не удалось — там все время толпился народ. Пришлось идти в город и искать телефон-автомат. Музыкантов сохранял полное спокойствие.

«И ведь не волнуется ни капли, будто направляемся на танцы или на прогулку, — отметил про себя Кузьма, — куда его вспылчивость девалась? Или смирился парень? Не похоже, пожалуй. А может, не стоит с ним идти? Может, это ловушка? А что они со мной сделают? Не посмеют!»

Во всяком случае, Кузьма обрадовался, когда встретил машиниста Курбацкого.

— Гуляете? — спросил он.

— Да нет, — Кузьма хлопал Музыкантова по плечу, — мы вот с Толей в одно место собрались.

— А где же твой неразлучный друг Рудаков? Или вы уже больше не друзья?

— Да я и сам не знаю, где он. Хотел прийти на станцию, а не пришел. Он сегодня выходной. Вот теперь и не знаю, где его искать. Ты скажи ему, если он появится на станции, что я его ищу. И пусть он позвонит Меньшикову, возможно, мы с Толей будем у него. Только, пожалуйста, не забудь, а то одно интересное мероприятие может сорваться.

— Опять Рудаков девочек подцепил? — завистливым голосом спросил Курбацкий.

Кузьма молча многозначительно подмигнул.

Меньшикова в гостинице не оказалось. Кузьма долго слушал нудные длинные гудки и надеялся, что вот-вот там, в номере, Меньшиков откроет дверь, снимет трубку и густым, хрипловатым голосом скажет: «Я слушаю». Но трубку никто не снимал, а длинные гудки сменились частыми. Кузьма вышел из будки автомата. Музыкантов безучастно смотрел по сторонам.

— Что, не дозвонился? — равнодушно спросил он Кузьму, когда тот подошел к нему. Кузьма промолчал.

«Что же теперь делать? Нужно идти? Не нравится сегодня он мне, — Кузьма посмотрел на Музыкантова. — Ничего по нему не поймешь. Но рисковать надо».

— Ефим там будет? — неожиданно спросил Кузьма.

— Будет, — не задумываясь ответил Музыкантов.

«Ну, тогда легче. С этим можно будет договориться. Мужик головастый. Такой сгоряча дров не

наломает. Да и я ему все еще нужен. Ведь не мог же он докопаться, кто я на самом деле. Интересуюсь всем в целях собственной безопасности... Пожалуй, стоит идти. Но отыскать сперва Рудакова все-таки нужно».

— Пойдем, — сказал он Музыкантову.

— Куда? — все так же безразлично спросил тот.

— К Рудакову.

Игоря дома не было. Мать его сказала, что ушел он утром и даже обедать не приходил.

«Где он шляется? Когда он позарез нужен, его нет».

Музыкантов подвел Кузьму к чистенькому, аккуратному домику, примыкавшему одной стеной к развалинам старинного особняка, на окраине города. Обшарпанная, исписанная вездесущими туристами колоннада особняка дышала в косые, малиновые лучи заходящего солнца пылью и запахом кирпича. Над бесформенными сломami стен носились стрижи. Они влетали в пустые окна, чертили стремительные круги по бывшим гостиным и спальням. С пронзительным криком они вылетали из окон бывшего кабинета и неслись к морю, где их крик мешался с плачем чаек.

— Смотри, как низко летают. К дождю...

— Чей это дом? — спросил Кузьма, запрокидывая голову и разглядывая увитые диким виноградом и плющом стены.

— А ничей, — пожал плечами Музыкантов.

— Раньше-то он чей был?

— Кто его знает? Говорят, какой-то граф здесь жил. А сейчас его зовут просто «Казаковский дом». Я даже не знаю почему...

— Там кто-нибудь из «братьев» сейчас есть?

— Не знаю, обычно собираются позднее. Когда войдем, тебя остановят, спросят, к кому ты. Ответишь: «Я пришел к себе, это мой дом». Тогда тебе скажут: «Тебя давно ждут здесь». Ответишь: «Я пришел к тому, кто ждет меня». Запомнил? Если перепутаешь слова — тебя не пустят, постарайся запомнить.

— Зачем ты ходишь сюда? — спросил Кузьма.

— Тебе легко спрашивать...

— Не силой же тебя тянут сюда?

— Что ты знаешь о силе? Если ты стукнул меня сегодня, то думаешь, что ты сильный? Что ты знаешь о жизни? — Музыкантов говорил не своим языком не свои мысли, и даже голос его стал старше, древнее, трескучее, словно он внезапно постарел на много лет. Сразу он как-то сгорбился, взгляд его стал туманным и мечтательным, глаза остановились. Так человек смотрит на яркий свет, у него слезятся глаза, текут ручьем слезы, а он не может оторваться. Свет загипнотизировал его. Кузьма с удивлением смотрел на странную метаморфозу, приключившуюся с Музыкантовым.

Они вошли в калитку, проделанную в высоком темно-зеленом заборе. Прошли мимо домика и очутились в неприметном сарайчике. Там было сумрачно. Помещение освещалось одной пятнадцатисвечевой лампочкой. Кузьма с трудом различил человека, сидевшего за сколоченным из белых досок столом.

— К кому ты? — спросил человек. Лицо его было бородато, борода росла от самых глаз и спускалась ему на грудь беспорядочной мочалкой не-

определенного серого цвета. Голос сидевшего за столом оказался неожиданно молодым. Кузьме вдруг показалось, что он забыл слова пароля. По спине просыпали мурашки. Он облизал губы и ответил:

— Я пришел к себе. Это мой дом.

— Тебя давно ждут, — сказал бородатый. Кузьма посмотрел на Музыкантова, как бы спрашивая, что делать дальше и куда идти. Музыкантов что-то шептал ему, сильно артикулируя. Кузьма вспомнил:

— Я пришел к тому, кто ждет меня.

— Выйди отсюда, — властно сказал бородатый. — А ты останься, — и он придержал Музыкантова за рукав.

«Ну и хорошо, — подумал Кузьма, — по крайней мере сразу станет ясно, можно ли положиться на Музыкантова».

— Я прошу тебя выйти отсюда, — повторил бородатый. — Я жду, пока ты удалишься.

Кузьма не сдвинулся с места и только вопросительно посмотрел на Музыкантова. В сарае стало тихо, только в углу медленно капала вода из алюминиевого рукомойника и скрипел стул под бородатым. Кузьма стоял и пристально смотрел прямо в лицо бородатому. Места, не заросшие бородой, поражали неестественной бледностью, и казалось, они источали запах сырой мертвой земли. Музыкантов тихонько тронул Кузьму за плечо.

— Выйди, пожалуйста, раз тебя попросили.

Кузьма спокойно, подчеркнуто спокойно и медленно вышел. Он нарочно скорчил недовольную гримасу. На улице сразу ощутил запах моря. Стрижи летали еще ниже, и еще громче слышался крик чаек.

«Будет гроза», — отметил про себя Кузьма. Он стал внимательно оглядываться. Калитка сколочена из толстых двухдюймовых досок и обита металлическими полосами. Запирается на два мощных стальных запора и, наверное, на внутренний ключ. Под запорами Кузьма разглядел еле приметную замочную скважину. Вдоль всего забора тянется проволока. «Интересно». В зарослях крыжовника что-то зеленеет. Собачья будка. «Любопытно, что за зверь в ней живет?» Кузьма тихонько свистнул. Звякнула цепь. Под кустом послышалось шуршание, и, скрипя кольцом по проволоке, выбежал на лужайку перед домом огромный, серый в яблоках дог. Цепи хватило для того, чтобы дог смог подойти к Кузьме. Он стоял, и под его лоснящейся кожей переливались мускулы. Пес зевнул, обнажив ослепительно белые влажные клыки, и потянулся мордой к рукам Кузьмы. Кузьма ощутил его горячее сырое дыхание. Он с трудом сдерживал желание отнять руку. Дог по-щенячьи, вполне дружелюбно, царапнул Кузьму лапой. Брюки предательски затрещали. Краем глаза Кузьма заметил, как шевельнулась занавеска на окне домика. «Да, ударить отсюда не просто. Попасть сюда легче, для этого стоит только перелезть через этот глухой забор. А потом... потом вот эта зверюга». Кузьма поискал глазами и заметил на веревке ватное одеяло, вывешенное, вероятно, для просушки после сырых приморских ночей. «Это очень кстати, — подумал он. — Сдается мне, что уходить придется со скандалом... Все зависит от Музыкантова. Хорошо, если не удосужатся снять одеяло. Впрочем, оно тоже не поможет...» Дверь сарайчика скрипнула, и это прервало

его размышления. Вышел Музыкантов, по его posture физиономии Кузьма так и не смог определить, что ожидает его в ближайшие полчаса. Раскрыл им Музыкантов или нет, какого гостя он привел?

— Тебя просят зайти. — Музыкантов стоял, придерживая дверь полуоткрытой. Кузьма, прежде чем войти в помещение, вопросительно в упор посмотрел на Музыкантова. Тот отвел глаза и отвернулся, пропуская Кузьму вперед. Кузьма снова долго привыкал к сумеркам, царившим в сарае. Вновь прозвучал неожиданно молодой голос бородача:

— Гордыни в тебе много! Оставь гордыню, выгони ее из души своей, выкинь ее из сердца своего, и станет оно у тебя чистым и праздничным. Хороший ли ты человек?

— Не мне судить, — Кузьма пожал плечами.

— Брат Анатолий хвалил и возносил тебя, а я вижу, что ты горд и смирения в тебе мало. — И бородач, подперев руками пышные баки, шумно вздохнул: — Молодое горячее сердце, измученное в мирских дразгах и бестолковой суете. Изболевшее в поисках справедливости. Я сам был молод, сам искал правду, горько поплатился за нее. Злые люди, безбожники, упрятали меня в места вечной скорби. (Потом уже Кузьма узнал, что упрятали бородача в «места скорби» за изнасилование малолетней девочки.) При-
сядь, брат.

— Спасибо, — вежливым голосом ответил Кузьма и смиренно опустился на краешек скамьи.

— Что привело тебя к нам?

— Он привел, — Кузьма кивнул на Музыкантова.

— А почему в церковь не пошел?

— Не захотел, — наобум отвечал Кузьма. Ему стало ясно, в какого рода «братство» он попал.

— Веры нельзя стыдиться, — значительно сказал бородач. — Ладно, ступайте, — он кивнул Музыкантову, — пусть он сегодня побудет на молитве.

Музыкантов взял Кузьму за руку и откинул выцветший гобелен со сценами из охотничьей жизни. Под ковром оказалась небольшая плотная дверь, обитая с двух сторон войлоком.

Дверь отворилась бесшумно. Музыкантов пошарил рукой по стене и щелкнул невидимым выключателем. Загорелась тусклая лампочка и осветила тесное помещение, вероятно, являющееся частью сарая. Прямо посередине этой клетушки Кузьма разглядел широкий люк с тяжелым медным кольцом.

— Нам туда? — спросил Кузьма.

Музыкантов кивнул и стал поднимать крышку люка. Она откинулась тоже бесшумно, видимо, за петлями здесь следили и аккуратно смазывали. Ребята спустились по шершавой бетонной лестнице в подполье. Стены подвала были выложены старинным красным кирпичом, швы между кирпичами белели ровно, словно разлинованные мелом. В крошечных нишах горели свечи. Они были разноцветные, толстые и тонкие. Пол подполья посыпан свежим сухим песком, от которого пахло морем. Шагов не слышно, словно ступаешь по воздуху. Песок под ногами неестественно мягкий. В квадратных амбразурах — лики святых, перед ними — рубинового и бирюзового стекла лампы. Язычки пламени словно замерли и даже не колеблются. Воздух недвижим и, непонятно отчего, свеж. Коридор круто повернул налево, и они

очутились в просторном помещении со сводчатым потолком. Пол выложен асфальтом. Каждый шаг, многократно повторенный эхом, заставляет вздрагивать.

— Что это? — спросил Кузьма.

«Что это? Что это? Что это, что это...» Эхо производило и множило не только звук, но и интонацию. Со всех углов спрашивало голосом Кузьмы. Спрашивало издали, вкрадчиво и внезапно вопрошало прямо из-за спины, прямо над ухом.

Неожиданно оборвалось. Резко, будто выключили.

Музыкантов прижал палец к губам. Они пересекли зал на цыпочках, топоту было столько, будто прошел полк солдат. Большая, обитая цинковыми полосами дверь противно заскрипела. В зале раздался целый кошачий концерт. Ребята снова оказались в коридоре, метров через десять он кончался глухой стеной. Но как только прошли коридор до конца, справа в кирпичной стене открылся узкий проход.

— Где мы? — шепотом спросил Кузьма. — Что это такое?

— Мы в подвале под бывшим графским домом.

— Скоро мы куда-нибудь придем?

— Потерпи немного...

Освещался этот коридор меньше, в нем царил мрачный мертвенно-серый свет, которого едва хватало, чтобы видеть дорогу. Кузьма был в тенниске, и прикосновение холодных каменных стен к голым рукам заставляло его каждый раз вздрагивать. По рукам медленно струился холодок, а коридор все не кончался. Кузьма начал мерзнуть. Коридор заворачивал из стороны в сторону, поворачивая то вправо, то влево, и стал еще уже.

— Мы правильно идем? — раздражаясь все больше, спросил Кузьма.

— Все верно. Через минуту будем на месте.

— А ты хорошо знаешь дорогу... Давно здесь ходишь?

— Хожу недавно, а дорога одна. Здесь другой нет.

— Другого выхода тоже нет?

— Не знаю... Может быть, и есть. Я слышал, что эти подвалы двухэтажные, что под этим есть еще один или два этажа.

— Что-то незаметно, — сказал Кузьма, громко топая ногами и пытаясь таким образом простукать пол.

— Этот подвал строился век назад, — заметил Музыкантов. — Тогда все делали незаметно.

— Для чего графу такой погреб?

— В первом зале он хранил вино, в том зале, куда мы сейчас придем, что-нибудь подороже...

— Скоро мы, наконец, придем?!

— Уже пришли. Последний поворот.

Коридор стал таким узким, что Кузьма, несмотря на то, что был не широк в плечах, шел боком и все равно цеплял за стену. «Не дурак был граф, — подумал Кузьма, — здесь можно держать оборону против целого полка одному. Только против кого ему было обороняться?»

Кузьма очутился перед железной, ржавой до того, что местами она слоилась, дверью.

— Куда ее открывать?

— Там, наверху, есть маленькое колечко... Потяни на себя.

Дверь неожиданно легко поддалась и отворилась

без шума и скрипа. После серой мглы коридоров Кузьму ослепили десятки свечей. Они горели везде. Их трепетные огненные языки потянулись к Кузьме со всех сторон, и снизу и сверху. Когда Музыкантов прикрыл за собой дверь, язычки встали ровно, как по команде смирно, словно разом утратили всякий интерес к Кузьме.

Кругом был народ. Люди стояли во весь рост и на коленях. Они молились, осеняя себя то мелкими, то размашистыми крестами. Одни беззвучно шевелили губами, другие бормотали молитвы вслух. Здесь были старики и пожилые люди, мужчины среднего возраста и один совсем еще юный мальчик.

— Что мы должны делать дальше? — шепотом спросил Кузьма.

— Ничего... Стой и молчи. Как придет брат Михаил, тебя к нему позовут.

— Что здесь сегодня будет?

— Больше ничего. Служба только что кончилась.

— Почему они не расходятся?

— Молчи. На нас уже оглядываются.

Кузьма замолчал и стал потихоньку озиаться вокруг. Из алтаря высунулась голова мужчины, остановила взгляд на Кузьме и скрылась. Исчезла она мгновенно. Язычки пламени всколыхнулись и снова замерли, освещая бесстрастные лики святых. Свечи отражались в блестящих выпуклостях дубового распятия. Ноги Христа были зацелованы до такой степени, что с них слезла краска и они белели, словно это были ноги покойника.

Кузьме приходилось бывать в церквах, и сейчас он невольно сравнивал эту молеблю с маленькой

церквушкой Донского монастыря в Москве. В общем они ничем не отличались, но если в Москве, войдя в церковь, Кузьма испытывал некоторое благоговение перед спокойной церковной тишиной, какой-то голубой на ощупь, то здесь эта тишина угнетала. Здесь была мрачная тишина. Тишина, заполненная свистящим шепотом молитв. Тишина, пронизанная холодом подземелья и неясной тревогой. Кузьма вернулся взглядом к алтарю. В глубине его, скрестив руки на груди и глядя прямо перед собой, стоял Ефим. Встретившись с ним глазами, Кузьма вздрогнул. Они оба смотрели друг на друга не отрываясь. Очевидно, Ефим был поражен больше: ему и в голову не приходило встретить здесь Кузьму.

Ефим указал кому-то на Кузьму и сделал неопределенный жест рукой. В то же мгновение Кузьма почувствовал, как кто-то прикоснулся к его плечу. Кузьма оглянулся. Из толпы молящихся вышли двое крепких мужчин и приблизились к нему.

— Пойдем с нами, — сказал один из них.

Кузьма не шевельнулся. «Удрать еще, пожалуй, можно, — думал он, — мужички пошире меня, и бежать по коридору им будет труднее. Дальше тот бородач. Ну, мимо него тоже не страшно проходить. Потом собака. Если не убрали одеяло, то и она не страшна. Одеяло скорее всего не убрали. Кому может прийти в голову?.. Затем забор — и все. А дальше? Если тут же вызвать оперативную группу, то придет она не раньше, чем через десять минут. Даже если там нет второго выхода, это будет слишком

поздно. Все разойдутся, притихнут, и потом долго никого не возьмешь. Разве что Ефима. Да и он постарается ускользнуть. Нужно идти...»

Кузьма шевельнул плечом и сбросил с себя чужую тяжелую руку.

— Куда идти? — спокойно спросил он.

— Покажем...

Его повели мимо распятия с белыми ступнями, провели через алтарь. Кузьма оглянулся на Музыкантова. Тот провожал его тревожным взглядом. За алтарем оказалась еще одна дверь. Снова узкий коридор. Небольшая комната, вероятно проходная. Кузьму остановили и завязали ему глаза черной сатиновой лентой, сложенной в три раза. «Теперь уже не уйти, даже если очень захочется...»

Потом он шел, осторожно ступая и ошупывая ногами почву. Его, бережно поддерживая под руки, заставили спуститься по какой-то лестнице. Машинально Кузьма считал ступени. Всего их было пятнадцать. Наконец ему развязали глаза, и Кузьма огляделся.

...Он очутился в тесном помещении с низким каменным потолком. Это была естественная пещера, неизвестно зачем вырубленная природой в течение многих столетий. Откуда-то снизу до Кузьмы долетал неясный мощный рокот. Будь он человеком верующим, то наверняка подумал бы, что это шумит, грохочет своей дьявольской кухней ад, клокочет смола в гигантских медных котлах, шипит и потрескивает головнями из целых вековых дубов вечный адский пламень. В пещере было пронзительно холодно. По ее стенам и потолку проступила большим, почти сплош-

ным маслянистым пятном сырость. Даже плесень не росла на этих камнях. Ничто живое не смогла вскормить влага, вытекаемая, казалось, из самого чрева земли.

В пещере горела всего одна свеча. Ее света еле хватало, чтобы рассмотреть здоровенный купеческий сундук, занимавший чуть ли не треть всей пещеры, небольшой, старинный, резного дуба стол и несколько прочных армейских табуретов с продолговатым отверстием посередине для их переноски. В пещере, не считая вошедших, находились еще двое. Ефим и незнакомый Кузьме высокий старик. Люди, которые привели Кузьму, сразу же безмолвно удалились. Они остались вдвоем. Кузьма, не дожидаясь приглашения, уселся на табурете посередине пещеры. Молчание затягивалось. Ефим, склонившись к уху старика, прошептал что-то. Тот понимающе кивнул. Кузьма решил начать разговор первым.

— Долго мы будем любоваться друг другом? — зло спросил он.

Старик удивленно поднял брови, а Ефим внимательно посмотрел на Кузьму.

— Я спрашиваю, долго мы будем играть в молчанку? Мне нужен старший. Это вы? — Он посмотрел на старика в упор. Тот спокойно выдержал свирепый взгляд Кузьмы. Потом, пожевав старческими губами, мягким, словно в его словах не было согласных, голосом ответил:

— У нас нет старших. Разве что по возрасту... Мы все братья, мы все равны в нашем братстве. Если у тебя есть что сказать, говори нам. Я буду рад, если это так. Но для этого тебе придется быть

чуть уважительнее. Я не говорю о брате Ефиме, но уважать мои седины ты должен.

— Я не хочу разговаривать при нем, — сказал Кузьма, кивнув в сторону Ефима.

— Тебе придется разговаривать при нем, — мягко возразил старец.

— Ну хорошо, — с неохотой согласился Кузьма. — Начнем по порядку. У вас своя компания — у меня своя. Жили мы, не замечая друг друга. В один прекрасный день случайно интересы наши переплетаются. Возникает некоторое согласие. Намечаются планы. Пьется вино, и все улыбаются друг другу, потому что все довольны. Но я-то стреляный воробей, я-то чувствую, что кому-то уже намозолил глаза и что меня могут удалить, словно соринку из того же глаза. Но думаю, пока... пока не будут этим заниматься, а потом можно будет договориться. На всякий случай предупреждаю свой народ. «Будьте, — говорю им, — осторожнее. Чем черт не шутит...» И вот я прихожу к вам, чтобы выяснить, долго ли мне жить с оглядкой? Долго ли мне еще ждать от вас всякой подлости?

— Врет он все, — равнодушно вставил Музыкантов.

Старик и Ефим повернулись к вошедшему. Кузьма вздрогнул и осекся.

* * *

— Теперь давайте попробуем разобраться во всем по порядку. — Меньшиков отодвинул в сторону бумагу. — А вы лучше, — он кивнул Монастыреву, — возьмите карандаш и записывайте. — Он подсел по-

ближе к капитану и заглянул в его пустой блокнот, приготовленный для записи.

— Значит, так: некто Спиридонов в 1963 году в Иркутске совершает ограбление магазина и убийство сторожа, оказавшего бандиту сопротивление. Затем он исчезает, оставляя жену и трехлетнего ребенка... Работникам уголовного розыска прекрасно известны его приметы, но сам Спиридонов исчезает совершенно бесследно. Затем в Иркутский уголовный розыск поступает заявление от охотника-промысловика Владимира. В нем говорится, что в самом конце зимы, проходя по берегу быстрой речушки, в том месте, где из-за крутых порогов она не замерзает, он обнаружил рюкзак, повешенный на сук прибрежного дерева. В рюкзаке оказались продукты, деньги и документы на имя Спиридонова. На место выехал следователь и определил, что, вероятнее всего, Спиридонов поскользнулся на сплошной наледи, образовавшейся от брызг, и съехал в воду. Наверное, он хотел набрать воды из реки, так как неподалеку был найден котелок, который Спиридонов скорее всего выронил, потеряв равновесие. На этом дело Спиридонова было закрыто. А примерно в это же время в вашем, Монастырев, городе появляется Даниленко. Причем паспорт у него иркутский. Но что самое интересное? Я разговаривал с Иркутском по телефону вслед за тем, как товарищи из иркутского управления получили мой запрос и фотографии Даниленко. Они не задумываясь опознают в нем Спиридонова. С этим все ясно. Но тут имеется еще один нюанс... Заодно я решил справиться об одном моем знакомом, который приехал сюда тоже из тех краев. Следов второго

в Иркутске и в Иркутской области вообще не могут найти. Следовательно, оба паспорта ненастоящие. И тут мы с вами натываемся на одну интереснейшую деталь — оба этих человека приехали сюда в одно и то же время. Разница — десять дней. Оба паспорта выданы одним и тем же отделением милиции. Это уже любопытно. Отсюда, естественно, вытекает: первое — Спиридонов и Казаков добывали паспорта у одного и того же человека, а потом, по случайному совпадению, приезжают в один и тот же город. Но так не бывает.

Второе, они как-то связаны друг с другом и приезжают сюда по договоренности.

Что мы видим здесь?

Казаков — ныне Донской, живет спокойно, ничем себя не компрометируя, как нормальный рядовой пенсионер. А Спиридонов? Он же Даниленко, он же Прохоров, занимается непонятными маскарадами, скупает через подставных лиц валюту и, очевидно, готовит переход границы.

Здесь возникают два вопроса. Первый: почему он вдруг спохватился и спешит удрать? От кого или от чего? От правосудия? Но у него вроде нет оснований беспокоиться. Он укрылся достаточно надежно. На этот вопрос у нас пока нет ответа.

И второй вопрос: какое отношение имеет Спиридонов к событиям на крутом берегу? Почему он там оказался? Какое отношение он имеет к хулиганству на колокольне? И наконец, виновен ли он в спровоцированном самоубийстве бывшего священника? Ведь, как показала свидетельница, фотография Спиридонова ей напоминает одного из мнимых дружинников,

которые арестовали священника в ту ночь, в 1966 году. Правда, она не утверждает, что это именно он. И вот странно, что чуть дело касается каких-нибудь антицерковных провокаций, как всплывает этот шофер из курортторга.

Меньшиков кончил говорить, прошелся по кабинету и вдруг заметил:

— А у вас здесь уютно.

— Ничего не поделаешь... Курортный город. От всеобщей атмосферы комфорта никуда не денешься.

— Значит, так, — Меньшиков опять присел на стул рядом с Монастыревым. — я думаю, что пора их брать. И лучше не дома, а на улице, спокойно. Мне кажется, что на два последних вопроса никто, кроме них, нам не ответит. А остальное и без того ясно. Спиридонова и Музыкантова возьмете после работы. К Спиридонову пошлите самых опытных людей, а Казаковым займусь я сам.

Он встал и подошел к двери.

— Я сейчас в гостиницу. Устал.

Еще в коридоре Меньшиков услышал, что в его номере звонит телефон.

— Да! Меньшиков.

— Товарищ Меньшиков, это Рудаков. Кузьма пропал. Он никуда сегодня не собирался?

— Вроде нет... Как это он пропал?

— Ни дома, ни на работе — нигде его нет.

— Куда же он делся? Вы заходили на станцию?

— Нет, я туда звонил. Подошел к телефону боц-

ман, вы его не знаете, и сказал, что Кузьма час назад ушел. Я к нему домой. Хозяйка говорит, что с утра не приходил. Я уже обегал весь город. Все столовки. Там его нет. Мы с ним договорились, что я зайду к концу смены на станцию. Я немного запоздал, а когда позвонил, его там уже не было. Теперь не представляю, где его искать. Вот думал, что вы знаете...

— Нет, я не знаю. Это все странно. Сходите на станцию. Может, там знают, куда он пошел. Если что узнаете, звоните сразу. Срочно!

— Хорошо! Бегу.

— А он ушел с Музыкантовым, — Курбацкий подмигнул Рудакову. — Все огорчился, что тебя нет. Просил кому-то позвонить. Только фамилию я забыл. Малышкину, что ли. Не помню в общем. Что-то на эм...

— Меньшикову?

— Вот-вот, точно ему!

— Ладно, спасибо. Ты не знаешь, где Музыкантов живет?

— Где-то на Черноморской, точно не знаю.

Рудаков пошел на Черноморскую, обошел несколько домов, пока не наткнулся на почтовый ящик, укрепленный на заборе. На нем было написано: «Газеты и письма для Музыкантовых». Рудаков зашел во двор и постучал в дверь беленького саманного домика. Сзади его окликнул мужской голос:

— Кого вам надо?

— Толя Музыкантов дома?

— Еще не приходил с работы.

В пещере было холодно. Кузьма чувствовал, как руки его и шея покрываются гусиной кожей. Старик молчал и неторопливо шевелил губами, словно повторяя что-то про себя. Ефим ерзал на табурете и беспокойно поглядывал на Музыкантова. Наконец он сказал, первым нарушив затянувшуюся паузу:

— Толя, ты ступай, а мы уж без тебя здесь разберемся.

— Будь тут, — сурово остановил Музыкантова старик, хотя тот и не думал уходить. — Почему ты его гонишь? Он же сказал, что этот человек врет. Теперь пусть он нам все объяснит. Мы тебя слушаем, Анатолий.

— Он пришел сюда не за тем, о чем он вам сказал. Он на станции шпионил за мной, все разнюхал и требовал, чтобы я открыл все. Я ему говорить ничего не стал, но решил привести его к вам, думал, вы сами решите, как с ним быть.

— Ты правильно поступил, Анатолий. Бог воздаст за твою

преданность. Так о чем же узнал этот человек?
О нашем братстве?

— И об этом тоже.

— О чем еще?

— Обо всем: о катере, о баллонах, о сахаре. Обо всем. И грозился рассказать всем. Вот я и привел его сюда.

— А я ничего не знаю об этих вещах, — удивленно сказал старик. — Может, ты, Ефим, знаешь?

— Еще бы ему не знать, ведь это он мне велел и катер увести, и ключ ему от водолазки достать, и сахару в бак насыпать, чтобы он утонул, — Музыкантов кивнул на Кузьму.

— А для чего тебе понадобился катер? Ты мне об этом ничего не говорил.

— Придумывает он все. Ни о чем об этом я его не просил.

«Да он собирался удрать, и без их ведома, — подумал Кузьма, — это интересно. А не прояснить ли ситуацию? Тогда займутся им, Ефимом. Этот старик здесь не последний человек. Ефим, по всему видать, его боится».

— А зачем тебе было нужно, чтобы утонул этот человек?

— Он много знал. Он опасен для нас.

— А ты как думаешь? — спросил старик у Музыкантова.

— Он знал о валюте.

— О какой валюте?

— Которую достают для него Евсиков с приятелем. Они такие шляпы, что попались, и он, — Музы-

кантов кивнул на Кузьму, — с Рудаковым держали ее у себя.

— Ничего не понимаю, — старик нахмурился. — Кто-нибудь может рассказать мне, что произошло?

— Я могу, — спокойно сказал Кузьма, и все головы повернулись в его сторону.

— Он может, — подтвердил Музыкантов, — он знает больше всех нас. У него работа такая. Он уж наверняка из милиции. Сегодня на вышке меня так скрутил, что я чуть не заплакал. Откуда только в нем? Посмотреть, так щелчком убьешь...

Ефим встал и направился к двери.

— Ты куда?

— Если вы готовы слушать этого мальчишку, то мне здесь нечего делать.

— Нет уж, ты посиди, пожалуйста. Не огорчай меня своим отсутствием. Я тебя слушаю, человек, рассказывай, но смотри, если ты мне соврешь...

— Насколько я понимаю... — спокойно начал Кузьма. Он решил играть в открытую, ничего не скрывая, кроме своей работы, — этот тип решил за вашей спиной смотаться за границу. А я ему в этом деле был помехой. Во-первых, я с самого начала знал о его валютных операциях. Этого он боялся больше всего. Когда у него не получилось меня убрать, он начал со мной заигрывать, тем более, что валюту мы ему вернули. Нам она ни к чему, в магазине на нее ничего не купишь, а связываться со спекулянтами, вроде Евсикова, и продавать ее мы не захотели. Вот тогда он и начал меня обхаживать, чтобы я достал катер. Я-то сразу понял, в чем дело, и рассудил про себя так. По морю он пешком не

пойдет и за границу меня не возьмет, значит, нужен я ему на час, на два, чтобы в случае чего свалить все на меня. Вот, дескать, попросил прокатиться, а у него руль заело. А в случае удачи, как только мы вышли бы в нейтральные воды, он прикончил бы меня, а сам спокойно покатыл бы в Турцию. Вот я и тянул. Думаю, если откажу сразу, так очень много шансов помереть от постороннего предмета в организме. А помереть никому не хочется.

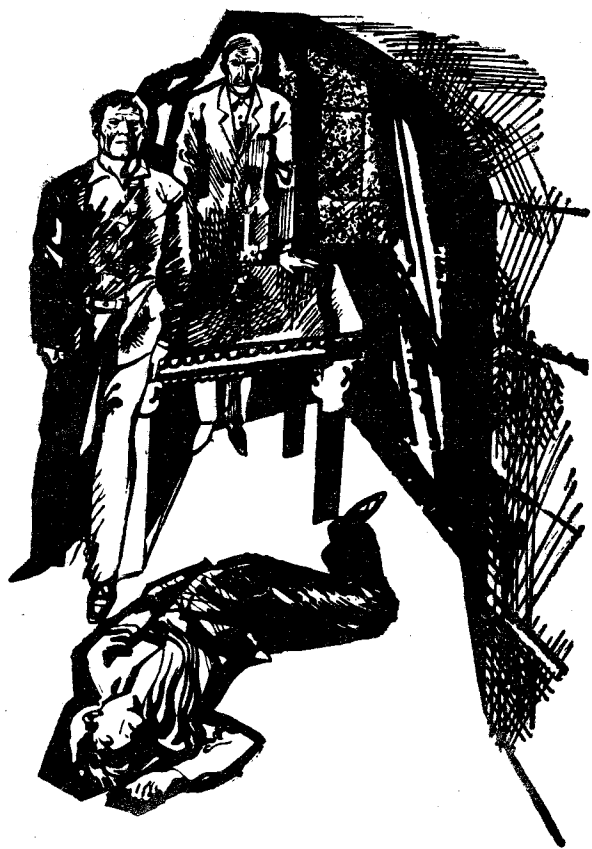
— Так, теперь мне ясно. Похоже, что ты не врешь. Ну что ж, поговорим, — сказал старик, поворачиваясь к Ефиму.

Музыкантов был растерян и переводил непонимающий взгляд с Кузьмы на Ефима, потом на старика. На его глазах рушился весь мир представлений, которыми он жил в последнее время.

Кузьма услышал, как за его спиной тихонько скрипнула дверь. Он оглянулся и в то же мгновение в его глазах мелькнуло что-то ослепительно черное, потом оранжевое и все пропало...

* * *

Рудаков вот уже второй час безрезультатно бегал по городу. Было половина десятого, и курортники высыпали на вечерний моцион. Духота спала. На набережной, как и каждый вечер, звенел смех, мягко шуршал ракушечник, и на всех танцплощадках трубили трубы. Город наполнялся вечерними звуками, огоньками, запахами, таинственным шепотом и нежным рокотом притихшего на ночной отдых моря. Рудаков метался по городу, два раза звонил Меньшикову и уже начал серьезно беспокоиться. Теперь он был уве-

рен, что с его другом что-то случилось. Тем более он беспокоился оттого, что Кузьма ушел со станции с Музыкантовым. Уже отчаявшись отыскать Кузьму в вечернем городе, Рудаков решил еще раз заглянуть к Музыкантову. Он даже не надеялся застать его там и поэтому, когда столкнулся носом к носу с Анатолием, то немного опешил.

— Это ты?

— А кого еще ты хотел встретить у меня дома? — с издевкой спросил Музыкантов.

Рудаков быстро опомнился и, захватив руку Музыкантова своей могучей клешней, выволок его на улицу. Музыкантов попробовал брыкаться, но сопротивляться разъяренному Рудакову было совершенно бесполезно. Молча, громко дыша, они отошли от дома метров на двести, и тогда Рудаков отпустил руку Музыкантова и схватил его за ворот рубахи. Немного потряс его, чуть ли не поднимая в воздух, и спросил:

— Где Кузьма?

— Откуда я знаю, — хриплым, придушенным голосом ответил Музыкантов и покосился на могучий кулак Рудакова, упирающийся ему прямо в подбородок. — Отпусти, задавишь...

— И задавлю, сволочь! Задавлю и буду давить даже мертвого до тех пор, пока не скажешь, где Кузьма.

— Я не знаю, он мне не докладывал. Отпусти, а то закричу.

— Ничего! Не закричишь, собака. Куда ты дел Кузьму?!

— Я ничего не знаю. Помогите, помо... — Тут Ру-

даков свободной рукой схватил его за горло и слегка сдавил, отчего у Музыкантова пропало дыхание. Мимо них шли веселые отдыхающие, и Рудаков отпустил его горло. Он положил руку на плечо Музыкантову и сказал:

— Пойдем. Там ты все расскажешь!

Музыкантов недобро улыбнулся:

— Но твоему другу это уже не поможет... Ему, наверное, уже ничего не поможет.

* * *

Очнувшись, Кузьма не сразу понял, что с ним и где он. Не было возможности пошевелить ни рукой, ни ногой. Голова гудела. В ушах неуверенно стучал пульс. Он тихонько приоткрыл глаза. Увидел над собой неровный, серый свод пещеры, тусклое пятно свечи и две шевелящиеся тени. Под ними что-то гудело и клекотало. Постепенно туман стал проясняться, и Кузьма различил Ефима и старика. Музыкантова в пещере не было. Эти двое о чем-то оживленно переговаривались, но Кузьма не слышал их слов. Потом как будто включили звук на полную мощность.

— Ты кого хотел обмануть? — кричал старик. — Ты знаешь, что я такое? Стоит мне шевельнуть пальцем, и ты исчезнешь! Тебя просто не станет, как будто никогда и не было. И никто не вспомнит о тебе.

— Плевать я хотел на вас на всех! Ничего вы мне не сделаете. Надоели вы мне все со всеми вашими дурацкими представлениями и делами. Тут и так живешь дрожишь, каждого стука боишься, а вы каждый раз на мокрое толкаете. Да, хотел уйти в Турцию, хоть к черту, хоть на край света, только

от вас подальше. Зачем только, дурак, связался... Тоже мне, идейные союзники! А я не идейный и плевать на вас хотел. Деньги-то у меня, и, пока вы не оставите меня в покое, вы их не получите. Это вам понятно?

— Это деньги общины, и ты не имеешь никакого права их брать.

— Я же вам сказал, что плевать хотел на все ваши права и идеи.

— А если я не посмотрю на деньги? — спросил старик.

— Как же не посмотрите... Вы удавитесь за десятку. Я-то знаю, во что упираются ваши идеи. Побольше нахапать, побольше вытянуть из ваших же дорогих братьев по вере. Сами-то уж небось давно задумали смотаться, небось почуяли, что запахло жареным...

— Ладно, оставь болтовню. Никто тебя не задерживает. Отчитаешься за деньги и за ценности, и можешь идти куда хочешь. Давай решим, что будем с ним делать? — Голос старика звучал уже примирительно, видимо, слова Ефима насчет денег были справедливыми.

Кузьма попробовал встать, но не смог. Руки и ноги его были связаны. Он приподнял голову.

— А, очнулся? Ну, ничего, полежи, пока мы решим твою судьбу. Ты не бойся. От судьбы не уйдешь.

— Развяжите хотя бы ноги. На полу холодно. Я не хочу в разгар лета получить насморк.

— Ничего. Заболеть ты не успеешь, — успокоил его Ефим, но ноги все-таки развязал.

«Чем это они меня? Наверное, мешком с песком. Острой боли вроде нет, и крови не видно...»

Кузьма сел на табурет и закинул ногу на ногу. Старик сидел, положив свои длинные худые руки на стол. Свечу он поставил рядом с собой. Кузьма заметил, что подсвечник в виде виноградной лозы явно позолоченный, если и вовсе не золотой. Он лучше разглядел и лицо старика. Оно показалось ему знакомым. Напрягая память, он лихорадочно спешил вспомнить, где он мог видеть это лицо. Ничего не получалось. Тогда он начал вспоминать всех стариков, виденных им в последнее время. Потом его осенило. Это же тот старик, что шел недавно с Меньшиковым под руку. Это же Казаков! О нем рассказывал недавно Меньшиков. «Серьезный старик. С таким надо осторожнее. Он все видит, все знает...»

— А как ты узнал, что Анатолий член нашего братства?

— Это уж мое дело. Я же не спрашиваю, зачем вам понадобилось толкать с обрыва старушку и устраивать представление на колокольне.

— Я говорю, что он милиционер, — прорычал Ефим.

— Не мешай нам разговаривать, — неожиданно и властно оборвал его старик. — Сиди смирно, не то выгоню.

Ефим, выругавшись одними губами, затих на своем табурете. Старик продолжал ласковый допрос:

— Ты разумный человек, и поэтому тебе ясно, что, если мы не захотим, ты не выйдешь отсюда. Тебе это ясно? — уточнил старик.

— Ясно, — проворчал Кузьма. — Вам тоже долж-

но быть ясно, что если я отсюда не выйду, то вам тоже не захочется отсюда выходить. А чего мне бояться? — спросил Кузьма. — Съедите вы меня, что ли? Да и не логично мне вас бояться. Это вы должны меня бояться. Я этого дела так не оставлю.

Кузьма заметил, как побледнел Ефим, как у него затряслись руки. «Хорошо, хорошо, поверили, вернее, один поверил, а это хорошо».

— Ну вот что, — внушительно сказал старик, — поболтал — и будет. Все, что ты сказал, мы проверим. Если ты и вправду не служишь в милиции — нам повезло, значит нам нечего опасаться. Но выйти отсюда живым ты, извини нас великодушно, не выйдешь. Так нужно. Так я буду спокойнее спать эту неделю. Мы тебя сюда не звали, силой тебя сюда не тащили, пришел ты сам, и пеняй на себя...

— Интересно, а что вы скажете милиции, ведь она заинтересуется моим исчезновением. Мои ребята сами по себе, а милиция сама по себе. Она позовет к себе Музыкантова, спросит, куда мы с ним ходили, а он денек помолчит, потом расколется. Лично я его расколол за час. Там же сидят люди поопытнее меня. Там профессионалы!

— Ты еще очень молод, — заметил старик с сочувствием, — молод и горяч. Вот ты скажи, что бы ты подумал, если б нашел своего друга утонувшим?

— Интересно... — сказал Кузьма и переменял ногу.

— Вот смотри, — старик нагнулся и достал откуда-то из-под стола полуметровый кусок рельса. — Эта штука привязывается к человеку бумажным,

толстым шпагатом. Потом... — он кивнул Ефиму. Тот вышел из-за стола и, нагнувшись, с видимым усилием поднял узкую каменную плиту. Снизу, из образовавшегося отверстия, повеяло соленым морским запахом и раздался громкий плеск воды. — Потом, — продолжал старик, — человек опускается в этот люк, а там море. Часа через три-четыре бумажный шпагат размоет водой, и человека, вернее труп, вынесет куда-нибудь в район Высокого берега. Утром, попозже, его найдут купальщики, и вскрытие установит, что смерть наступила в результате попадания воды в легкие. Человек захлебнулся, и сердце остановилось. Собственно, все так и произойдет. Экспертиза не будет заблуждаться.

— Интересно, — согласился Кузьма.

«Интересно, — подумал он про себя. — Похоже, что не треплется старик. Меньшиков предупреждал. Серьезная публика».

— Не ожидал, милый? — ласково спросил старик.

— Ловко, — признался Кузьма.

— Мы народ безобидный, — объяснил старик, — но, когда нам становятся поперек дороги, тогда приходится прибегать к таким вот жестоким мерам. Посуди сам, кто может мне гарантировать безопасность, если ты отсюда выйдешь не через этот ход? — И старик протянул свой высохший палец по направлению к дыре.

— По-моему, вы обойдетесь со мной помягче, — довольно равнодушно предположил Кузьма. — Ну, вот что, — нарочито растягивая слова, сказал он. — Все, что вы здесь говорили о моей дальнейшей судьбе, все это интересно и занимательно. — Язычок

свечи всколыхнулся и потянулся к Кузьме. «Сзади открыли дверь», — определил Кузьма.

Он успокоился. Тяжелая, глухая ярость сменилась веселой отчаянной злостью, которая обычно предшествовала его самым рискованным и самым дерзким поступкам. Внезапно, словно наступило просветление, он увидел один ход. Ход, который он все это время чувствовал подсознательно, ход, благодаря которому он не терял присутствия духа, но который до последнего мгновения оставался неясным.

Кузьма прошелся по пещере, словно что-то решая, затем решительно подошел к столу. Его руки оставались связанными, и он головой кивнул на Ефима.

— Пусть он выйдет, а мы с вами, Михаил Николаевич, тут поговорим.

Старик удивленно вскинул брови. В глубине его слезящихся, старческих глаз Кузьма увидел испуг. Старик никак не мог решить, что ему делать. Тогда Кузьма решил командовать.

— Выйди, тебе говорят. — Кузьма произнес это таким уверенным тоном, что Ефим невольно приподнялся.

— Выйди, раз человек просит, — сказал старик.

Ефим, не понимая, почему Кузьма назвал Казакова Михаилом Николаевичем, почему он держит себя таким тузом, пожал плечами и пошел к выходу, осторожно обходя Кузьму. Тот заметил это и улыбнулся.

Кузьма ногой пододвинул свой табурет к столу.

— Давайте поговорим, Михаил Николаевич. Во-первых, вам привет от Филиппа Степановича...

— Я не знаю такого!

— Ну, полно, вы прекрасно его знаете. Хотя, впрочем, — Кузьма задумался. — Как его зовут, вы, может быть, и не знаете. Помните человека, который вас отпустил в Сибири? — Кузьма проследил за реакцией и продолжал: — Так вот, он передает со мной вам привет и приглашает вас сегодня вечером к себе. Но прежде чем вы туда со мной пойдете, вам придется ответить на несколько вопросов. Вы согласны? Прежде всего развяжите мне руки...

— А если я уйду отсюда один? Уйду и исчезну?

— Вы не уйдете, — возразил Кузьма, — дом оцеплен. Потом, чтобы уйти, вам придется обезвреживать, мягко говоря, меня. Этого вы тоже не станете делать, так как вы человек разумный и не захотите брать на себя лишнее дело. Я прав?

— Есть еще и такой вариант, — старик пожевал губами, словно раздумывая, сказать или не сказать. — Вас убирает кто-то другой, а я уйду. Это я смогу сделать. В малой бухте стоит лодка. Она всегда готова к такого рода неожиданностям. Как вы на это смотрите? — Старик подпер седую, благородную голову руками, и Кузьма невольно заметил, что руки холеные, не знавшие труда. Пальцы тонкие, будто прозрачные, и ровные, аккуратные ногти.

— А это что-то новое — преступник обсуждает со следователем, как ему лучше избежать кары. Ну, хорошо, я опровергну и последний вариант. Он предусмотрен. Внизу, под крутым берегом, дежурит пограничный наряд, а в море усиленные патрули пограничных катеров. Вы удовлетворены? А теперь ближе к делу. Я вам предлагаю ускорить следствие

и ответить на несколько вопросов. Это зачтется на суде. Первый вопрос: что за организацию вы возглавляете? Я знаю, что это секта, но хочу услышать подробности.

Кузьма готов был дать голову на отсечение, что не получит ответа, но он все-таки задал этот вопрос. Ответ, хоть он и был важен для него вообще, сейчас не играл никакой роли. Главное — выиграть психологический поединок. Главное — подчинить себе старика, поставить себя хозяином положения, заставить противника думать над вопросом, а не над тем, что Кузьма в общем-то беззащитен, и руки его по-прежнему связаны, и он целиком во власти этих людей. И если старик решит проверить его слова, если он пошлет кого-нибудь посмотреть: есть ли наряд пограничников в бухте, то он, Кузьма, проиграл. Пропал сам и не выполнил задание. Дважды бездарность. Так что пусть это выглядит примитивным дознанием. Пусть это будет первый самый общий и поверхностный допрос...

Старик долго молчал, потом помотал головой.

— Хорошо, второй вопрос: зачем вы столкнули с обрыва старушку?

— Мы этого не делали.

— Но я же видел Ефима в ту ночь. Он меня пытался столкнуть в пропасть.

— Как вы там оказались?

— У нас различные методы работы, — нагло заявил Кузьма. Он и сам был готов в это мгновение поверить, что оказался среди старух не случайно. — Все-таки? Мы уклонились от сути вопроса...

— Старушка, вероятно, сама, а Ефим там был

с заданием сорвать этот ход. Он должен был поднять там шум, и больше ничего.

— Зачем вам понадобилось пугать старушек?

— А знаете, молодой человек, — сказал Казаков и остановился перед Кузьмой, внимательно посмотрев на него. — Я, пожалуй, кое-что расскажу вам. — Старик улыбнулся. — Я не собираюсь заниматься вашим образованием, и вообще сейчас в вашем, милый мой, положении эти сведения как бы и ни к чему... Да... Может быть, поэтому мне и хочется рассказать вам... Этого никто не знает, этого просто никто, кроме меня, и не может знать, а я, как и все люди, болтлив. И, ей-богу, мне хочется хоть раз в жизни проболтаться... Вам приходилось когда-нибудь расставаться со своими идеалами, милый мой? Да... Плохой вопрос. Вы еще так молоды... И в вашей жизни еще не могло ничего такого произойти.

Да, я помню, помню этого вашего Меньшикова. Хорошо помню. И когда увидел, узнал. Не мог не узнать. Очень уж хорошо помню. Он-то и разрушил мои идеалы. Да, он. И сам того не заметил, как разрушил. Он меня поймал. Поймал тогда, когда у меня все было на исходе. И здоровье и душевная энергия. И я со-врал ему, притворился сдавшимся. Да, милый мой, отказываться от своих идеалов не так-то просто, я этого и сам тогда не понимал. Я жил для священной борьбы за Россию. А Меньшиков отпустил меня, он счел меня безопасным, да и меня почти убедил в этом. Но, выйдя из больницы, я решил — нет. Борьба проиграна — ладно, но я жив, и я буду продолжать бороться, даже если это бесполезно, даже в одиночку...

Потом я встретился с одним священником. Его имя

вам ничего не скажет. Он был недоволен. Он проклинал тех богослужителей, которые не возвысили свой голос в защиту свергнутого монарха, которые не проклинали народ, поднявший руку на помазанника божия! У священника были единомышленники. Я понял, что эти люди нужны мне. Я также понял, что они не соберутся ни под какими другими знаменами, кроме церковных хоругвей. Тогда я и решил организовать новую секту. Секту, которая должна объединить со временем всех верующих людей. Мы скажем им, что только мы Истинно Православная Церковь, только мы несем настоящую веру, не запятнанную отступничеством от монарха — помазанника божьего. Мы поставили себе великую цель — вернуть престол и отечество Романовым. И все свято верили в это. Только я один знал, что это неосуществимо. Знал и продолжал укреплять секту. Ничего нового, как вы сами видели, мы не ввели. Мы оставались нашей русской православной церковью со всеми ее священными обрядами. Но мы были нетерпимы и к предавшей своего монарха церковной верхушке и к государству. «Ты зря отпустил меня, Меньшиков, я еще опасен», — говорил я тогда сам себе. В сущности, я продолжал бороться в одиночку. Люди, которые шли за мной, служили не богу, не будущему монарху, а мне, моим личным счетам с государством, отнявшим у меня идеалы. А старушки... Это часть нашей программы. Мы делаем все, чтобы отлучить их от церкви. Бывали случаи, что люди, потерявшие веру в ее могущество, примыкали к нам. Теперь ваше любопытство удовлетворено?

Кузьма кивнул.

«Плохи мои дела, — подумал он, — уж лучше бы

он ничего не рассказывал. Видно, моя судьба решена окончательно. Ну что ж, играть — так до конца, а там будь что будет. Выбирать не приходится. Сам сюда залез...»

Кузьма подошел к сундуку. Постучал по нему носком ботинка, спросил безразличным голосом:

— Что там?

— Имущество секты.

— Можно посмотреть?

— У меня нет ключей. Они у Ефима.

— Вот как? Ну хорошо, у меня пока все. Сейчас мы пойдем к Меньшикову, а то он заждался нас. Я попрошу вас не передавать ни слова из нашего разговора Ефиму, ни кому-нибудь другому.

— Хорошо, думаю, мне легко будет выполнить вашу просьбу.

Старик встал, открыл дверь и кого-то тихо позвал. К Кузьме подошли двое рослых мужчин, те самые, что эскортировали его сюда, в пещеру. Один из них обхватил связанного Кузьму за плечи, наклонил на себя. В одно мгновение Кузьма оказался на полу, спеленатый по рукам и ногам. Старик велел посадить его обратно на табурет, а то, дескать, на полу холодно и человек может застудиться. Двое мужчин удалились так же бесшумно, как и пришли.

Старик взял со стола подсвечник и подошел к Кузьме поближе, поднес свечу к самому его лицу.

Долго и внимательно вглядывался. Потом пожевал губами. Сказал вполголоса, не обращаясь к Кузьме:

— А по виду и не скажешь, что врет. Хорошо говорит. А может, и вправду не соврал. Охо-хо, грехи

наши тяжкие. Когда господь призовет к себе? Когда доведется отдохнуть от этого мира?

Кузьма криво улыбнулся, но промолчал.

— Вот, значит, я пойду проверю ваши слова. Если вы правы, так уж правы кругом. Вам и карты в руки. А если нет — не обессудьте, сударь. Я запроу вас для надежности. Кто вас знает? А вы лучше не шевелитесь много, а то не ровен час упадете, расшибетесь...

Рудаков затащил Музыкантова на пустынную улицу и буквально выколотил из него признание. Да и не сказать Музыкантову было нельзя. Рудаков приступал к нему с такой решимостью и злобой, что сомневаться в его угрозах не приходилось. Он был готов на все, и Музыкантов вдруг совершенно ясно это понял.

— Ну ты и гадина, Музыкантов. Ух, я тебе... еще испорчу всю твою внешность, — задыхаясь от злости, прошептал Рудаков, когда услышал всю историю в подробностях. — Но это потом, а сейчас пойдем. Ты поведешь меня туда!

— Тебя не пустят.

— Ты говорил, там есть второй ход.

— Туда сейчас не попадешь. Он под водой, туда нужно подныривать, а сейчас темно, ничего не видно. Я знаю только камень, под которым лаз. Его и днем-то трудно найти. Я там проходил один раз, да и то не туда, а оттуда...

— Все равно пойдем, — Рудаков на секунду задумался.

ся, — только сначала забежим на станцию. Давай живее, бегом...

На станции Рудаков позвонил Меньшикову и рассказал ему все. Тот обещал, что немедленно вышлет людей; потом Рудаков отыскал в компрессорной свой фонарик, приспособление для ночной подводной охоты, захватил водолазный нож, маску, ласты, и они бегом вдоль берега, по самой кромке воды, двинулись к Малой бухте.

Впереди черной глыбой внезапно поднялся крутой берег. Он вдавался в невидимое, серое, предрассветное море четким треугольником, словно нос гигантского фантастического корабля. Прибой на огромных валунах, скатившихся когда-то с самой кручи, был похож на пенный бурун по носу этого корабля. Тропинка, ведущая по самому водосливу, оборвалась. Рудаков и Музыкантов разулись и побрели вброд по колену в воде, расшибая ноги об острые, скользкие от водорослей камни. Сверху, с мыса, к самому горизонту протянулась мощная и быстрая рука сторожевого прожектора. От теплой воды в предрассветную свежесть поднимался легкий туман, и казалось, что прожектор, прикасаясь к воде, кипятит ее и она бурлит, шипит и испаряется.

— Скоро придем? — задыхаясь от быстрой ходьбы по воде, спросил Рудаков.

— Еще метров двести. Больше по берегу. Сейчас будем.

Они вышли на берег, но обуваться не стали, побежали по холодной после теплой воды гальке. И буквально через несколько метров ступни ног ста-

ли нестерпимо гореть, намятые и натертые о крупные жесткие голыши.

— Пришли. Вот этот камень. По-моему, он... Посвети, — переведя дух, сказал Музыкантов.

— Хорошо. Что только мне с тобой делать?

Музыкантов равнодушно пожал плечами.

— Связать, что ли, тебя. Да нечем. Смотри, если обманул и удерешь, я тебя из-под земли достану. Я ведь не милиция... Прежде чем ты туда попадешь, я тебя все равно найду. И в милицию тебя доставят в виде котлеты. Понял?

— Понял. Точно сказал, можешь не сомневаться. Не буду я тебя обманывать. Меня самого все это время обманывали. Говорили о боге, а сами, оказывается, хапали, кто сколько может. Мне уже все равно туда возврата нет... Нырять скорее, может, еще успеешь...

Рудаков надел ласты, приладил маску и трубку, зажег фонарь и вошел в воду. Проплыл вдоль скалы. В том месте, на которое указывал Музыкантов, заметил темное пятно, в которое луч его фонарика падал и проваливался, не освещая ничего. Набрал воздуха в легкие, нырнул и осторожно приблизился к темной впадине. Навстречу ему плеснуло холодной водой. Он вынырнул. Музыкантов, сгорбившись и обхватив руками колени, сидел на камне. Рудаков махнул ему рукой, мол, все в порядке. Жди! И нырнул снова. Уже уверенно направился к лазу. Проплыл, освещая фонарем стены и проход впереди. Лучи фонаря растворялись в воде, как будто проходу не было конца. В груди сладко заныло, сдавило горло, застучало в висках. Но вдруг стены кончились. Рудаков

посветил вверх, и луч словно срезался в двух метрах над головой. Свет вышел из воды. Это Игорь знал по опыту. Резко оттолкнувшись ластами, он ринулся вверх, перед выходом затормозил и плавно всплыл. Продул трубку, глотнул сырого промозглого воздуха и поднял голову вверх.

* * *

Кузьма сидел спиной к двери. Он услышал, как кто-то открыл ее и вошел в пещеру. Сильные руки подняли его и положили на пол. Все те же двое мужчин быстро и ловко стали прилаживать ему на грудь кусок рельса.

«Ну вот и все. Так просто».

— Вы оказались лжецом. — Голос старика прозвучал резко и неожиданно.

Кузьма повернул голову, пытаясь его рассмотреть, но так и не увидел. Вероятно, старик ушел.

Один из палачей поднял каменную плиту, а другой спустился в люк и принял ноги Кузьмы. Сошел на несколько ступеней и поставил его рядом с собой, как бревно, поджидая товарища.

«Главное — это не заговорить. Главное — молчать».

Второй палач спустился и, взяв Кузьму за плечи, наклонил на себя. Первый подхватил ноги.

— Смотри, какой молчаливый! — нервно ухмыляясь, сказал первый.

— У него язык со страху отнялся.

Они спустились к воде и, не раскачивая, бросили свою ношу в воду. В пещере раздался глухой всплеск.

— Часа через два выпустим в море, — сказал первый.

— Нужно пораньше, а то отдыхающие из санатория придут. Некоторые рано приходят. Все ныряют с ружьями. Как бы не увидели...

— Как же, откачают... У него уж, наверное, сердце со страху лопнуло. Ишь, какой хлипкий.

— У хлипких, наоборот, сердце твердое.

Скрипнул перемолотым песком каменный люк, и в пещере все смолкло.

* * *

Кузьма машинально, как ныряльщик перед броском в воду, набрал полные легкие воздуха. Последняя мысль его была... Вернее, не было никакой мысли. Было ощущение такой яростной тоски, что он закусил губы, чтобы не вскрикнуть или не застонать...

Очутившись в воде, он внезапно почувствовал, что его схватило что-то живое, крепкое и поволокло. Испугаться или удивиться не было времени. Он почувствовал, что его затачивают в какой-то проход. Мелькнул свет. Рядом со своим лицом он увидел лицо и развевающиеся волосы Рудакова. Кузьма догадался, как бешено работает Игорь ногами, но помочь ему ничем не мог. В ушах стучало, перед глазамиплыли желтые круги, а проход все еще не кончался. Кузьма закрыл глаза от напряжения. Очень хотелось вздохнуть. Мышцы живота начали судорожно сокращаться. Кузьма стал проваливаться в душное, оранжевое небытие, как вдруг почувствовал, что лицо его вышло из воды и Рудаков шлепает его ладонью по

щекам. Кузьма сделал несколько резких коротких вдохов, от которых заломило грудь, и открыл глаза.

...Придерживая одной рукой товарища, Рудаков разрезал на нем веревки. Рельс упал на дно. Кузьма зашевелил затекшими руками и стал помогать Рудакову держаться на воде. На берег он вышел уже сам. Перед ним стоял Рудаков и сдирал с себя маску. Его рот кривился, а по лицу текли не то капли воды, не то слезы. Молча вышли на сухие камни. Игорь взглянул на Кузьму и никак не мог понять, что же изменилось в его лице. Рудаков не сказал ни слова об этом. Он ожесточенно высморкался и, вернувшись к воде, умылся.

— Все, — сказал он, присаживаясь рядом с Кузьмой. — Что теперь?

Музыкантов сидел все в той же позе, не поднимая головы.

— Я пойду звонить, — сказал Кузьма и поднялся.

— Я уже предупредил Меньшикова.

— Все равно надо позвонить.

— Дойдешь?

— Дойду.

— Я с тобой.

— Нет, сиди здесь. Всякое может быть... Я скоро вернусь.

— До станции ближе всего, — сказал Рудаков, — а возвращайся на шлюпке. Так быстрее. Только оденься в сухое, не то простудишься.

Кузьма невесело усмехнулся и, тяжело ступая, побрел по песку.

Вернулся он скоро, на шлюпке, в сухой и теплой одежде. Уже совсем рассвело, и по морю, ближе к

горизонту, забегали розовые блики встающего солнца. Из-за мыса на малых оборотах бесшумно выскользнул пограничный катер. С него прокричали в мегафон:

— Стойте со шлюпкой у лаза, катер туда не подойдет. Мы будем рядом, насколько позволяет глубина. В случае чего, поможем... У нас есть аквалангисты... Они будут наготове...

— Ты можешь идти домой, — сказал Кузьма Музыкантову. — За тобой скоро придут. Не вздумай скрываться. Тебя все равно найдут, но этим ты только ухудшишь свое положение. Иди!

Кузьма подгрел к берегу, сколько позволяли камни, и принял на борт Рудакова.

— Мы останемся здесь. Сейчас их всех будут брать. Возможно, что Ефим попытается уйти морем. У него ведь акваланг. Садись на весла и держи ближе к дыре, а я так посижу. Согреюсь.

Некоторое время молчали. Первым заговорил Рудаков:

— Музыкантов сволочь. Я ему ребра поломаю еще до следствия....

— Не надо. Привлекут за хулиганство, — Кузьма попробовал улыбнуться, но лицо не слушалось.

— Он говорил, что там какая-то секта. ИПЦ называется. Что это за ИПЦ? Я у него так ничего и не понял.

— Истинно Православная Церковь. Изуверы. Советскую власть ненавидят. Я о ней давно слышал, а тут впервые увидел...

— А за что же они старушек убивают?

— Они и церковь ненавидят. Провоцируют, чтобы

народ туда не ходил... Ладно, потом поговорим, смотри внимательнее. Сейчас начнется операция. Если Ефим думает уходить, то появится минуты через три. — Кузьма начал раздеваться.

— Ты что, с ума сошел! И не думай, — остановил его Рудаков. — Я сам с ним справлюсь. Все равно на веслах нужно кому-то сидеть. Да и куда он уйдет от шлюпки? Тут мы хозяева. А там пограничники!

Рудаков нацепил маску, поправил на поясе нож, и они поменялись местами. На море стоял утренний штиль. Вода была гладкой, как замерзшая лужа. Кузьма подгрел к самому проходу и остановился над ним, придерживаясь рукой за скалы. Рудаков, перегнувшись через борт, всматривался в воду. Вдруг он, оттолкнувшись ногами, поднялся в воздух и почти под прямым углом врезался в воду. Кузьме было видно, как он подплыл к темному пятну. Кузьма склонился к самой воде. Видеть стало лучше.

Легкий, подвижной Рудаков кружил вокруг Ефима, одетого в прорезиненный костюм. Оба в руках держали ножи. Рудаков выскочил на поверхность и глотнул воздуха. Левая рука кровоточила у плеча. Не успел Кузьма вымолвить и слова, как он нырнул вновь. Приблизился к Ефиму. Изогнулся всем телом, взмахнул рукой и устремился вверх. Буквально через две-три секунды его голова показалась на поверхности, и он, навалившись грудью на корму, перекатился в шлюпку.

— Все... Перерезал дыхательную трубку... Сейчас он и сам пожелует.

Рядом с бортом стали вулканизировать громад-

ные пузыри, и через несколько секунд над водой показался Ефим, жадно хватаящий воздух открытым ртом.

Увидев в лодке Кузьму, Ефим замер с открытым ртом и стал медленно уходить под воду.

— Удивился... — зло выругался Рудаков.

Когда Ефим снова всплыл, Игорь поманил его рукой:

— Иди сюда. Вздумаешь удирать, ей-богу, веслом огрею. Уж я не откажу себе в таком удовольствии. Будь уверен!

Ефим подплыл и стал карабкаться в шлюпку, но ему мешал акваланг.

— Сними станционное имущество и давай сюда. Сам потом залезешь...

Ефим отстегнул ремни акваланга и протянул его Рудакову. Тот бережно уложил аппарат на дно шлюпки рядом с собой и кивнул Ефиму:

— Забирайся с кормы. И сиди там!

Кузьма пересел на нос и плотнее закутался в бушлат. Рудаков выгреб мористее, подальше от камней, и развернул шлюпку к пограничному катеру, с которого уже спускались два аквалангиста.

* * *

— Глупо как-то все, — сказал Рудаков и щелчком отбросил окурок сигареты; роняя искры, он описал красивую дугу и упал в море.

Кузьма отнял от глаз бинокль и удивленно взглянул на Рудакова.

— Что глупо?

— Только сошелся с человеком, только полюбил его, и надо прощаться. Ты хоть писать-то будешь?

— Не задавай дурацких вопросов.

— А что, если я приеду к Меньшикову и скажу, что хочу у вас работать?

— Не знаю... — Кузьма пожал плечами. — Учиться надо. Но в общем-то возможно. Ты ему нравишься. Только так это не решается. Это не просто работа. Это дело. Дело на всю жизнь. Подумай...

— Так я же и хочу на всю жизнь. Значит, сходим к Меньшикову, а то я один боюсь.

— Сходим. Я ничего не обещаю, но сам знаешь — всякое бывает... А Меньшикову ты нравишься. Он мне сам говорил.

— Эгей! На вышке! — раздался снизу голос старшины катеров. — Катись вниз, как по тревоге. Прощальный ужин готов! И ящик пива тоже! Мои бегмоты уже откупоривают бутылки!

21 коп.

Юрий Перов родился в 1943 году в Москве. Его трудовая биография началась с четырнадцати лет. Работал электриком, механиком, матросом-спасателем, трубочистом.

С 1959 года Ю. Перов стал сочетать работу на производстве с журналистикой. Сотрудничал в газете «Московский комсомолец», в журналах «Молодая гвардия», «Сельская молодежь», «Юный техник». Его рассказы передавались на радио, были опубликованы в сборниках «Приключения» издательства «Молодая гвардия». Приключенческая повесть «ИПЦ» — первая книга молодого автора.

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ